

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

МАТЕРИАЛЫ
Итоговой конференции Института
истории им. Ш.Марджани АН РТ
за 2006 год по отделу
средневековой истории

Казань – 2008

ББК
М

Ответственный редактор и составитель:
доктор исторических наук *И.К. Загидуллин*

Труды татарских духовных лиц по истории татарского народа

**Материалы Итоговой конференции Института истории
им. Ш.Марджани АН РТ за 2006 год по отделу средневековой
истории / Отв. ред. и состав. И.К.Загидуллин. – Казань:
Институт истории АН РТ, 2008. – 124 с.**

© Институт истории
им. Ш.Марджани АН РТ, 2008

Начиная с XIX столетия, татарские муллы или имамы писали и публиковали не только статьи, но и солидные труды, книги по проблемам материальной и духовной жизни, в том числе и по историческим темам.

Хусаин Амирхан (1816–1893) – дед Фатыха Амирхана – был имамом и мудариссом в г.Казани. Не ограничиваясь религиозно-духовными обязанностями, он плодотворно занимался изучением религиозно-философских и историко-литературных проблем. В 1883 г. он опубликовал в Казани книгу «Таварихе Болгария», которая состояла из семи разделов. В ней рассмотрены многие вопросы исторического развития нашего народа, в том числе: монгольские и татарские отношения в древности; история Волжско-Камского Болгарстана; жизнь и творчество ученых и духовных лиц; события и факты современности и т.д. Помимо статей и небольших книг, у Х.Амирхана есть еще одна большая книга (369 стр.), изданная в 1884 г. в Петербурге, о родословии известных людей.

В условиях запрета татарам издания в XIX в. газет и журналов, в культурном развитии народа большое значение имели настольные и другие виды календарей. Они удовлетворяли духовные и деловые запросы населения. Начатый в 1841 г. Рахматуллой Амирхановым выпуск татарских календарей продолжался до 1917 г. Их издателями стали более двадцати человек, в том числе имамы и мударрисы. Их фамилии указаны в моей недавно увидевшей свет книге «Татар тарихчылары» (Казан, 2006. – 206 б.). В календарях опубликовано немало исторических сочинений и статей. Календари сами являются ценным историческим материалом. Несмотря на наличие исторических сочинений и источников по многим темам и проблемам, История как наука существует у татар с 1860–1880 гг. благодаря исследованиям и историческим трудам Ш.Марджани (1818–1889), имам-хатиба и ахуна в г. Казани. Он писал: «Наука История охватывает очень широкий круг вопросов, она изучает не только историю отдельных народов, их быт, но также изучает историю наук, их появление и становление. Большинство простых

людей незнакомо с этой наукой, однако имеют к ней большой интерес. Ученые историки стараются в ее изучении... Историческая наука изучает прошлое народов, исчезнувших поколений и их следы... Она также оценивает их деятельность и жизненные пути, если они оказались достойными, то призывает брать пример и следовать за ними... Она изучает уровень их знаний, показывает какой народ что производил, какие изделия и мастерство оставил после себя, а также исследует смену поколений и борьбу между племенами, народами и их вождями. Ученый историк должен искать, находить источники, изучать их, сравнивать со всеми другими и, не искажая реальную историческую действительность, не уменьшая и не преувеличивая, передавать последующим поколениям». Цитированный отрывок показывает, что Ш.Марджани разработал принципы и пути научного познания истории человеческого общества. Вместе с тем, он научно разработал и доказал необходимость системного изложения истории. Ш.Марджани писал: «Мы ставили своей целью исследование различных источников по истории нашего народа, систематизацию информации, приведенной в этих источниках и, в итоге, объективное, непредвзятое изложение всей положительной и отрицательной информации, что является обязанностью каждого историка». Так формировалась национальная историческая наука. Этот подход присущ изложению исторического материала в его книге «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар».

Ш.Марджани монголов именуется татарами. Ему монголы представляются как татары и в Монголии, и в Дешт-и Кыпчаке, и в Золотой Орде. Он критикует тех, кто не знает или не хочет знать о своих болгарских предках. Вот его слова: «Не только посторонние, но даже наши с вами соплеменники мало осведомлены о булгарах, городе Булгар, болгарских праведниках, ханах, ханской мечети и т.д. ... Некоторые из них настолько невежественны, что называют себя ногайцами...». Ученые, жившие в Крымском, Астраханском ханствах, Мавераннахре, Туркестане и Хорезме, считали другим государством Казанское ханство и не писали о нем, – отмечает Ш.Марджани. Значит и население Дешт-и Кыпчака болгаро-казанский народ не считало своим. Они, отвергнув этноним «татары» приняли разные имена, и стали называться казаками, узбеками, ногайцами, тюрками, крымцами и т.д. Исторической недоразумением было переименование болгар. Я не призываю изменить название народа, этноним «татары» име-

ет глубокую историю, еще до монголов он был распространен на трех континентах – в Азии, Африке и Европе. «Татары» – всемирно известный макроэтноним, поэтому он достоин уважения. Ш.Марджани это тоже понимал и ругал соплеменников, почему народ не принимал этого названия. Он считал, что современные татары являются потомками болгар, а не золотоордынских монголо-татар. Эта мысль красной нитью проходит в его книге. Насчет Казани великий ученый, профессиональный историк Ш.Марджани отмечал: «Из-за многочисленных смут и бед, обрушившихся на Булгарию, ее прежнее благополучие пошло на убыль, постепенно все это перешло на Казань, которая и стала наследником всего этого былого величия».

Мусульманское духовное управление в Уфе тогда состояло из муфтия и трех казыев. У татарского народа есть три казыя, занимавшихся историческими изысканиями. В 1891 г. членом Духовного Собрания был утвержден Ризаэтдин Фахретдин, в 1895 г. – Хасангата Габяши, в 1902 г. – Рашит Ибрагимов. Они удостоивались занимать эту высокую должность благодаря своим знаниям, в том числе в изучении исторического и общественного развития татарского народа.

Р.Фахретдин (1859–1936) еще в 1887–1888 гг., будучи деревенским муллой, опубликовал несколько книг. В 1900 г. издал большой труд «Асар», где представлено его собрание татарских шеджаре известных и малоизвестных людей прошлого и его современников. Другой большой его труд называется «Булгар ва Казан төрекләре». Всего он издал 65 книг и 132 статьи.

Остановимся на концептуальной проблеме периодизации истории татар. Историю татарского народа Р.Фахретдин делит на пять периодов: 1. Самостоятельный период жизни народа; 2. Период господства татар и покорность их власти; 3. Завоевание болгар русскими и их жизнь под гнетом русских; 4. Период господства миссионеров и насильственного крещения; 5. Уничтожение их под властью коммунистов. Он характеризует эти периоды следующим образом. При Болгарском и Казанском ханствах наш народ был богатым и высококультурным народом, имел свое независимое государство. Татар он считает монголами и очень отрицательно относится к ним. Такое же отношение и к русским. Вот его слова: «наш народ, будучи трудолюбивым, здоровым и высокой морали, угнетался деспотизмом двух диких и невежественных народов... Эти два народа были монголы (по понятиям русских монахов – татары) и

русские». Р.Фахретдин утверждал, что золотоордынские ханы сделали очень много, чтобы русские княжества объединились в одно государство и помогли им усилиться: «русские были в лаптях, они их обули в сапоги, маленькое славянское племя сделали могущественным». Аналогичных взглядов придерживался и Заки Валиди, указывавший, что в создании русского государства роль татар огромна, «это государство образовано совместно с татарами».

Мнение Р.Фахретдина об этносе и этнониме сводится к тому, что предками нашего народа являлись болгары, но мы вынуждены сейчас называть их татарами. Далее историк писал о национальном и религиозном угнетении татар русскими миссионерами, о насильственном крещении и морально оскорбленном положении татарского населения. В последнем разделе с большим огорчением, с ненавистью к НКВД и чекистам, он писал о материальном и духовном гнете, о тенденции к ассимиляции русскими татар.

Хасангата Габяши (1863–1936) – имам-мударрис и ахун деревни Малый Сулабаш Казанского уезда – самостоятельно изучал ряд научных религиозных и светских предметов, в том числе историю. Он издал несколько книг по воспитанию юношества, по религиозно-исторической тематике. Но главным историческим его трудом была книга «Мэфассал тарих кауме тюрки» (Полная история тюркских племен), изданная в Уфе в 1909 г.

В этой книге автор вкратце освещает историю почти всех народов Азии. Естественно, тюркским племенам и народам уделено большое место. Местом происхождения тюрков, с том числе болгар, он считает территорию от Иссыккуля (Эссекул) до Алтая. Болгары были родственными племенами угоров и уйгуров. В дальнейшем они соединились с мажарами-мишарями, которые происходили от тюрков того же Алтайско-Туранского региона. Он уделял большое внимание мишарям как части татарского народа, даже критиковал Г.Ахмерова за то, что последний допускал мысль о приходе мишарей вместе с войсками Батый хана. Далее он писал о болгарской преемственности современного татарского народа и отвергал точку зрения о золотоордынской преемственности. Этноним «татары» он считал навязанным болгарскому населению русскими. Х.Габяши современный татарский народ генетически связывал с местными болгарскими племенами, а не с золотоордынскими монголо-татарами.

Третий казый историк – это Габдеррашит Ибрагимов (1857–1944), уроженец г. Тары Тобольской губернии, где служил муллой-мугаллимом. Обучался в медресе деревни Алмана Челябинской области, Янаавыл Тюменской области, знаменитой Кышкарской медресе, в городах Медина и Мекка в Аравии. Г.Ибрагимов объездил многие города Азии и Европы. С 1933 г. по 1944 г. жил в Японии. Когда он работал муллой-мугаллимом, показал себя глубоким знатоком религиозной, национальной и общественной жизни татарского народа, патриотом родины, издавал статьи и очерки. Он был одним из лидеров партии «Иттифак аль муслимин», одним из организаторов и участников съездов этой партии. А в 1900–1903 гг. издавал брошюры в виде журналов в Санкт-Петербурге под названием «Миръят яхуд кэзге». Он был страстным пропагандистом исторических знаний, горячим любителем истории своего народа, энергичным и крупным общественным деятелем. На первой же странице первого номера «Миръат» Рашит казый хвалит Ш.Марджани и К.Насыри, высоко оценивая их деятельность и творчество, призывает читать их труды

В своих выступлениях, обращениях Г.Ибрагимов призывал к справедливости и милосердию, увещевал людей делать добрые дела, знать что хорошо, что плохо, как избежать зла.

По своим историческим взглядам Г.Ибрагимов придерживался линии Ш.Марджани и считал, что современные татары являются потомками болгар, золотоордынские татары – это монголы и т.д. Однако он считал татар единым народом, неделимым на разные группы. Его основным занятием была публицистика, агитация и пропаганда в интересах татарского народа, где бы он не жил, везде публиковал свои работы. Поэтому мы считаем, что он оказал большую пользу своему народу в формировании его исторического самосознания.

Много было тогда эрудированных, активно участвовавших в публицистике людей из духовенства – муллы, имамы, которые живо интересовались жизнью народа и старались как могли помочь ему особенно в духовно-культурной области. Это было сословие духовенства, интеллигенция татарского народа.

Минхадж ад-Дин Джуджани и его труд «Табакат-и Насири»

Известно, что персидская историография монгольского периода пережила большой подъем и мощный расцвет в XIII–XIV вв. В это время персидский язык, потеснив арабский, стал главенствовать в исторической литературе Ближнего Востока. Яркий взлет персидского языка и персоязычной историографии, ставшей доминирующим литературным средством не только в Персии, но также на какое-то время в Турции, Центральной Азии и мусульманской Индии, академик В.В.Бартольд назвал «золотым веком персидской историографии». Именно в эпоху правления монголов в Иране были созданы наиболее значительные исторические произведения, которые отличались друг от друга по разным критериям: по своей информативности, по стилю, хронологическим рамкам, по степени компилятивности, по избранной ими позиции в отношении к своим чужеземным хозяевам. По мнению Д.О.Моргана, если относительно качества могут быть претензии, то, «что касается количества, нет никаких сомнений в изобилии имеющегося материала. Его значение не ограничивается только Персией, персидские источники дают много для истории всей Монгольской империи в целом»¹. Персидская литература в рассматриваемый период по своему уровню сравнялась с литературой греческой, латинской и арабской.

Взлет персидской историографической модели сам по себе являлся индикатором общего подъема культуры Ирана в монгольский период. Между прочим, это дало возможность В.В.Бартольду опровергнуть утвердившееся в науке абсолютное мнение о монголах, как о варварах и дикарях².

В научных исследованиях установилось традиционное разделение персидских нарративных исторических сочинений монгольского периода на несколько групп в соответствии с их идейной направленностью. В первую группу отнесены авторы, враждебно и непримиримо относившиеся к монгольским завоевателям (Джуджани); во вторую группу – сочинения, написанные непосредственно с санкции монгольских правителей и, соответственно, в основном отражавшие официальные промонгольские настроения (Джувеини, Рашид ад-Дин, Вассаф, Хамдал-

лах Казвини и др.); третью группу составляли «произведения региональной историографии, написанные авторами, выражавшими интересы местных вассальных династий и провинциальной знати, в большей или меньшей степени противопоставленные интересам центрального ильханского правительства»³.

Первая из указанных групп представлена весьма незначительным количеством авторов. По сути, наиболее ранним и единственным враждебно настроенным к монголам автором был Минхадж ад-Дин Абу ‘Умар ‘Усман б. Сирадж ад-Дин Мухаммад Джуджани, известный как Минхаж-и Сирадж. Об этом авторе существует мало материалов, но, к счастью, он сам рассказал о себе на страницах своей книги. Так, нам известно, что несколько поколений его предков с обеих сторон были известными и уважаемыми духовными лицами, отличавшимися своей незаурядной ученостью⁴. По-видимому, он родился в 589/1193 г. в Гузгане, или Джуджане (современный Афганистан). Дата его смерти неизвестна. По всей вероятности, он умер в правление делийского султана Гийас ад-Дина Балбана (1265–1287)⁵. Его отец – мавлана Сирадж ад-Дин Минхадж был на службе у Му’изз ад-Дина Мухаммада б. Сам Гури и в 1186–87 г. был назначен войсковым кази Хиндустана. Затем султан Баха ад-Дин Сам поручил ему должность кази и хатиба всего государства⁶. Раверти указывает, что он стал надзирателем духовного закона, кроме того, ему была поручена забота над двумя школами и их денежными средствами⁷. Ребенком Минхадж ад-Дин воспитывался в гареме дочери султана Гура – Гийас ад-Дина – Махи Малик, так как его мать, имевшая отношение к династии Газневидов, была ее молочной сестрой и подругой⁸.

Во время первого вторжения монголов в 617/1220 г. в Гур и Хорасан, до того времени, когда Чингиз-хан со своей армией пересек Амударью, Джуджани принимал участие в обороне Тулака, где он жил, и который осаждался захватчиками на протяжении почти восьми месяцев. Затем, как он пишет, на протяжении 4 лет до 620/1223 г. помогал его защищать от монгольских атак. В 620/1223 г. Минхадж ад-Дин решил покинуть свою родину и уйти в Индию, «не желая, очевидно, – как пишет Раверти, – жить в стране, захваченной неверными монголами»⁹. Там он стал служить различным делийским султанам. В 1227 г. прибыл в Синд, Уч и Мультан. Здесь, видимо, он был уже известен, так как его сразу же назначили главой Мадраса-и Фирузи. В следующем году, после свержения Насир ад-Дина Кубача, султаном

Шамс ад-Дином Ильтутмишем (царствовал в 1211–1235), он отправился с последним в Дели и был назначен придворным проповедником, вскоре после этого – «служащим судебного ведомства и руководителем проповеди, духовных и судейских дел»¹⁰. После смерти Шамс ад-Дина перешел на службу к его преемнику – Бахрам Шаху (царствовал 1239–1241 гг.). Как пишет сэр Элиот, «...когда в городе началась паника при угрозе монгольского вторжения, он был вызван читать проповедь для успокоения народа. Вскоре после этого в 639 (1241) г. Бахрам Шах назначил его кази столицы и всех своих территорий. Однако он недолго находился на этой службе. В конце 639 г.х. Бахрам Шах был смещен и убит. Минхадж-и Сирадж сразу же подал в отставку»¹¹. В 1242 г. он отправился в Лакхнаути и оставался там два года. «Пребывание в столице Бенгала дало ему возможность для сбора точной информации в отношении отдаленных мусульманских территорий и сделало все, что он говорит о предмете, особенно ценным»¹².

Затем он вернулся в Дели, где его сразу же назначили главой медресе Насирийя и суперинтендантом ее надела. Он также стал кази Гвалиора и проповедником в столичной мечети. После того, как на трон взошел Насир ад-Дин Махмуд (царствовал 1246–1265) «...наш автор получил вознаграждение за свою похвально-историческую оду по этому случаю. Образцы ее он поместил в свою «историю». На него излился целый поток благоденствия; он получил много почестей от султана Насир ад-Дина и от известного знатного лица, которого он называет Улуг хан-и Му'аззам, впоследствии преемника Насир ад-Дина на троне и более известного как Гийяс ад-Дин Балбан. ... В конце концов, ему был пожалован титул садр-и джахан, и он снова был назначен кази государства и магистрата столицы»¹³. Именно в честь своего патрона Насир ад-Дина Джуджани назвал свой знаменитый исторический труд «Табакат-и Насири» («Насирины разряды»)»¹⁴, который он внезапно обрывает на 15 году его правления. Джуджани, как он говорит, намеревался продолжить свой труд «если позволят жизнь и обстоятельства». Как пишет Эллиот, «... он, вероятно, пережил Насир ад-Дина, так как в его работе указывается, что период правления этого монарха продолжался 22 года, что, однако, является ошибкой, так как он продолжался только 20 лет»¹⁵.

Это сочинение, написанное, по-видимому, в 1259–1260 гг.¹⁶, представляет собой обычный для персидских исторических сочинений тип всеобщей истории от сотворения мира до времени автора (до 1260 г.). Оно разделено на 23 главы (табака), каждая

из которых упоминает группы святых и шейхов, халифов и султанов и является ценным первоисточником по истории династий, правивших на территории современного Афганистана и Северной Индии. Для нас наиболее важной является самая последняя – XXIII табак сочинения, в которой повествуется о монгольском нашествии. Вместе с известным трудом Джувейни «Тарих-и джахангуша» она является первой по времени фиксации этого события в персидской исторической литературе, однако, в отличие от Джувейни, Джуджани сам был участником и очевидцем этих событий, лично слышал рассказы современников. В частности, автор приводит факты со слов сейида Ашраф ад-Дина, прибывшего в Индию по торговым делам. Кроме того, в отличие почти от всех других историков монгольского периода, он жил вдали от стран, подпавших под власть монголов, не находился у них на службе и потому пишет о них в резко отрицательной форме¹⁷. Для компилятивной части своего труда он использовал как известные сочинения, так и не дошедшие до нас труды, что придает сочинению еще большую ценность. Вероятно, можно не согласиться с Х.А.Р.Гиббом, писавшим, что «такие сочинения, как, например, труд Минхадж ад-Дина Джуджани (ум. после 664/1265 г.) малоинтересны с точки зрения историографии, хотя и представляют известную ценность, как местные хроники»¹⁸. Что касается сведений о Золотой Орде, то, как отмечают издатели второго тома «Сборника» В.Г.Тизенгаузена, «до жившего в Индии Джуджани сведения о Золотой Орде могли доходить только в виде слухов, и поэтому сообщенные им данные не совсем точны, в частности, им несколько преувеличено мусульманское благочестие Берке»¹⁹.

В целом же европейскими исследователями сочинение Джуджани оценивается очень высоко. Так, сэр Элиот пишет: «Табакат-и Насири пользуется огромным уважением как в Индии, так и в Европе... Анкетиль дю Перрон называет ее «драгоценной работой», Эльфинстон – трудом, в высшей степени известным. Стюарт в своей «Истории Бенгала» очень тесно следует ей и считает «очень ценным трудом». Эти панегирики в общем не являются незаслуженными, труд написан плавным, непритворным стилем, и его язык считается весьма правильным. Автор лишь изредка позволяет себе высокопарный панегирик, но повествует свои факты в спокойной, простой манере, которая вселяет доверие в искренность его утверждений и точность знаний. Вероятно, он был прилежен в сборе информации у вызы-

вающих доверие людей. Он часто указывает на источник получения фактов, о которых пишет. Однако довольно скуден в деталях, и мистер Морлей справедливо отмечает, что «многие части его истории слишком кратки для широкого использования»²⁰. К сожалению, опубликованные во втором томе «Истории Индии...» Эллиот и Доусоном извлечения из труда Джузджани не включали ничего из XXIII табака, в котором говорится о монгольском нашествии и который, по словам Раверти, «является, возможно, наиболее интересной частью работы, содержащей много до сих пор неизвестной информации»²¹.

Современный персидский историк Аббас Экбал отзывался об этом сочинении, как о выдающейся книге на персидском языке с точки зрения плавности и прочности стиля и языка, охвата важных событий, точности и достоверности автора, характеризует ее как один из надежнейших источников в отношении истории нашествия татар и, в то же время, одной из старейших персидских хроник этого периода²².

Нам кажется, вполне можно согласиться с Дж.Э.Бойлем, который искренне и справедливо выражал недоумение по поводу невнимания к этому важному источнику со стороны такого «образцового» историка, каким был Д'Оссон. «Странным является тот факт, – пишет Бойль, – что Д'Оссон, настолько свободное использовавший первые два первоисточника [Ибн ал-Асира и Насави – А.А.], не делает каких-либо ссылок на третий. Его молчание тем более удивительно, что Джузджани был во время Д'Оссона, несомненно, известен в Европе, где, конечно, рукописей его истории было гораздо больше, чем в Индии»²³.

Часть «Табакат-и Насири», касающаяся истории Индии, была опубликована капитаном Нассау Ли в Калькутте в 1864 г. XXIII табака сочинения Джузджани, посвященная монгольскому нашествию, была издана литографским способом во втором томе кабульским ученым Абд ал-Хайем Хабиби Кандахари в 1954 г. в Лахоре и переиздана в 1963 г. в Кабуле типографским способом²⁴. Ученый долгое время занимался поиском новых, неизвестных списков этого сочинения и обнаружил один из них в Кандагаре. При работе над переизданием, как он сам говорит: «...по возможности старался дословно сохранять слова и выражения автора без искажений, а если и был вынужден что-то добавлять, то указывал на это внизу страницы, соблюдая литературную честность. В публикации также дается биография автора и история создания сочинения, что составляет большую часть

приложения»²⁵. Хабиби при публикации XXIII табака использовал перевод Раверти и найденную им рукопись сравнил с искаженной опубликованной бомбейской рукописью.

Неполный английский перевод этой книги, без первых 6 отделов, опубликован в серии *Bibliotheca Indica* в 1873–1876 гг. в Лондоне майором Раверти²⁶. Этот перевод и примечания к нему были подвергнуты жесткой критике со стороны В.В.Бартольда. В своем известном «Туркестане в эпоху монгольского нашествия» он писал, что «... мнение автора о достоинстве своего труда и очень резкий, иногда язвительный тон его по отношению к предшественникам лишает его книгу всякого права на снисходительность критиков, в которой она, однако, очень нуждается»²⁷. В.В.Бартольд как на недопустимый факт ссылался на то, что Раверти дает исторические сведения без необходимой элементарной исторической критики, не делая различий между первоисточниками и позднейшими компиляциями; критикуя предшественников за искажение транскрипции собственных имен, сам грубо искажает даже известные имена и нигде не ссылается на те рукописи, которыми пользовался. В.В.Бартольд с сожалением констатировал, что «при том огромном фактическом материале, которым располагал автор..., он, несомненно, мог бы рассеять установленные заблуждения и заменить их новыми, более прочными теориями; но для достижения такого результата требуется некоторая добросовестность и некоторое знакомство с элементарными научными приемами. Труд господина Раверти в том и другом отношении не удовлетворяет даже тем требованиям, какие мы привыкли предъявлять к ученическим работам; за ним поэтому остается только значение собрания богатого, хотя и очень беспорядочно расположенного, фактического материала...»²⁸.

Дж.Э.Бойль поддержал В.В.Бартольда и указал на недостатки указанного перевода. Он высказал намерение переиздать его с пересмотром чтения личных имен и переработкой комментариев в свете современного состояния знаний. «Дефекты труда Раверти, – пишет Бойль, – хорошо известны и детально рассмотрены Бартольдом в его «Туркестане»: с одним исключением они затронули только его комментарий, а не сам перевод, который совершенно ошибочен и, пожалуй, дословен. Исключение заключается в упорном заблуждении Раверти в отношении произношения имен»²⁹. При работе над переводом Раверти старался использовать все рукописи, доступные в то время в

Европе 1). Рукопись С.-Петербургской Императорской Публичной библиотеки. 2). Рукопись Британского музея № АДД 26, 189. 3). Рукопись, находившуюся в его собственном распоряжении. 4). Рукопись Императорской Академии наук в С.-Петербурге. 5). Рукопись библиотеки Индия Оффис, №1952. 6 и 7). Две рукописи Парижской Национальной библиотеки. 8). Еще одну рукопись Британского музея № АДД 25,785. 9). Рукопись, ранее принадлежавшую Гейдельбергскому колледжу. 10). Копию, ранее принадлежавшую полковнику Г.В.Гамильтону. 11). Рукопись, принадлежавшую Royal Asiatic Society. «Я слово за словом, – пишет Раверти в предисловии, – детально сопоставил девять копий трех других. Хотя это заняло большое время и потребовало значительного труда, все же еще большее их количество было потрачено на сноски, которыми я считал необходимым проиллюстрировать порой краткие, иногда ошибочные, но в целом важные факты нашего автора и указать на те ошибки, в которые он иногда впадал...»³⁰.

Во втором томе «Сборника» В.Г.Тизенгаузена извлечения сделаны по изданию Нассау Ли и по калькутскому изданию. Для различий использована рукопись ИВ АН С 418 и др. Издателями отмечено, что во всех ленинградских рукописях отсутствует конец сочинения.

В отличие от некоторых последующих за ним собратьев по перу, подвизавшихся в жанре историографии, Джузджани был весьма честно мыслящим и правдивым историком, в силу своей географической удаленности от места событий официально не ангажированным. Можно сказать, он старался писать, с его точки зрения, объективно. На протяжении всего своего повествования автор называет Чингиз-хана и некоторых его преемников не иначе, как «мал'ун» («проклятый»). Исследователями было отмечено, что мимо его внимания не прошла ни одна жестокость при завоевании исламских земель³¹. Те монгольские ханы, которые негативно относились к исламу и мусульманам, обязательно сходят у него в ад. Так, в его изложении Гуяк «переселился из мира сего и сошел в ад»³², страдал в аду Джучи³³, в преисподнюю отправился Сартак³⁴, а впоследствии и Менгухан³⁵. Монгольское нашествие в труде Джузджани предстает как колоссальная атака на ислам в целом, как божье наказание, а те, кто противостоял монголам, рассматриваются как газии – борцы за веру, если же они убиты – как мученики.

С другой стороны, он не считает зазорным для себя сказать

о монголах хорошее в том случае, если они явно благоволили к мусульманам. Примечательны в этом отношении его чрезвычайно комплиментарные характеристики и почти панегирики ханам Бату и Берке. Первого он прямо называет «другом мусульман», под покровительством которого «мусульмане проводили жизнь привольно. В лагере и у племен его были устроены мечети с общиной молящихся, имамом и муэззином. В продолжение его царствования и в течение его жизни странам ислама не приключилось ни одной беды ни по его (собственной) воле, ни от подчиненных его, ни от войска его. Мусульмане туркестанские под сенью его защиты пользовались большим спокойствием и чрезвычайной безопасностью»³⁶. Джузджани даже ссылается на «некоторых заслуживающих доверия людей», рассказывавших, что Бату якобы даже втайне сделался мусульманином, но старался этого не обнаруживать³⁷.

Еще большей похвалы заслужил Берке-хан, которому, по словам автора, сам отец его Джучи-хан предрек стать мусульманином. «Люди, заслуживающие доверия, – пишет Джузджани, – рассказывали, что этот Берка родился во время завоевания (монголами) земель мусульманских. Когда мать родила Берка, то Туши, отец его, сказал: «Сына этого отдайте (кормить) мусульманской кормилице; пусть мусульманин обрежет пуповину его, пусть он (Берка) сосет молоко мусульманское, чтобы сделаться (настоящим) мусульманином, ибо я (этого) сына своего сделал мусульманином... . Нет сомнения, что по благодати этого (отцовского) намерения Берка, выросши, утвердился в мусульманской вере»³⁸. Согласно Джузджани, несколько мусульманских имамов обучали его Корану, а «некоторые заслуживающие доверия люди рассказывали, что обучение его Корану происходило в Ходженде, у одного из ученых благочестивцев этого города. По наступлении срока обрезания над ним (Берка) совершили этот обряд, а по достижении им возмужалости в войско его были назначены все мусульмане, находившиеся в стане Туши-хана»³⁹. Отдельный рассказ, со слов прибывшего по торговым делам в Индию самаркандского сейида Ашраф ад-Дина, Джузджани специально посвятил мусульманскому благочестию Берке. Интересна вторая часть этого рассказа, где противопоставлены друг другу в борьбе за власть мусульманин Берке и сын Бату – христианин Сартак, который «чрезвычайно жестоко и несправедливо обращался с мусульманами». Безусловно, симпатии Джузджани целиком на стороне Берке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Morgan D.O. *Persian Historians and the Mongols // Medieval Historical Writing in the Christian and Islamic Worlds*. Ed. by D.O.Morgan, lecturer in the History of the Near and Middle East school of Oriental and African Studies. – London, 1982. – P.125.

² Бартольд В.В. Монгольское завоевание и его влияние на персидскую культуру // Соч. – Т. VI. – М.: «Наука», 1966. – С.191-192.

³ Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII-XIV вв. – Л., 1960. – С.12.

⁴ Tabakat-i Nasiri: A general History of the Muhammadan dynasties of Asia, including Hindustan, from A.H.194 (810), to A.H.618 (1260) and irruption of the infidel Mughals into Islam by the Maulana Minhaj-ud-Din, Abu-'Umar-i-'Usman. Translated from original Persian MSS. By Major H.G.Raverty. – Vol. I. – London, 1881. – P.XIX.; Sir H.M.Elliott, K.C.B. The History of India as told by its own historians. The Muhammadan period. Edited from the posthumous papers of late sir H.M.Elliott, R.C.B., East Company's Bengal civil service, by prof. John Dowson, M.R.A.S., Staff College, Sandhurst. – London, 1869. – Vol. II. – P.259.

⁵ Миклухо-Маклай Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. – Вып.3. Исторические сочинения. – М.: «Наука», 1975. – С.34.

⁶ Стори Ч.А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. – М., 1972. – Ч. I. – С.294.

⁷ Raverty. Ibid. – P.XXII.

⁸ Ibid.

⁹ Raverty. – P.XXIV.

¹⁰ Elliot. Ibid. – P.259; Стори Ч.А. Указ. соч. – С.295.

¹¹ Elliot. Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. – P.260.

¹⁴ Этот труд также известен под названием «Тарих-и Минхадж-и Си-радж».

¹⁵ Elliot. – P.261.

¹⁶ Как пишет Н.Д.Миклухо-Маклай, «время написания сочинения: начато не позднее 657/1258-59 г. (этот год упомянут как текущий год в XIX главе сочинения...). Относительно даты окончания сочинения имеется некоторая неясность. Датой окончания предпоследней, XXII главы, указан шаввал 658 – октябрь 1260 г. (л. 222а, Издание Нассау-Лиза, стр.324), датой окончания последней, XXIII главы – 5 раби' I 658/20 февраля 1260 г. (издание Нассау-Лиза, стр. 453; конец этой главы, содержащей указанную дату, в рассматриваемом списке утерян). Из приведенных дат следует, что последняя, XXIII глава, была написана ранее предпоследней, XXII главы. Однако это представляется мало правдоподобным. Гораздо вероятнее предположить, что дата 5 раби' I 658 г.х. в конце последней, XXIII

главы, поставлена ошибочно по вине переписчика вместо даты 5 раби' I 659/7 февраля 1261 г. Как полагал В.В.Бартольд в статье «О некоторых восточных рукописях», эту последнюю дату следует считать днем окончания всего сочинения; правильность мнения В.В.Бартольда может быть подтверждена наличием даты 659 г.х., упоминаемой в середине той же XXIII главы сочинения...». – См.: Н.Д.Миклухо-Маклай. Указ. соч. – С.34.

¹⁷ М.А.Гаффаров одобрительно относился к этой позиции автора и писал: «Как Нисайи, так и Джузджаний (не говоря уже про араба Ибн аль-Асира) красочно изображают ужасы монгольского вторжения. К сожалению, в ином духе пишут об этих ужасах другие историки начально-монгольского периода, состоящие на службе у монголов...». – См.: М.А.Гаффаров. Из области персидской историографии монгольского периода // Древности восточные. – Т.4. – М., 1913. – С.30.

¹⁸ Гибб Х.А.Р. Арабская литература: Классический период / Под ред. В.И.Беляева. – М., 1960. – С. 144.

¹⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. – М.-Л., 1941. – С.13 [далее – СМИЗО].

²⁰ Elliot. Ibid. – P.264.

²¹ Raverty H.G. – P.869, note 1.

²² C.483. – ۱۳۶۴. تهران. تاریخ مغول. عباس اقبال

²³ Boyle J.A. The Mongol commanders in Afghanistan and India according to the Tabakat-i Nasiri of Juzdjani // Islamic studies, II/2. 2 Karachi, 1963. – P.235.

²⁴ طبقات ناصري تأليف قاضاً القضاة صدر جهان ابو عمر و منهاجالدین عثمان بن سراجالدین محمد

افصح العجم اعجوبة لزمان، ابن منهاج الدين عثمان الجوزجاني معروف به قاضى منهاج سراج

(که در دهلی بسال ۶۵۸ ه نوشته است) به تصحيح و مقابله و تحشيه و تليق عبدالحي جيبی

قندهاری در سنه ۱۳۴۲ ش خب طرف انجمن تاريخ افغانستان نشر شد پوهنی مطبعه (کابل) چاپ دم.

²⁵ Там же.

²⁶ Raverty H.G. Tabakat-i-Nasiri. A general History of the Muhammadan dynasties of Asia, including Hindustan, from a.h. 194 [810 a.d.] to a.h. 658 (1260a.d.) and the irruption of the infidel Mughals into Islam. – London, 1881. – 1293 p.

²⁷ Бартольд В.В. Соч. – М.: «Наука», 1963. – Т. I. – С.110-111.

²⁸ Там же.

²⁹ Boyle J.A. – P.3.

³⁰ Raverty. Ibid. – P.XI.

³¹ Morgan D.O. *Persian Historical Writing in the Christian and Islamic Worlds*. Edited by D.O.Morgan, lecturer in the History of the Near and Middle East School of Oriental and African Studies. – London, 1982. – P.111.

³² СМИЗО. – II. – С.15.

³³ Там же.

³⁴ Указ. соч. – С.19.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Правда, тут же он пишет: «Прощаюсь около 28 лет над этим краем, он скончался. Да помилует его Аллах, если он (Бату) был правый, и да облегчит ему Аллах мучения (адские), если он был неверный». – Там же.

³⁸ Указ. соч. – С.16.

³⁹ Указ. соч. – С.15.

Ямаширмә авылы тарихынан

Татарстанда борынгы һәм бай тарихлы авыллар байтак. Гыйбрәтле үткәнебезнең бер кисәген үзенә сәндәргән авылларның берсе – хәзерге Биектау районына кергән Ямаширмә авылы. «Татар энциклопедик сүзлегендә» Ямаширмә авылы Казан ханлыгы чорынан ук билгеле¹ дигән мәгълүмат бар. XVI йөзгә икенче яртысына – XVII гасырга караган язучы кенәгаләре мәгълүматларына нигезләнеп, тарихчы Е.И.Чернышев та Ямаширмә Казан ханлыгы авыллары исемлегенә керте².

Әмма Ямаширмәнең тагын да борынгырак булуын раслаучы дәлил бар: авыл зиратында 1382 ел даталы гарәп-татар язучы кабер ташы хәзерге көндә дә саклана. Ташның югары өлешендә болгар кабер ташларына куела торган алты почмаклы сөләйман йолдызы бар. Язучы татарча өлеште түбәндәгедән гыйбарәт: «... Тарих ите йөз сиксән түртдә Жәмәди әл-әүвәле аеның берендә ирди кем. Габделжаббар углы ... Инүк, иллик биш йөшәндә кяфер килгәндә шәһид... Тәгалә рәхмәт кыйлсын, Амин, йа Раббел-җалимин»³. Димәк, Ямаширмә авылы XIV гасырда яшәгән дип раслауга тулы хокук бар.

Әлбәттә, авылның бу чорына караган чыганаclarның сакланып калуы икеле. Казан ханлыгы Явыз Иван гаскәрләре тарафынан тар-мар ителгәч, язма истәлекләрнең һәммәсе диярлек юкка чыккан. Авыл үзе дә, күрәсең, яндырылган, аның урынын алыштыруы (бәлки бер тапкыр гына да түгелдер) шул хакта сөйли. И.А.Износковның «Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием» (1885) исемле хезмәтендә шундый мәгълүмат китерелә (тарихи документ буларак хезмәттән өзекне оригиналдә китерү кулай): «Ямашурма. Деревня при овраге Каменном, по правой стороне Сибирской почтовой трассы, от города 38 верст, волостное правление 6 1/2 верст. Прежде эта деревня находилась на месте Сидоровой Пустоши, по-татарский Сидр аул. В деревне две мечети и две магометанские школы. Земли 2509,4 десятины в даче «деревни Ямашурма». Кроме того крестьяне имеют право на 49 десятины, которыми владеет маркиза Маргарита Карловна де-Траверзе, о чем ими предъявлен иск»⁴. Күренәки, Ямаширмә крестьяннары үзләренә тиешле булган жир биләмәсенә бер өлешеннән мәхрүм ителгән булганнар.

Югарыдагы хезмәттән янә бер гыйбрәтле мисал: Ямаширмә авылы элек Сидорова Пустошь дигән авыл урынында утырган булганлыгы әйтелә дә, шундый факт теркәлә: «Сидорова Пустошь. По-татарски деревня называется Сидор аул = Сидорова деревня; она возникла на пустоши, где находилась в прежние годы деревня Ямашурма. В роще, принадлежащей деревне, находятся священные для татар деревья; говорят, что прежде тут были мазарки (татарское кладбище)»⁵.

Әнә шулай татар авылын ничә гасыр тамыр жибәрәп яшәгән урыныннан кубарып Ташлы чокыр (овраг Каменный) дип аталган уңдырышсыз туфраклы жиргә куалар. Ямаширмә авылы туфрагына килеп утырган Сидорова Пустошь авылы бүгенгә көндә юк.

Чокырлы-чакырлы, тигезсез жиргә утырган Ямаширмә халкы (Ямаширмә – яман чокыр, яман елга мөгънәсендә) фәкыйрь яшәгән. Ямаширмә авылы 1602–1603 елгы «Писцовая книга»да да телгә алына⁶. Чыганактан күренгәнчә, жир өчен тартыш шактый киеренке барган. Уңдырышлы жирләр әле бер кулга, әле икенче кулга күчкән. Шул чыганактан тагын бер өзек китерәбез: «... за Еналеевым де братом за Кулеметем и за племянником ево за Одулом пашня была в деревне в Енашурме (сүз Ямаширмә авылы турында бара – Х.Б.) и та у них пашня сказали, взята и отдана чюваше на ясак»⁷. Чыганактагы «чювашларны» чуваш халкы вәкилләре белән бутамаска кирәк. «Чюваш» төшенчәсе ул вакытта, сыйнфый-ижтимагый мөгънәгә ия булып, яsakлы яки крепостной кешеләргә карата кулланылган.

Авыл халкы яшәү чыганагы булган иген жирләрен үзләренә алу өчен һәртөрле мөмкинлекләренә файдаланырга тырышкан. Төрле үтенеч язучылары белән алар Казан Федоров монастыре жирләренә бер өлешен үзләренә алуга ирешәләр. Озак барганмы бу көрәш, юкмы – анысы билгесез. Ә менә 1647–1656 елларга караган документлар бу тартышның уңай нәтижәсен күрсәтә: «...Федоровского монастыря вотчины отошло к государеву селу Чепчюгом и к ясачной деревне Емашурме пятьдесят десятин (1,09 гектар – Х.Б.) без чети в три поля. А в одно поле шестнадцать десятин с полудесятиною и пол-полтретины десятины»⁸.

Д.А.Корсаков төзегән «Казан наместнигы турында ведомостылар»да (1781–1782 еллар) Ямаширмә авылы Арча өязенә керә һәм монда яsakлы татарлар яши, барлыгы 300 ревизия жаны яши дип язылган⁹.

«Ревизия исемлекләре» мөгълүматларына караганда Ямаширмә авылында халык саны даими арта торган. 1850 елны 552

ир-ат, 530 хатын-кыз исәпкә алынган¹⁰. 1858 елның 19 мартында алынган мөгълүмат буенча 562 – ир-ат, 608 – хатын-кыз¹¹.

Авыл халкы элек-электән иген иккән, терлек асраган, һөнәрчелек белән шөгъльләнгән, киндер суккан, палас һәм сөлгеләр тукуган, бертуган Әюповлар умартачылык белән шөгъльләнгән. Уфа губернасына товар ташыган, шунда ук кабык төшереп мунчала эзерләгән¹².

Ямаширмә авылы Казаннан 40 кына чакрымда булса да иманын сатмаган, динен саклап кала алган татар авылларының берсе. Авыл халкы янә урыннарда күчкән, әмма мөселманлыгын жуймаган. Яsakлы крестьян булганлыктандырмы, гаярьлекләре куәтле булганмы, нидер бар, алар чукынудан котылып кала алганнар. Әлбәттә, авыл халкын туплап, акыл бирүче, иманлы юл күрсәтүче олуг затларда булган. Шуларның икесе хакында татарның мөхтәрәм акыл ияләре Шиһабетдин Мәржани һәм Ризәддин Фәхрәддин хөрмәт белән искә алалар: «Хөсәен бине Муса бине Ягъкуб бине Ишмәмәт әл-Казани. Бәшир байның кызы Мәхбүбәгә өйләнәп, аның кияве һәм мин фәкыйрь язучының каенатасы иде. 1257 (1857) елда, рәбигыйль-әүвәл аеның унберендә, жомга көн кичендә вафат булды. Илле сигез яшендә иде. «Мүскәй Хөсәен» һәм сирәк кенә «Шулпа Хөсәен» дип йөртәләр иде. Казанның юмартлыгы һәм мөрәүвәтлелеге белән танылган мөгътәбәр байларыннандыр. Ямаширмә, Кизләү, Юлга, Әсән карьяләренә мөхәтләре моның тарафыннан бина кылынганнар»¹³. Р.Фәхрәддиннең «Асар»ында Ямаширмә авылының мөхәтәндә имам һәм мөдәррис булган Сәйфетдин бине Хәлил турында мөгълүмат бар. Ул озак еллар иманлык һәм сабыялар укыту хезмәтендә булып хаж кылу максаты белән Хижаз тарафына сәфәр киткән. Аның 1812 елдан алып 1840 елга кадәр авылда тормыш итүе билгеле¹⁴.

XIX йөздә Ямаширмә авылында ике мөхәллә була. 1844 елның 25 августыннан беренче мөхәллә имамы вазифасын Нәжметдинов Сиражетдин (указ № 6291) башкара. 1852 елда янган мөхәт урынына 1853 елда агач мөхәт торгызыла. 1865 елда бу мөхәлләдә 336 ир-ат һәм 349 хатын-кыз санала¹⁵. Аның вафатыннан соң (5 май, 1883 ел) мөхәллә халкы мулла итеп Казан өязе Кармыш волосте Янали авылында 1860 елның 5 февралендә туган Фазлыәхмәт Хафиз улы Хәмзинны (указ № 6618) сайлый¹⁶. Бу шәхес күренекле дин әһеле буларак кына түгел (соңрак аңа ахун дәрәжәсе дә бирелә), ә педагог-реформатор, мөгърифәтче сыйфатында мөгълүм шәхес. Бу мөхәлләгә 1909 елга кадәр Татар Урматы авылы халкы да керә. 1909 елда алар үзләрендә

мәчет салырга рөхсәт алалар һәм 65 йорттан 206 ир-ат аерылып чыга¹⁷ һәм мулла итеп Зур Кавал авылында туган 22 яшьлек Галимжан Ганиятуллин сайлана.

Икенче мәхәллә 1834 елда оеша. Имам итеп 1834 елның 14 февраленнән Лаеш өязе Отар-Дубровка (Татар Казысы) авылы крестьяны Хәйбулла Хәмитов (указ № 4423) билгеләнгән¹⁸. 1859 елның 28 сентябрәннән икенче имам сыйфатында аңа улы Вәлиулла (№ 6220) ярдәм иткән (1876 елның 22 мартында вафат була)¹⁹. 1885 елдан мәхәллә имамы итеп Хәйбулла хәзрәтнең оныгы Ярулла Вәлиуллин (1869 елның 11 октябрәндә туган) (указ № 3584) билгеләнгән²⁰. Минем әтием Зиннәтулла Сафиулла улы (1909–1988) Ярулла мулладан сабак алдым дип искә ала иде. Ярулла хәзрәтнең эшен аның малае Габделхәбир (1905 елның 20 августында туа) дәвам итә. Аның тулы исеме – Габделхәбир бине Ярулла бине Вәлиулла бине Хәбибулла (Хәйбулла – Х.Б.) бине Габделхәмит бине Ишмөхәммәд бине Бикмөхәммәд. Габделхәбир балачактан ук Казандагы мәшһүр «Мөхәммәдия» мәдрәсәсенә укырга керә. Анда ул Галимжан хәзрәт Баруди житәкчеләгәндә гыйлем эстәүгә керешә. 1918 елда «Мөхәммәдия» мәдрәсәсе ябылгач, «Касыймия» мәдрәсәсендә укуын дәвам итә. Мәдрәсәдән соң ул туган авылына кайта, 1926 елдан имам-хатыйб вазыйфасын башкара. 1930–1931 елларда сайлау хокукларынан мөхрүм ителә. 1967 елның июнендә «Мәржани» мәчете имам-хатыйбы итеп сайлана. 27 ел дәвамында (1994 елга кадәр) Казан шәһәренең жәмигъ «Мәржани» мәчетендә беренче имам-хатыйб вазыйфасын үти. 1968 елның март аенда хаж кыла. 1970 елда Диния нәзарәтендә казыйлыкка кандидат итеп сайлана. Габделхәбир хәзрәт гаиләсендә эшен дәвам иттерүченә тәрбияли алган. Аның оныгы Наил хәзрәт Яруллин Бохарадагы «Мир-Гарәп» мәдрәсәсен төмамлай, Төркиядә һәм Мәдинәдә белемен камилләштерә. Бүгенге көндә ул – Казан югары мөселман «Мөхәммәдия» мәдрәсәсенең ректоры.

1883 елдан икенче мәхәллә мәчете жәмигъ булып үзгәртелгән. Мәчет каршында мәктәп эшләгән, XX гасыр башында анда 32 шәкерт гыйлем алган. Дәүләт карамагында булмау сәбәпле, мәдрәсәләр бары тик халыктан килгән акча хисабына гына яшәгәннәр.

Гомумән, Ямаширмә авылы мәгърифәтле затларга бай булган, мәдрәсәләрдә яңа тип уку системасын урнаштыру өчен һәрвакыт көрәш барган. Татарстан Милли архивында Чыпчык волосте Ямаширмә авылында икенче татар-мөселман мәктәбе

ачу турында кызыклы документ саклана²¹. Документан күренгәнчә, Казан татар укытучылар мәктәбен төмәмәлаган Сөләйман Искәндәров, Габдулкаюм Коләхмәтов, Нигмәтжан Таһиров, М.Дашкин, Маликов һ.б.лар эшләгәннәр.

1903 елның 20 гынварендә Ямаширмә авылына вакытлыча укытучы итеп Казанда татар укытучылар мәктәбен төмамлаган мөгаллим Сөләйман Искәндәров билгеләнә. Бина булмау сәбәпле Закир исемле крестьянның өендә 10 укучы белән мөгаллимлек эшен башлап жиберә. Соңрак Зәйнулла Гиззәтуллин һәм аның малае Мөхәммәтүфага Зәйнуллин өендә укучыны дәвам итә²².

Әле махсус бина төзелгәнче Казан өязе земство идарәсе укыту эшенә һәм укытучыга хезмәт хакы түләү өчен акча бүлеп бирә. 1903 елда дәүләт карамагына күчкән уку йортына финанс алу эшенә шактый җиңеләйтә. 1903 елның 27 августында Ямаширмә рус-татар училищесына укытучы итеп елга 300 сум хезмәт хакы белән Габделкаюм Юныс улы Коләхмәтов билгеләнә²³. Бу шөхес турында аерым сөйләү зарур. Габделкаюм – күренекле татар әдибе Гафур Коләхмәтовның энесе. Казандагы татар укытучылар мәктәбендә белем ала. Татар әдәби-мәдәни тормышының үзгәргән кайнаган Гаяз Исхакый, Хөсәен Ямашев, Галимжан Сәйфетдиновлар белән бергә укый. Ул беренче көннән үк җиң сызганып эшкә тотына. Нәкъ менә аның тырышлыгы һәм Фазлыәхмәт имам-хатыйбның финанс мәсьәләсендә җаваплылыкны үз өстенә алуы нәтижәсендә аерым мәктәп-мәдрәсә ачуга рөхсәт бирелә. Габделкаюм Коләхмәтов өяз земство идарәсенә язган хатында мәктәпнең йорт бинасында кысан булуын һәм укучылар саны арта баруын, аларның тирә-юньдәге авыллардан да, хәтта Казанның Апанай мәдрәсәсеннән дә килүләрен хәбәр итә²⁴.

Махсус уку бинасы булдыру көн тәртибенә баса. Бу эшенә алдынгы карашлы имам-хатыйб, мөгаллим Фазлыәхмәт Хәмзин үз өстенә ала һәм земство өяз идарәсенә 1905 елның 26 октябрәндә язган хатында үзен гарант булачагын белдерә²⁵. Аның тырышлыгы белән уку 1904 елдан яңа бинада башлана. Гомумән, мәктәп төрле хәлләргә дучар була: янгынга да элгә, кабат-кабат төзелә, үсә, киңәйтелә.

Габделкаюм Коләхмәтов укучы белән генә шөгыльләнми, авыл халкы арасында агарту һәм аңлату эшләре алып бара. Патша, авыл старосталарын сайлаган кебек үк, халык тарафыннан сайланьрга тиеш һәм гомумән тиздән патша бөтенләй булмаячак, аны халык тарафыннан сайлап куелган кеше алыштырчак дигән фикерләр тарата. Студентлар авыл халкы хокуклары өчен

көрәшәләр, ә крестьяннар һич тә аларга булышырга теләмиләр дип, ризасызлыгын да белдерә²⁶. 1908 елның 28 мартында Коләхмәтов өендә тентү уздырыла һәм шактый күләмдә «зарарлы» матбугат жылып алына²⁷. Габделкаюм сәяси яктан гаепле дип табыла һәм 1908 елның 18 августында Сембер шәһәрәнә сөргенгә жиһәрәргә хөкем ителә²⁸.

Аның эшен Таһиров Нигмәтжан Хөснетдин улы дөвам итә. 1910 елның 6 гыйнварендә язган хатында Таһиров укучылар саны 50 гә житүен хәбәр итә. Бинаны киңәйтү һәм икенче укучучы кирәк дип белдерә²⁹. 1910 елда Халык училищелары инспекторы Я.Д.Кобловны чыгарылыш имтиханнары комиссиясе житәкчесе итеп Ямаширмә авылы рус-татар училищесына билгелиләр³⁰.

1917 елдан авыл тарихында, бөтен илдәге кебек, зур үзгәрешләр башлана. Жир бүленә, колхозлар оеша. Тирән тетрәнүләр Ямаширмә авылын да читләтеп үтмиләр.

Мәчетләренә ябалар. Беренче мәхәллә мәчете 1936 елда клуб итеп үзгәртелә³¹. Икенче мәчет 1939 елның 19 июлендә ябыла³² һәм балалар бакчасына тапшырыла. Татарстан Милли архивында сакланучы мәгълүматларга³³ караганда 1929 елга кадәр үз вазыйфаларын башкарган муллалар И.Әхмәдиев (1882 елда туган), А.Сиражиев (1884), мөезин З.Шәмсетдинов (1888), мулла Х.Яруллин (1905) 1930–1931 елларда сайлау хокукларынан мәхрүм ителәләр.

Авылның яңа тарихынан бер шөхәснә атап китү зарур. Ул – Советлар Союзы Герое Гыйлфан Әбүбәкер улы Батыршин. Гәрчә Донбасста туган булса да, аның әти-әнисе Ямаширмә авылында туып үскәннәр һәм һәр елны Сабантуйга балалары белән кайта торган булганнар. 20 еллар ахырында Батыршиннар Ямаширмәгә бөтенләйгә күчеп кайталар. Гыйлфан 1931–1932 елларда Казанның «Пишмаш» заводында эшли. 1936 елда Кызыл Армия сафларына алына. Ерак Көнчыгышта Хәсән күле янында япон самурайларына каршы бәрелештә күрсәткән батырлыклары өчен сержант Гыйлфан Батыршин 1938 елда татарлардан беренче булып Советлар Союзы Герое дигән дәрәжәгә лаек була. Ямаширмәләр аны үзләренекә дип санылар, аның белән чиксез горурланалар. Авылда кыю каһарман Гыйлфан Батыршинга куелган һәйкәл-бюст моны тагын бер кат раслый.

Татар халкын, аның телен һәм мәдәниятен саклап калу, алга таба үстерү юнәлешендә ата-бабаларыбыздан калган бай тарихи-мәдәни мирасны үзләштерү, өйрәнү, эш-гамәлләребездә файдалана белү зарур. Тарих һәм заман бездән шуны таләп итә.

ИСКӘРМӘЛӘР

¹ Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – С.684.

² Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства. (По писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С.289.

³ Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л., 1960. – Таблица 44.

⁴ Износков И.А. Список населенных мест Казанского уезда, с кратким их описанием. – Казань: Типогр. губернского правления, 1885. – С.14.

⁵ Шунда ук. – Б.14.

⁶ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – С.133–134.

⁷ Шунда ук. – Б.134.

⁸ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М., 2001. – С.373.

⁹ Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. // ИОАИЭ. – Т. 18. – 1908. – Вып. 4–6. – С.259.

¹⁰ Татарстан республикасы Милли архивы (ТР МА). Ф.3. Тасв.2. Эш 678. Б.334–335.

¹¹ ТР МА. Ф.3. Тасв.2. Эш 308. Б.745–667.

¹² Вечеслав Н.Н. Список населенных мест Казанской губернии. Вып. I. Уезд Казанский. – Казань: Типогр. губернского правления, 1878. – С.84–85; Износков И.А. Күрс. хезм. – Б.14.

¹³ Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбәр фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – Б.318.

¹⁴ Р.Фәхрәддин. Асар. – Казан: Рухият, 2006. – Б.165.

¹⁵ ТР МА. Ф.2. Тасв.2. Эш 8. Б.79.

¹⁶ ТР МА. Ф.2. Тасв.2. Эш 2590. Б.2–4.

¹⁷ ТР МА. Ф.2. Тасв.2. Эш 8469. Б.12–14 об.

¹⁸ ТР МА. Ф.2. Тасв.2. Эш 710. Б.47 об.–48.

¹⁹ Шунда ук.

²⁰ ТР МА. Ф.2. Тасв.2. Эш 3076. Б.20 об.–22.

²¹ ТР МА. Ф.119. Тасв.1. Эш 780.

²² Шунда ук. Б.18.

²³ Шунда ук. Б.58.

²⁴ Шунда ук. Б.66.

²⁵ Шунда ук. Б.78.

²⁶ Шунда ук. Б.86.

²⁷ ТР МА. Ф.1. Тасв.4. Эш 3547. Б.5–12.

²⁸ Шунда ук. Б.26.

²⁹ ТР МА. Ф.119. Тасв.1. Эш 780. Б.101.

³⁰ ТР МА. Ф.119. Тасв.1. Эш 1116. Б.7 об.

³¹ ТР МА. Ф.Р-873. Тасв.2. Эш 16. Б.4.

³² ТР МА. Ф.Р-3610. Тасв.5. Эш 363. Б.1.

³³ ТР МА. Ф.Р-2849. Тасв.5. Эш 11. Б.112.

«Богатство обязывает...»
 (Из истории благотворительных обществ
 и учреждений Казани в XIX в.)

История милосердия начинает свой отсчет с момента возникновения человеческого общества. Если на заре своего развития благотворительность выражалась в форме частного сочувственного отношения к своему ближнему, с течением времени она начинает приобретать официальные формы, становится прерогативой не только частных лиц, но и различных государственных и религиозных институтов.

История развития официального государственного попечительства ведет с указа императрицы Екатерины Великой, которая в 1775 г. повелела создать в каждой губернии Приказы общественного призрения, в обязанности которых входило: «... попечение и назидание... 1) народных школ; 2) установление и надзирание сиротских домов; 3) установление и надзирание госпиталей или больниц для излечения больных; 4) установление и надзирание богаделен для мужского и женского пола убогих, увечных и престарелых...; 5) установление и надзирание особого дома для неизлечимых больных, кои пропитания не имеют; 6) установление и надзирание дома для сумасшедших; 7) установление и надзирание работных домов для обоого пола; 8) установление и надзирание смотрительных домов для обоого же пола людей...»¹.

Казанский приказ общественного призрения начал свою деятельность в 1782 г. На его расходы из императорской казны, как и для других губерний, было выделено единовременное пособие в размере 15 тыс. рублей, которое Казанский приказ мог вложить под проценты на заклады имений. Несмотря на сугубо государственную организацию этого учреждения, в указе императрицы оговаривалась возможность принятия Приказами добровольных общественных и частных пожертвований, которые должны были использоваться по желанию жертвователя. Так, например, в 1833 г. Казанский приказ получил от купцов Котеловых в вечное владение дом с мыловаренным заводом и дворовым местом, оценивавшийся в 45 тыс. рублей, за что жертвователи были награждены золотыми медалями для

ношения на Аннинской ленте. Деятельность Приказов общественного призрения осуществлялась вплоть до 1869 года, когда их полномочия были переданы местным земским органам самоуправления. За почти вековое существование Казанский приказ смог расширить сеть учреждений для призрения и тем самым охватить достаточно большое число нуждающихся, которые получали кров, пропитание, были обеспечены одеждой и даже получали определенную специальность или образование. Так, к 1857 г. Казанский приказ имел в своем заведывании больницу, богадельню, сиротский, смиренный и рабочий дома, исправительное заведение, дом умалишенных, фельдшерскую школу.

Несмотря на разветвленную и разнообразную деятельность Казанского приказа, количество нуждающихся в призрении увеличивалось по разным причинам, и город нуждался в дополнительных общественных организациях, которые смогли бы взять на себя ответственность по улучшению состояния бедного населения губернской столицы. Появившиеся в XIX в. в Казани общественные благотворительные учреждения можно условно объединить в группы по характеру призрения. Это — призрение бедных (Казанский городской попечительный комитет о бедных, общественная богадельня, Общество пособия бедным мусульманам, богадельня Крупеникова, Кривоносова, Прибытковой и др.); призрение детей (Общество попечения о бедных и больных детях, Александринский, Николаевский и Юнусовский детские приюты, Казанское общество призрения и образования глухонемых детей, Комитет попечительства о слепых и др.); помощь учащимся (общества вспомоществования ученикам различных учебных заведений, например, Ксениинской женской гимназии, земской фельдшерской школы, реального училища, духовной академии, Первой мужской гимназии и др.); ликвидация нищенства и бродяжничества, забота о народном здравии (Дом трудолюбия, Общество трезвости и др.).

В основе капиталов обществ часто лежали государственные средства, или деньги, выделенные Ведомством императрицы Марии, но ни одно из них не могло обходиться без частных пожертвований. Дополнительными источниками приращения средств также были: членские взносы, доходы с устраиваемых обществами различных мероприятий, сборы по подписным листам и кружечные сборы. Капитал разделялся на неприкосновенный и расходный, он обращался в государственные или га-

рантированные государством процентные бумаги, хранившиеся в кредитно-банковских учреждениях. Для управления делами в обществах избиралось правление, попечительство и общее собрание, и их деятельность регламентировалась уставом.

Форма призрения в благотворительных обществах была разноплановой: не ограничиваясь только помещением в богадельни или раздачей пропитания, общества выделяли денежные пособия, давали образование, обучали ремеслу, оказывали медицинскую помощь, устраивали на работу, открывали бесплатные столовые.

Первое общественное благотворительное учреждение – Казанский попечительный о бедных комитет под ведомством Императорского человеколюбивого общества был открыт в 1816 г. Учреждением комитет был обязан статскому советнику и кавалеру В.В.Романовскому, который пригласил всех желающих, независимо от сословия, жертвовать новой организации деньгами, продуктами питания, одеждой². В дальнейшем, с принятием устава Комитета, оговаривалась сумма ежегодных пожертвований для постоянных членов-благотворителей, которую они должны были вносить в начале каждого года (в основном, эта сумма не превышала 10 руб.). Капитал Комитета находился в Приказе общественно призрения, однако процентов, поступающих с основного капитала, было недостаточно для призрения увеличивающегося количества нуждающихся. Кроме того, в некоторые годы деятельности Комитета, его основной капитал уменьшался из-за немногочисленности основных членов-благотворителей. В связи с этим Комитет даже был вынужден изменить формы призрения: если ранее нуждающиеся получали пособие и деньгами, и товарами, то теперь пособие иногда ограничивалось только небольшими суммами³. В периоды активных пожертвований со стороны местного населения, Комитет организовывал новые формы благотворительности, так, например, для беднейшего населения Казани были открыты и действовали Андреевская столовая, образцовая кухня на улице Пушкина, столовая на Георгиевской улице. На деньги татарских купцов-мусульман в неурожайном 1891 году в Плетнях в доме А.Я.Сайдашева была открыта столовая на 300 человек. Бедное мусульманское население также могло получить пищу в бесплатной столовой в доме С.Д.Усманова в Тихвинском переулке, а дети питались в специально для них созданной татарскими купцами столовой. В ведении Комитета состоял также

«Дом высочайшего имени императора Александра II», в котором находились богадельня, бесплатные квартиры, училище, ремесленные мастерские; в Комитет входило также отдельное женское благотворительное отделение. Количество призреваемых напрямую зависело от материальной обеспеченности Комитета. Так, если в начале 1832 г. в попечении находилось 79 семейств (132 чел.), то к началу 1833 г. их количество выросло до 92 (149 чел.) и на их содержание было использовано 5844 руб. В 1899 г. число призреваемых составляло 186 чел, их содержание возросло до 20344 руб.

Однако все более возрастающее число людей, нуждающихся в призрении, требовало создания дополнительных благотворительных учреждений. Для решения этой проблемы казанское городское общество, собрав пожертвования в размере 25 тыс. руб. серебром, учредило в 1848 г. на основе этого капитала Казанский общественный банк и богадельню. На проценты, выдаваемые банком, и должна была содержаться богадельня, которая стала известна как «Дом призрения неимущих, престарелых и увечных граждан» или «Ложкинская богадельня». Второе неофициальное название было дано в честь казанского купца В.М.Ложкина, пожертвовавшего в 1847 г. для устройства богадельни трехэтажный каменный дом со всеми прилегающими к нему строениями и усадебным местом на Черноозерской улице, за что он был награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на Аннинской ленте. Второе крупное пожертвование в пользу Дома призрения поступило от купца В.А.Карабанова, завещавшего свое имущество, которое оценивалось в 26000 рублей. В течение 50-летнего существования Дома призрения в его пользу поступило 213145 руб. деньгами, кроме того было пожертвовано недвижимое имущество П.П.Паруновой, Ф.Е.Постниковым, И.Ф.Андреевским. Если с начала открытия богадельни общее количество призреваемых насчитывалось до 43 человек, то уже к 1885 году – до 400. Увеличение числа призреваемых в начале 1880-х годов было связано с открытием дополнительного отделения на средства Ф.Е.Постникова и Ю.П.Годяевой, пожертвовавших 64 тыс. руб. Всего же с 1848 по 1898 гг. в богадельне содержалось 835 мужчин и 1398 женщин⁴.

В целях улучшения криминогенной ситуации городское управление было вынуждено принимать различные меры по устранению нищенства и пьянства, вплоть до высылки отдельных

лиц из города. Для искоренения широко распространенного порока – пьянства – в 1892 г. в Казани начало свою деятельность Общество трезвости, которое оказывало различные виды помощи нуждающимся, для чего имело в своем ведении чайно-столовую, ночлежный приют, приют для временного труда, приют для беспризорных детей, больницы (именно Казанское общество трезвости в 1896 г. открыло первую в России больницу для лечения алкоголизма), библиотеки и читальни. Организатором и постоянным руководителем общества был А.Т.Соловьев. К 1900 г. в обществе состояло уже 1524 человек, как членов общества, так и призреваемых.

Для уменьшения количества нищих и попрошаек в 1896 г. в Казани был открыт Дом трудолюбия, который, принимая на полное содержание трудоспособных взрослых и малолетних бродяг, должен был обеспечить их ремеслом и заработком, часть которого вычиталась на расширение Дома трудолюбия. Нетрудоспособные же были устраиваемы в казанские богадельни. Основной целью Дома трудолюбия являлось полное уничтожение профессионального нищенства, уличного подаяния, которое развивало среди населения различные пороки⁵.

Проблему бродяжничества отчасти решали ночлежные приюты, первый из которых был открыт на средства купца Ивана Николаевича Журавлева в 1885 году⁶. На свои деньги он построил дом, снабдил приют всем необходимым и содержал его, не рассчитывая на пожертвования со стороны. Дом, выстроенный на Большой Проломной улице под крепостью, был рассчитан на 248 мужчин и 40 женщин. После смерти И.Н.Журавлева, это благое дело продолжила его вдова, Вера Ефимовна Журавлева, которая выделяла необходимые суммы на содержание бесплатной ночлежки. Позже в ее доме в Адмиралтейской слободе был открыт ночлежный приют. Ночлежные приюты были открыты и при некоторых обществах, например, Обществе трезвости, ДOME трудолюбия. В домах некоторых купцов также были организованы временные ночлежки.

Одной из главных проблем, стоявшей перед городом, была проблема нравственного воспитания и образования детей-сирот. Уже с 30-х г. XIX в. казанские купцы начинают озабочиваться все более возрастающей проблемой детей, которые либо остались сиротами, либо их родители не могли уделять им должного внимания и заниматься их воспитанием. Например, купец А.Г.Зотов в 1831 г. пожертвовал детям-сиротам более 5000

руб.⁷, А.Л.Крупеников, будучи городским головой, в 1840 г. пожертвовал на открытие детского приюта 3000 руб. (именно эти деньги легли в основу капитала Николаевского детского приюта). Крупные пожертвования поступили и от купцов Щербакова, Таганова и Александрова⁸.

Губернское попечительство детских приютов ведомства императрицы Марии входило в систему общественных благотворительных организаций и включало три казанских приюта: Николаевский, Александринский и Юнусовский, открытые в течение 1844–1845 гг. Открытие Александринского детского приюта стало возможным благодаря пожертвованию К.Л.Крупеникова, а приют для детей-мусульман открылся на средства Ибрагима и Исхака Юнусовых. Дети, принятые в приюты, находились на полном содержании, получали образование, медицинское обслуживание, обучались ремеслу, в мусульманском приюте дети дополнительно изучали русский язык. Два христианских приюта содержались на средства губернского попечительства, с 1867 г. Казанское городское общество стало жертвовать на их содержание из прибыли Общественного банка ежегодно 3000 руб., так же приюты имели постоянную прибыль с пожертвованных Крупениковым лавок, кроме того, на их счет постоянно поступали пожертвования от частных лиц.

Юнусовский детский приют, хотя и состоял в ведении Губернского попечительства, содержался только за счет прибылей с 14 лавок И. Юнусова, которые были пожертвованы приюту, и за счет частных пожертвований, город пособия не выделял. Тем не менее, состояние мусульманского приюта на 1883 год признавалось лучшим, чем христианских.

Для призрения и воспитания детей были основаны также следующие учреждения: Казанский воспитательно-исправительный приют при Казанском Обществе земледельческих колоний и ремесленных приютов (1874 г.), который стремился «исправлять» малолетних преступников через религиозно-нравственное, умственное и физическое воспитание, и надеялся вырастить нравственно здоровых, полезных обществу граждан. «Общество призрения и воспитания глухонемых детей» (1887 г.), которое, открыв для них специальное училище, давало возможность получить образование и ремесло, а после окончания училища подыскивало им рабочие места. Выпускникам выдавались денежные пособия, специально для них открывалась ссудосберегательная касса. «Общество попечения о бедных и больных

детях» (1888 г.) ставило задачу оказывать помощь нуждающимся детям в приютах для временного пребывания. Для искоренения среди детей бродяжничества и нищенства в 1892 г. в Казани была открыта первая школа трудолюбия. Ее возникновение началось с детской столовой, в работе которой активное участие принимала жена полковника Шевелева Екатерина Георгиевна. Видя бедственное положение детей, она арендовала на собственные средства дом, в котором дети могли находиться хотя бы в дневное время. В дальнейшем при поддержке таких же сочувствующих детям людей школа трудолюбия была расширена и официально зарегистрирована. На содержание школы и столовой было выделено из особого комитета под председательством наследника цесаревича пособие в размере 3000 руб., которое составило основной фонд школы. Школа получала пожертвования и от городского самоуправления, немало денег было получено и от частных жертвователей. Не ставя своей целью давать профессиональное ремесленное образование, школа стремилась заинтересовать призываемых детей различными ремеслами, чтобы они в дальнейшем уже сами могли выбрать наиболее для них полезное занятие⁹.

Для организации помощи в получении образования учащихся и студентами из числа неимущих организовывались общества вспомоществования, которые были открыты почти при каждом образовательном учреждении. Такие общества действовали, например, при казанских гимназиях, земской фельдшерской школе, реальном училище, духовной академии, ветеринарном институте, императорском университете и других учебных заведениях. У них была общая цель – помощь учащимся, выражавшаяся во взносе платы за обучение, обеспечение жильем, пропитанием, одеждой, учебными принадлежностями, в выдаче денежных пособий, в предоставлении медицинского обслуживания.

В развитии благотворительности и попечительства в Казани важную роль играли сословные общества. Каждое общество старалось поддерживать непосредственно представителей своего сословия. В результате пожертвований у каждого сословия, за исключением купечества, имелась богадельня или приют для призрения нуждающихся представителей своего сословия.

Дворянское общество содержало две богадельни для престарелых дворян обоего пола. Беднейшие дворянки не моложе 50 лет могли получить приют и пропитание в Александро-Чемесов-

ской женской богадельне, открытой в 1886 году на средства Александры Николаевны Чемесовой. Содержание призываемых должно было производиться на проценты с неприкосновенного капитала, с денежных сборов и пожертвований¹⁰. Дворяне мужского пола призывались в богадельню Александры Ивановны Фон-Финк, открытой в 1894 г. На устройство этой богадельни подполковник А.Ф.Фон-Финк пожертвовал 66500 руб., из которых 35000 руб. отходили в неприкосновенный капитал и на его проценты должны были содержаться призываемые¹¹.

Дворянское общество регулярно жертвовало денежные суммы и недвижимость на пособия для беднейших дворянских детей, на именные стипендии или на содержание учебных заведений, так, например, в 1824 г. на средства полковницы А.Н.Родионова был создан Институт благородных девиц.

Большинство существовавших в Казани приютов и богаделен было открыто благодаря финансовой помощи купцов, где и находили приют нуждающиеся и престарелые, больные и сироты и из купеческого сословия. Здание для богадельни при Казанском приказе общественного призрения было, как отмечено выше, пожертвовано купцом Котеловым. Дом призрения неимущих был открыт и содержался из прибыли Общественного банка, основной капитал которого составили деньги купцов, сама богадельня располагалась в доме, пожертвованном купцом Ложкиным. Крупениковская богадельня была основана благодаря известному казанскому купцу К.Л.Крупеникову, который озабочиваясь призрением престарелых, неимущих женщин из купцов, мещан и цеховых, в 1882 г. пожертвовал каменный дом и завещал капитал – всего в размере 78 тыс. руб. – на содержание призываемых¹². Нуждающиеся представители купеческого сословия могли найти содержание в приюте при Попечительном о бедных комитете, в богадельне Сергея и Евдокии Павловых и Екатерины Прибытковой, которая была основана купчихой 1-й гильдии Екатериной Прибытковой в 1874 г.¹³

В конце 1886 года в Казани на средства и в доме потомственного почетного гражданина, купца 2-й гильдии Ивана Семеновича Кривоносова была открыта женская богадельня «для неимущих вдов и сирот духовного звания». Несмотря на то, что Кривоносов рассчитывал лишь первый год после открытия содержать богадельню, а затем передать ее городу, у казанских властей денег не оказалось и содержание 20 человек снова взяли на себя Кривоносовы. Помимо Ивана Семеновича, его жена, Екате-

рина Кривоносова, также представляла собой образец милосердия, а основную ношу благотворительности, после смерти И.Кривоносова, взял на себя его сын Семен Иванович, который продолжил филантропические дела, завещанные ему отцом.

Неимущие и престарелые представители ремесленного общества помимо общих городских приютов, имели собственную богадельню цехового общества, основанную в 1886 г., и содержащую на проценты с капитала ремесленного общества и добровольные приношения. Со дня открытия и до 1895 г. в богадельне содержалось мужчин – 42 чел., женщин – 19 чел.¹⁴ При ремесленном обществе были открыты общества вспоможения по цехам, например, общества взаимного вспоможения книгопечатников (1885 г.), приказчиков (1866 г.), с 1891 г. начало действовать общество взаимного вспоможения ремесленников сапожно-башмачного цеха, которое выдавало денежные пособия, ссуды из капитала, собранного из членских взносов, пожертвований и различных сборов. Специально для ремесленников в 1865 г. была открыта Александровская больница, которая первоначально вмещала в себя 50 кроватей и содержалась на средства Казанского общественного банка. С 1870 г. в больнице было открыто и женское отделение¹⁵.

Неимущие и убогие представители мещанского сословия содержались, как и ремесленники, в городских приютах и богадельнях, а также в специально для мещанского сословия созданных. В 1872 г. начинает действовать Мариинская богадельня с сиротским отделением, где призривались мещане обоюбого пола. Данное заведение находилось под покровительством мещанского общества и содержалось на средства, поступающие с лавок Крупеникова, пожертвования, сборы, проценты с неприкосновенного капитала богадельни¹⁶.

Если попечительство русского населения Казанской губернии было более или менее развито, то первое общество призрения мусульман Казани с целью улучшения их материального и нравственного состояния (не считая Юнусовского детского приюта) было основано только в 1898 г. Вопрос об открытии в составе Казанского попечительного комитета о бедных мусульманского благотворительного общества поднимался еще в 1893 г. татарским купеческим обществом, среди которого можно упомянуть генерал-майора М.Ш.Шамиля, казанских купцов М.И.Галеева, А.Г.Хусаинова, С.С.Губайдуллина, И.И.Айтуганова и др., которые своими стараниями и значительными по-

жертвованиями добились образования общества. Свою деятельность общество начало с организации помощи погорельцам пожара 1898 года, в котором было уничтожено 140 домов в татарской части города. Также из капитала общества выделялись средства для обучения нескольких учащихся в Казанской татарской учительской школе, на захоронения бедных единоверцев, в 1899 году была открыта еще одна бесплатная мусульманская столовая.

Мусульманская благотворительность отличалась от благотворительности русских обществ наличием вакфа – пожертвованном недвижимом или недвижимом имуществе, переданном на религиозные и благотворительные цели, не отчуждаемое и не облагаемое налогом. До революции мусульмане могли завещать в вакфную собственность Оренбургского магометанского духовного собрания (учрежден в 1788 г.) свое недвижимое имущество с указанием, на какие цели оно должно быть употреблено. Духовное собрание назначало попечителей (мутаваллиев) для надзора за недвижимостью и расходами прибыли с завещанного имущества. Так, вакфная недвижимость татар-мусульман была пожертвована в пользу нескольких мечетей и медресе г. Казани. Пожертвования для религиозных учреждений мусульман выражались также в денежном приношении, как от частных лиц, так и от прихожан махалли. В целом, в течение XIX в. на средства мусульман в Казани были построены мечети, например, «Белая» мечеть № 11 (1801) – купцом Габдерахимом Валитовым, «Иске таш» № 9 – купцом Утямышевым в 1802 г., «Розовая» № 10 – возведена в 1808 г. на средства купца Мусы Апанаева, «Сенная» № 7 – создана в 1849 г. братьями Юнусовыми на средства, завещанные их отцом Губайдуллой Юнусовым и др. За счет пожертвований прихожан содержались также служители культовых мусульманских учреждений. Почти при каждой мечети были открыты медресе, которые существовали на деньги от вакуфа, либо денежные пожертвования. Например, вакф, переданный в 1896 г. купцом Абдулвалеем Чукиным, был направлен на содержание сирот и учителей медресе при 1-ой соборной мечети; в 1897 г. казанский купец Сулейман Аитов подарил приходу «Казаковской» мечети каменный дом для устройства в нем училища для детей мусульман.

Призрение мусульманского населения Казани хотя и подразумевалось в общественных богадельнях города, в действительности же, они получали помощь от Общества пособия бедным мусульманам, при котором были открыты богадельня и детс-

кий приют, а дети-мусульмане также находили приют в Юнусовском приюте. Мусульманская благотворительность хотя и была лишена поддержки городскими денежными пособиями, но все же не встречала явно выраженного отрицательного к ней отношения со стороны городского самоуправления.

Кроме создания и содержания благотворительных заведений все городские общества считали своим долгом оказать материальную помощь пострадавшим в результате стихийных бедствий, войн, эпидемий и т.д. Особенную активность при этом проявляло казанское купечество, которое не только оказывало денежную помощь во время стихийных бедствий, но и постоянно жертвовало на ремонт и содержание административных зданий, учебных заведений, собирало средства на установление памятников. Казанское купечество активно участвовало в выборах на должности попечителей различных учреждений. Например, городской голова А.А.Лебедев был членом Попечительного совета Мариинской гимназии, Н.А.Осокин и В.А.Молостов – Ксениинской гимназии, А.П.Прибытков, К.П.Прибытков – попечителями памятника над прахом воинов, убитых при покорении Казани, К.П.Прибытков был попечителем Адмиралтейской больницы в течении 15 лет, В.А.Унженин – попечителем Дома призрения неимущих граждан.

Таким образом, благотворительная деятельность в Казани в XIX в., характеризовавшаяся в начале столетия лишь наличием Приказа общественного призрения и Попечительным о бедных комитете, начиная с середины века наиболее ярко проявилась развитием широкой сети общественного благотворительного движения. В Казани учреждаются общества призрения, взаимного вспоможения, открываются богадельни, приюты, дом и школа трудолюбия, уделяется большое внимание детскому воспитанию. В успешном развитии благотворительности и попечительства большое значение приобретает частная благотворительность, т.к. создание части организаций и заведений стало возможно только благодаря финансовой помощи отдельных граждан. В золотую книгу благотворительности Казани следует записать имена купцов Котеловых, Ложкина, Крупениковых, Прибытковой, Крестовниковых, Юнусовых, Бурнаевых, Казаковых, предпринимателей Шамова, Алафузова и многих других, которые неумолимо старались на почве милосердия, их деятельность и человеческое отношение к страждущим является показательным примером и в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани XVIII – нач. XX вв.) / Сборник документов и материалов. – Казань: «Гасыр», 2002. – С.8-9.

² Казанские известия. – 1815. – 6 марта.

³ Казанские губернские известия. Прибавления. – 1843 г. – 14 августа.

⁴ У милосердия древние корни. – С.176-179.

⁵ НА РТ, ф. 92, оп. 3, д. 1868, лл. 212-216.

⁶ НА РТ, ф. 2, оп. 7, д. 2659, лл. 2-2 об.

⁷ У милосердия древние корни. – С.14-15.

⁸ У милосердия древние корни. – С.90.

⁹ Казанский телеграф. – 1896 г. – 9 февраля.

¹⁰ У милосердия древние корни. – С.49.

¹¹ НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 9105, лл. 21-24.

¹² У милосердия древние корни. – С.52-53.

¹³ НА РТ, ф. 98, оп. 2, д. 1329, л. 52.

¹⁴ Отчет о состоянии Казанской ремесленной богадельни за время с 15 мая 1886 по 16 мая 1887 г. – Казань, 1888. – С.3; НА РТ, ф. 359, оп. 1, д. 252, лл. 1-3.

¹⁵ НА РТ, ф. 2, оп. 3, д. 1113, лл. 305-314.

¹⁶ НА РТ, ф. 359, оп. 1, д. 341, л. 58; Отчет Мариинской богадельни с сиротским судом Казанского мещанского общества за 1887 г. – Казань, 1888. – С. 3-9.

Некоторые особенности золотоордынской керамики в трудах Г.А.Федорова-Давыдова

Материальная золотоордынская культура сложилась в тех городах, которые, как известно, были построены в степи. Она и являлась сплавом традиций мастеров-ремесленников различных стран, покоренных монголами. В некоторых областях этот сплав достиг уровня синтеза новой уникальной культуры, и, прежде всего на наш взгляд, в художественной керамике.

Проблема городского ремесла и связанные с ним вопросы истории материальной культуры занимают достойное место в трудах крупного исследователя золотоордынской археологии Германа Алексеевича Федорова-Давыдова. Этой проблеме посвящена, в частности, одна из последних книг этого автора¹.

Ремесло, как неотъемлемая часть человеческой цивилизации в каждой средневековой цивилизации является одним из ее важнейших составляющих элементов. В золотоордынских городах археологами открыты и изучены остатки различных ремесел, прежде всего, керамического.

С 1959 г. под руководством Германа Алексеевича начинается археологическое исследование нижневолжских золотоордынских городищ – Царевского, Селитренного, Водянского. С этой целью чуть ранее (в 1957 г.) была создана Поволжская археологическая экспедиция (ПАЭ), а в ее составе Ахтубинский отряд (руководитель – Г.А.Федоров-Давыдов). Раскопки предваряла его программная совместно со А.П.Смирновым статья под названием «Задачи археологического изучения Золотой Орды», опубликованная в журнале «Советская археология»². Она наметила и обосновала перспективную стратегию изучения памятников и предполагавшуюся на ее основе тематику конкретных исследований в области истории и культуры Золотой Орды, в частности в области исследования ремесленного производства.

Под руководством Г.А.Федорова-Давыдова на территории нижневолжских золотоордынских городищ было раскопано несколько десятков горнов, прослежены технологические этапы производства почти всех групп керамики, как бытовой, так и архитектурно-декоративной. Оказалось, что производство каждого вида керамики требовало определенной конструкции горнов.

В золотоордынских городах Поволжья на археологических материалах Г.А.Федорова-Давыдовым были выявлены разные формы организации ремесленного труда: 1) индивидуальные мастерские с узкой специализацией и небольшим объемом производства; 2) усадебные мастерские, с более широкой специализацией; 3) большие мастерские с множеством горнов и широким ассортиментом продукции, работавшие на рынок. Некоторые такие мастерские сопоставимы с «карханой», известным в Иране в монгольское время. Это были большие фабрики с принудительным, главным образом рабским, трудом специалистов разных профилей под единым началом³.

Важнейшим вопросом археологии Золотой Орды является проблема генезиса культуры джучидских городов, раскрытие синкретизма этой цивилизации. По материалам А.Ю.Якубовский показал хорезмские истоки производства части сарайской керамической посуды.

По мнению же Г.А.Федорова-Давыдова хорезмское влияние и вообще среднеазиатский компонент в культуре Золотой Орды чувствуется сильнее всего. Он зафиксирован в керамике, монетном деле и в духовной культуре. Коллекции керамического материала ПАЭ показали, что влияние Средней Азии сказалось и в неполивной керамике: круглые в сечении ручки от сероглиняных кувшинов, некоторые типы хумов и т.п. – все это, как считал Герман Алексеевич, ведет свое происхождение из Средней Азии, в частности имеет наиболее близкие аналогии в Хорезме XVI века⁴.

Кроме этого, как отмечал исследователь, в материалах раскопок Нового Сарая отмечаются и другие культурные влияния: волжско-болгарской культуры, херсонесско-византийских традиций⁵.

Однако, несмотря на перечисленные влияния, основная масса керамики пока еще (имеется в виду 1964 г. – Д.Г.) не находила, как считал Г.А.Федоров-Давыдов, своих прямых прототипов ни в Средней Азии, ни на Кавказе, ни на Западе, ни в Китае. Это основные типы неполивной керамики и типы поливной керамики на плотном красном тесте.

Скорее всего, именно поэтому, раскапывая культурные слои золотоордынских городищ, ПАЭ была поставлена перед задачей создать классификацию массового материала, прежде всего керамики. Была разработана технологическая классификация поливной керамики – по тесту, составу полив, красителям и технике орнаментации⁶. Оказалось, что поливная керамика на

красной глине восходит к византийско-херсонесским и закавказским прототипам, а кашинная сходна с хорезмскими и иранскими образцами. После этого тезис А.Ю.Якубовского об участии хорезмских мастеров в сложении керамического производства в Сарае был пересмотрен. Как считает Герман Алексеевич, следует, видимо, говорить об одновременном сложении золотоордынского стиля в поливной кашинной керамике, общего и для Хорезма, и для Поволжья⁷.

Также после создания классификации неполивной керамики⁸ Г.А.Федоров-Давыдов счел необходимым пересмотреть старый тезис о том, что в этой области золотоордынская культура имела своим источником болгарскую керамику, так как отмечаются аналогии золотоордынской неполивной керамики и в позднеаланской керамике Северного Кавказа, и в керамике предмонгольского времени в городах Казахстана, и в Каракоруме XIII века⁹.

Важнейшие моменты взаимосвязей керамического искусства Золотой Орды с искусством Хорезма, Азербайджана, Крыма и Ирана Герман Алексеевич рассмотрел на материале архитектурной и бытовой керамики в своем фундаментальном исследовании о золотоордынской культуре «Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов»¹⁰. Особенно ценным здесь является, на наш взгляд, глубокий анализ бытовой поливной керамики, а также краткое изложение истории средневековой керамики с характеристикой ее основных технических и стилистических видов и групп, с описанием наиболее важных памятников золотоордынского керамического искусства из собраний музеев Москвы и Санкт-Петербурга¹¹.

Герман Алексеевич предположил, что многие важные элементы декора золотоордынской и хорезмийской кашинной керамики зародились в Иране, еще до монгольского завоевания, а в монгольское время и в Средней Азии, и в Золотой Орде складываются новые художественные стили на основе культурных взаимопроникновений и взаимовлияний.

Герман Алексеевич был наиболее значительной фигурой среди историков и археологов, посвятивших себя изучению Золотой Орды. Золотоордынская тематика во всех ее ипостасях стала основным научным стержнем трудов ученого. Изучение истории и культуры городских центров Золотой Орды Г.А.Федоровым-Давыдовым было поднято на новую качественную ступень. Он стал инициатором и организатором археологических экспе-

диций, давших в руки исследователей богатейший материал городской цивилизации Улуса Джучи. Герман Алексеевич достиг таких высот в исследовании, прежде всего материальной культуры и социальной структуры золотоордынских городов, что явилось целой эпохой в открытии важнейшей страницы истории мировой культуры. Его по праву можно назвать патриархом золотоордынской археологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. [Текст] / Г.А.Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Моск. унта, 2001. – 256 с.

² Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды [Текст] / А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов // СА. – 1959. – №4.

³ Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища [Текст] / Г.А.Федоров-Давыдов, Н.М. Булатов // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М., 1989. – С.239.

⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. [Текст] / Г.А.Федоров-Давыдов // СА. – 1964. – №1.

⁵ Там же. – С.267.

⁶ Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов [Текст] / Н.М. Булатов // СА. – 1968. – №4; Булатов Н.М. Кашинные миниатюрные сосуды из Нового Сарая [Текст] / Н.М. Булатов // Древности Восточной Европы. – М.: Наука, 1969; Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах [Текст] / Н.М. Булатов // Вестник МГУ. История. – 1969. – №2; Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов [Текст] / Н.М. Булатов // Средневековые памятники Поволжья. – М.: Наука, 1974; Булатов Н.М. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Автореф. канд. дисс. – М.: МГУ, 1969.

⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья [Текст] / Г.А. Федоров-Давыдов // СА. – 1984. – №3.

⁸ Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья [Текст] / С.Е. Михальченко // СА. – 1984. – №3; Михальченко С.Е. Сфероконысы Поволжья [Текст] / С.Е. Михальченко // КСИА. – 1974. – №140.

⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Четверть века изучения ... С.91.

¹⁰ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов [Текст] / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Искусство, 1976. – С.175.

¹¹ Лисова Н.Ф. Орнамент поливной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья: дисс. канд. наук. – Казань, 2004. – 185 с.

Дозорная книга Казанского уезда 1599 г. Н.Обухова как источник

Значительная часть наиболее ценных и многоаспектных источников по средневековой отечественной истории, истории Среднего Поволжья – кадастровых описаний XV–XVIII вв. – оказалась утрачена и тем ценнее те описания, которые до сих пор (в оригиналах и копиях с них) хранятся в центральных архивах.

Изучение документов писцового делопроизводства, успешно начатое еще в конце XVIII в., активно продолжается и в наши дни. Однако, если проблемам источниковедения писцовых, переписных и приправочных книг посвящено значительное число работ отечественных историков, то городским и особенно уездным дозорным книгам уделено незаслуженно мало внимания.

Дозорные книги (от слова «дозирать») являлись одной из разновидностей писцового делопроизводства в Русском государстве XVI – первой четверти XVII вв. В отличие от периодически проводившихся писцовых описаний феодальных земельных владений в общегосударственном масштабе, они имели локальный характер и по мере необходимости фиксировали промежуточные изменения в хозяйствовании, землевладении и землепользовании различных социальных категорий населения в пределах какой-либо одной, выборочно взятой административной области государства (в уезде, стане и т.д.). В этом заключается их характерная особенность.

В целом досоветская историография дозорных книг изучала их в общем массиве делопроизводства. В конце XIX – начале XX в. в связи с особым интересом к истории отдельных регионов материалы дозорных книг широко использовались местными историками-краеоведами, составлявшими исторические очерки той или иной местности¹.

20-30-е гг. XX в. характеризовались недостатком внимания ученых к проблемам источниковедения документов писцового делопроизводства. Однако уже в 40-х годах XX в. в основном учебнике для высшей школы по источниковедению истории СССР М.Н.Тихомиров выделяет писцовые книги в качестве ценнейшего памятника по социально-экономической истории России XV–

XVII вв., возвращаясь на позиции досоветской науки². Но только в 60–70-е годы XX в., действительно, стал заметен рост интереса к писцовым материалам. Начиная с середины 70-х годов XX в. выходят и немногочисленные статьи, посвященные изучению отдельных дозорных книг, как уездных, так и городских³.

Помимо изучения отечественными историками вопросов источниковедения дозорных книг, их данные использовались при исследовании различных проблем истории России конца XVI–XVII вв.

Советские историки смогли расширить возможности использования документов писцового делопроизводства: они не замыкались только на изучении традиционной для XIX в. проблематики – истории феодального землевладения средневековой России и ее социально-экономического быта. Данная тенденция, особенно усилившаяся в 90-е гг. XX в., стала заметна еще в 70-е. Материале писцовых, дозорных и переписных книг стали использоваться в качестве источника по исторической географии и демографии, по проблем генеалогии, эволюции типов поселений, развития рентных отношений, налогообложения, истории городов, ремесел и торговли и т.д. Однако по-прежнему дозорными книгами ученые пользуются значительно реже, предпочитая им писцовые и переписные.

Таким образом, несмотря на то, что данные дозорных книг активно использовались отечественными учеными, краеоведами с последней трети XIX в. при изучении различных тем по истории средневековой России конца XVI–XVII вв., многие проблемы их источниковедения остаются открытыми. До сих пор до конца не выяснены вопросы терминологии, достоверности данных этого источника, его характерных отличий от писцовых описаний XVI – 20-х годов XVII в. и т.д.

Исследовательские работы по проблеме дозоров в источниковедческом плане и с разделением на уездные и городские еще не написаны. Не выяснен порядок работы дозорщиков на местах, участие местного населения и особенности проведения дозоров разными приказами и др.

Из дозорных книг земель бывшего ханства сохранилось лишь несколько книг по Казанскому уезду конца XVI – первой четверти XVII вв. (1599, 1617, 1621 гг.). Доныне они мало востребованы историками-исследователями. Комплексным использованием их материалов характеризуются лишь две исторические монографии исследователя XIX в. Г.И.Перетятковича –

«Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации)» (М., 1877), «Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края)» (Одесса, 1882), и ряд исследований современных казанских ученых-историков И.П.Ермолаева, Е.В.Липакова и Р.Ф.Галлямова (Р.Г.Галляма)⁴. В совместном исследовании И.П.Ермолаева и Е.В.Липакова «Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI – первой четверти XVII века (по материалам дозорных и переписных книг)» проведен один из первых источниковедческих анализов их источников.

Следует особо отметить, что время составления обозначенных дозорных книг было весьма не простым. Часто встречающиеся в источниках «пустоши», осязаемые следы интенсивных миграционных процессов среди населения региона нельзя воспринимать иначе, как некое последствие драматичных событий середины второй половины XVI в., связанных с завоеванием Казанского ханства, а также последующих частых восстаний коренного населения против завоевателей и их подавления, государственной колонизации новозавоеванных земель и, наконец, всеобщей «смуты» в Русском государстве конца XVI – начала XVII вв. И.П.Ермолаев и Е.В.Липаков, обращая внимание на характерную примечательность дат составления дозорных книг Казанского уезда конца XVI – первой четверти XVII вв., также подметили, что «1559 г. – канун «смутного» времени, 1617 г. – время его завершения, 1621 г. – один из первых годов «затишья», возвращения страны к более или менее нормальному экономическому и политическому развитию»⁵.

Книга Никиты Обухова имеется в копии XVII в. Как выяснили И.П.Ермолаев и Е.В.Липаков, время ее составления датируется серединой 40-х годов XVII в.⁶ Она хранится в рукописной книге 153 формата 15x20 см фонда 1209 (Поместный приказ Российского архива древних актов (г. Москва) (Оп.1. Ч.1. Лл.435-510 об.). Документ скопирован темно-коричневыми чернилами поверх пока не установленного, выцветшего, хронологически более раннего текста, что создает дополнительные трудности при его чтке. Реконструкция источника затруднена также тем, что текст дозорной книги местами выцвел, из-за ветхости края части листов документа отсутствуют, из-за чего восстановить некоторую часть текста, отдельные слова, словообороты не удастся. Хотя, по выражению И.П.Ермолаева и Е.В.Липакова, «в целом невозстановливаемых потерь прак-

тически нет»⁷, все же отсутствие итогов дозора красноречиво свидетельствует о том, что документ сохранился не в полном виде – его конец отсутствует.

Таким образом, мы располагаем лишь неполной копией оригинала документа середины 1640-х годов XVII в. Она имеет скрепу по листам ее составителя – дьяка Михаила Ключарева, бывшего дьяком в Казани в 1643-1647 гг.

Следует также отметить, что рукописная книга 153 ф.1209 РГАДА на 688 листах, на твердой картонной обложке, скрепленная по листам штампом бывшего Московского архива Министерства юстиции (что свидетельствует о бывшем месте ее хранения), содержит и другие дозорные книги Казанского уезда первой четверти XVII в. (1617, 1621 гг.), являющимися ценнейшими источниками по истории Среднего Поволжья XVII в.

По подсчетам И.П.Ермолаева и Е.В.Липакова, в книге Н.Обухова 1599 г. описано 27 поселений с 568 дв. Приняв среднюю заселенность двора в 2,5 души м.п., подсчитано, что в дворцовых селах Казанского уезда проживало около трех тысяч человек (обоего пола)⁸. Однако, дворцовое ведомство было лишь одним из крупных феодальных владельцев. Кроме него, землями владели Казанская епархия, монастыри, дворяне и дети боярские, а также другие служилые люди «по прибору». При межевании дворцовых земель Н. Обуховым часто упоминаются вотчинные, поместные поселения с русским населением. Таким образом, можно судить о том, что к концу XVI в. русская колонизация новозавоеванных земель бывшего Казанского ханства набрала достаточно большой оборот.

Как подметили И.П.Ермолаев и Е.В.Липаков, «Н.Обухов переписывает все дворы и положенные на них повинности – выты и оброк. Он подводит общие итоги по каждому поселению, широко использует свое право «дозировать» – меняет количество вытей и налог с бобылей. В руках у Обухова были писцовые книги Н.В.Борисова и Д.А.Кикина 1565–1568 гг., он неоднократно на них ссылается. Кроме дворов крестьян и бобылей, описываются дворы приказчиков и священников, а также крестьянские угодья: мельницы и др.»⁹. В этой связи в достоверности данных дозорной книги можно не сомневаться.

В целом же дозорная книга дворцовых сел Казанского уезда 1599 г. Н.Обухова может послужить источниковым материалом для рассмотрения достаточно широкого спектра вопросов истории Среднего Поволжья конца XVI в. – от проблем коло-

низации, развития дворцового хозяйства, сети дворцовых сел и деревень в крае до вопросов исторической географии, топонимии и гидронимии. В совокупности с материалами других писцовых книг Среднего Поволжья XVI – XVII вв. она может послужить основой для обобщающих выводов и заключений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В частности, дозорные книги села «Трехсвятского, Елабуга тож» 1617 и 1621 годов были востребованы краеведами-исследователями второй половины XIX – начала XX вв., отцом и сыном Иваном Васильевичем и Николаем Ивановичем Шишкиными при написании ими истории города Елабуги. Помимо этого, «История города Елабуги с древнейших времен» Н.И.Шишкина также содержит одну из первых их публикаций. Другая же публикация дозорной книги г. Елабуги 1617 г. Богдана Нехаева была осуществлена в одном из выпусков «Трудов» Вятской ученой архивной комиссии, работавшей в губернском городе Вятке в первой четверти XX в.

² Также в числе первых из советских ученых-историков источниковую ценность писцовых книг осознал известный казанский историк М.Г.Худяков. В частности, он еще в 1932 г. во втором выпуске серийного издания «Материалы по истории народов СССР» издал с научными комментариями писцовые книги г. Казани 1565-1568 гг. и 1646 г., которые и поныне являются одними из ценнейших и популярнейших источников по позднесредневековой истории города.

³ Например: Вилков О.Н. Тобольские дозорные, переписные и окладные книги XVII в. // Археография и источниковедение Сибири. – Новосибирск, 1975. – С.4-13; Колесников П.А. Дозорные книги как источник производительной деятельности народных масс в первой четверти XVII в. // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. – Вологда, 1985. и др.

⁴ Ермолаев И.П., Липаков Е.В. Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI – первой четверти XVII века (По материалам дозорных и переписных книг) // Исследования по истории крестьянства дооктябрьского периода. – Казань, 1984. – С.9-26; Галлям Р.Ф. (Галлям Р.Г.) После падения Казани... (Этносоциальная история Предкамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.). – Казань, 2001. – 197 с.

⁵ Ермолаев И.П., Липаков Е.В. Указ. соч. – С.9.

⁶ Там же. – С.10.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С.16.

⁹ Там же. – С.10.

Ильдус Загидуллин

Городское хозяйство и вопросы благоустройства Казани в XIX веке

В широком смысле благоустройство города означает удовлетворение социальных нужд, материальных и духовных потребностей жителей, пожарную безопасность, оздоровление города и его жителей, продовольственное, социальное обеспечение, призрение и т.п.¹ Благоустройство было возложено на городское общественное управление «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. В обязанности шестигласной городской думы были прописаны: «1. Доставить жителям города нужное пособие к их прокормлению или содержанию. 2. Сохранять город от ссор и тяжб с окрестными городами или селениями. 3. Сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие. 4. Возбранять все, что доброму порядку и благочинию противно, оставляя однако же относящееся к части полицейской... 5. Посредством наблюдения доброй веры, и всякими дозволенными способами поощрять привоз и продажу всего, что ко благу и выгодам жителей служить может. 6. Наблюдать за прочностью публичных городских зданий, стараться о построении всего потребного, о заведении площадей для стечения народа по торгу, пристаней, амбаров, магазинов и тому подобно, что может быть для города потребно, выгодно и полезно, стараться о приращении городских доходов на пользу города и распространении заведений по приказу общественного призрения. 7. Стараться о приращении городских доходов на пользу города и для распространения заведений по приказу общественного призрения. 8. Разрешать сомнения и недоумения по ремеслам и гильдиям, в силу сделанных о том положений»².

К сожалению, столь широкие полномочия и обязанности не были подкреплены соответствующими правами и финансовыми возможностями городской думы (отсутствие бюджетного права, нахождение многих сфер городского управления за губернскими властями и др.). К тому же «Городовое положение» Екатерины II, во многом переписанное с подзаконных актов для западноевропейских городов, не учитывало менталитета российских подданных.

Часть основных повседневных проблем городского благоустройства Казани XIX в. была обусловлена топографией города и некоторыми факторами, непосредственно влияющими на осуществление социально значимых проектов. Средневековая татарская крепость Казань, возведенная на идеальном с точки зрения фортификации возвышенной местности, была окружена болотами и небольшими озерами. С севера естественным ограждением выступала река Казанка с затапливаемыми в весенний период лугами; на южной стороне крепости, на низменной местности для охраны посада был прорыт канал, соединивший озеро Нижний Кабан с рекой Казанка. На низменной восточной стороне, в Суконной слободе, также была болотистая местность. По мере развития города в XVII–XVIII вв. окрестности крепости превратились в городские кварталы и слободы. В результате хозяйственной деятельности в низменной части города болота высохли, но топкие и болотистые улицы давали знать о себе особенно осенью после проливных дождей и в весенний период. Лучшая и меньшая часть города была расположена на гребне высотой не выше 90 фунтов над рекой Казанка. Здесь располагались общественные и казенные здания, проживали чиновники и русская торгово-промышленная элита. В нагорной части на юго-востоке от Кремля имелась большая котловина с цепью небольших озер Белое, Банное и Черное.

В связи с вышеизложенным, в первой половине XIX в. одним из главных забот губернатора и городской думы было обеспечение непрерывного сообщения в посаде, между посадом и слободами. В частности, были устроены дамба, соединяющая посад и Архангельскую слободу, две дамбы между Старой и Новой татарскими слободами³. Три деревянных моста через Казанку обеспечивали сообщение с жителями слобод на правом берегу реки. Присоединению окраинных слобод к городу нередко предшествовала постройка дамбы. Возведение в 1825 г. Кизической дамбы позволило присоединить Ягодную, Игумновую и Кизическую слободы, расположенные на правом берегу Казанки⁴. Адмиралтейская дамба, построенная в 1849 г., также позволила расширить границы города. После 1864 г. содержание этой самой длинной городской дамбы (950 сажень) стало обязанностью Казанского уездного земства⁵.

Забулачье также соединялось с посадом деревянными мостами. Весеннее разлитие Волги и Казанки приводило к слиянию рек и образованию на целый месяц моря на пространстве 20–

30 верст⁶. Во время весеннего половодья все деревянные мосты через Казанку разбирались вместе со сваями для прохода судов⁷. Мосты вновь строились в мае, в их отсутствие действовали переправы. Все это требовало значительных средств.

Таким образом, особенности природного ландшафта добавляли немало хлопот по ремонту и содержанию мостов, переправ, дамб городскому органу самоуправления и казанцам, страдавшим от непроходимой грязи, прекращения сообщения с (между) некоторыми слободами во время весеннего половодья. Обеспечение коммуникаций, особенно в низменной части города, являлось головной болью городского органа самоуправления и одной из его расходных статей: в рассматриваемый период большая часть по пространству и числу горожан проживала на низменности, местами заливаемой весенними водами.

В 1825 г. в городской смете расходов (146395 руб.) на освещение улиц и установку новых фонарей тратилось 10,3% средств (около 15 тыс. руб.), на устройство мостов, содержание общественных зданий, уравнивание дорог – 7,9% (11506 руб.), на содержание городского общественного управления и суда – 9% (13150 руб.), на содержание полиции – 65,2 % (95388 руб.)⁸. Согласно «Положению об устройстве доходов, расходов и полиции в губернском городе Казани» от 26 октября 1825 г., имеющийся остаток в 25 тыс. руб., который должен был поступить в городскую казну единовременно и за счет задолженности купцов и мещан от однопроцентного питейного налога, был образован в капитал, предназначенный для первоочередных нужд городского хозяйства. Это – постройка недостающих городских будок и фонарей по большим улицам и домов для полиции; постройки двух мостов через Булак; очищение и обделка берегов Черного озера и устройство двух общественных колодцев в удаленных от воды местах города; очищение озера Кабан и протока Булак, а также обделка берегов канала; вымощение площадей города камнем; покупка для учреждаемых к вновь двух пожарных команд необходимых инструментов, экипировки, лошадей, экипажей и комплектование инструментами остальных трех полицейских частей⁹. Из перечисленного удалось реализовать не все.

Весной 1929 г. губернатор И.Г.Жеванов разработал целую программу по благоустройству города. В поручении архитектору Пятницкому на подготовку проектно-технической и сметной документации перечисляются первостепенные задачи по

благоустройству: 1) проведение подземных водопроводных труб в съездах гор и на торговых площадях Рыбная и Сенная; 2) мощение камнем этих площадей; 3) очищение Булака «с вырытием и вывозкой на топкие места земли с боков оного до самой подошвы или до грунта»; 4) укрепление набережной Булака; 5) проведение подземных труб по Воскресенской и Проломной улицам; 6) очищение Черного озера и устройство вдоль берега канавы и тротуаров¹⁰. Эта программа была лишь частично выполнена в царский период.

Как известно, традиционно городские центральные улицы мостили торцами, которые пропитывались и заливались дегтем, тротуары – досками. В 1812 г. для вымощения казанских улиц камнем было «высочайше» предписано всем судам, пребывающим в Казань, привозить в качестве специального налога по 10–30 камней, в зависимости от их водовмещаемости¹¹. Однако это начинание не стало толчком к началу мощения улиц и после завершения Русско-французской войны и не привело к накоплению значительных запасов камня. К 1829 г., когда взялись за мощение Рыбнорядской площади, запас камня имелся лишь «отчасти»¹². Работы производились по инициативе и под контролем губернатора И.Г.Жеванова.

В 1835 г. городская шестигласная дума постановила об устройстве мостовых на улице от Рыбнорядской площади до Кузнечной, мимо крепости от Казанки, улиц Воздвиженской, Грузинской и вокруг Черного озера, идущих к нему от Гостиного двора и других переулков¹³.

В 1836 г. Николай I, ознакомившись с городом, повелел привести в порядок площадь, занятую кузнецами и изрытую оврагами и буграми. Указание императора было немедленно исполнено. В 1837 г. городское общество переименовало эту площадь в Николаевскую¹⁴.

Из-за дороговизны булыжного камня (почти в 2 раза), завозимого из других регионов, городская дума во второй половине XIX в. отдавала предпочтение местному камню, создавая тем самым новые проблемы в повседневной жизни горожан. Дело в том, что мягкий известковый камень после дождя превращался в жижу грязи, летом после проезда экипажа на такой улице поднимался столб известковой пыли. Из-за непрочности мостовых приходилось их мостить заново. В конце столетия булыжником было замощено лишь около 10% мостовых¹⁵. Эксперимент по асфальтированию улиц в 1878 г.¹⁶ не получил ши-

рокого распространения.

В целом благоустройство мостовых производилось значительными темпами. В 1841 г. мощеными стали 19 улиц и 4 площади, расположенные главным образом в центральной части города, в 1871 г. – 81 улица¹⁷. К 1904 г. камнем было замощено 60% казанских улиц.

Возведение частных, казенных и общественных зданий согласовывалось с городским органом самоуправления на предмет соответствия с действующим городским планом и целесообразности для нужд города. В случае необходимости запрашивалось разрешение министра внутренних дел на изменение плана поселения. Для Казани были присущи все особенности развития отечественного градостроительства. Архитектурный облик центра губернского города первой половины XIX в. формировался в рамках политики образцового проектирования городских общественных и частных зданий. Чертежи последних были утверждены в 1809 г.¹⁸ Таким путем правительство стремилось компенсировать недостаток в стране квалифицированных архитекторов. С 1845 г. стало правилом при постройке новых частных домов или их перестройке представление в строительную комиссию планов всех частных зданий по этажам и разрезы к ним¹⁹. В 1850-е гг. горожане получили возможность возводить жилые здания по своему усмотрению. Важное значение в формировании архитектуры пореформенной Казани имело решение городской думы о возведении в центральных улицах исключительно каменных зданий, предпринятого в целях пожарной безопасности после пожара 1842 г.

Ремонт и содержание общественных зданий (Гостиный двор, Усмановские корпуса, городские училища, воинские казармы), находившихся в собственности города, исторических памятников (кремлевские стены и башни, башня Сююмбеки), памятников (мемориал «В честь победы над татарами 1552 г.» – с 1832 г.²⁰, памятник Державину – с 1872 г.²¹, Александру II – с 1895 г., Лобачевскому – в 1896 г.) находились на попечении городской управы.

В вопросах благоустройства городская дума могла рассчитывать исключительно на свои средства. Чуть ли не единственным исключением следует отметить выделение в начале 1892 г. правительственным Особым совещанием по общественным работам в местностях, пострадавших от неурожая хлебов в 1891 г., безвозвратной ссуды в размере 30 тыс. руб. на замо-

щение улиц с целью обеспечения сельских жителей средствами к существованию²².

Устройство ворот, заборов, скамеек, забота о саженцах, газонах, в целом благоустройство мест общественного отдыха являлись прямыми обязанностями городской управы. В 1880-е в городе насчитывалось восемь общественных садов: Чернозерский, Банноозерский, Лядской, Русская Швецария, бульвар вокруг Кремля, Державинский напротив здания театра, Интендантский близ интендантского склада (на Красной улице), Театральный позади здания театра²³.

Лишь в 1829 г. за счет произведенного особого сбора с горожан (15000 руб.) на центральных улицах были устроено фонарное освещение на конопляном масле²⁴. В 1832 г. число фонарей достигло 717²⁵. В 1840-е гг. появились фонари на спирто-скипидарной жидкости. В 1860-е гг. их сменили керосиновые фонари (1200 шт.). В 1874 г. началось освещение улиц газовыми фонарями. Спустя год уже насчитывалось 1000 газовых и 500 керосиновых фонарей. К концу столетия на окраинах увеличилось число более дешевых в использовании керосиновых фонарей (1400 шт.), а на центральных улицах Воскресенская, Проломная, Лобачевская, Грузинская и Покровская и на площадях Николаевская и Сенная появились электрические фонари, выгодно отличающиеся сильным освещением²⁶.

Устройство в 1895 г. городской электростанции открыло новые перспективы в обновлении городского общественного транспорта, представленного с 1875 г. конной железной дорогой. Она в 1899 г. перестроена под трамвайную линию²⁷.

Следует отметить, что позитивные перемены в благоустройстве города в пореформенный период стали возможными благодаря увеличению доходов городского органа общественного самоуправления, расширения его полномочий, развитию капиталистических отношений, активности городских голов и членов городской думы.

Примечательно, что реализацию проектов, связанных с крупными капиталовложениями и внедрением новых технических достижений (водопровод, конно-железная дорога, трамвай, газовое и электрическое освещение), городские власти предпочитали отдавать иностранным компаниям, частным инвесторам, предлагая концессионный способ их реализации с последующим правом эксплуатации в течение нескольких десятков лет с обязательством после истечения срока передачи недви-

жимости городу. В условиях ограниченности в средствах это был единственный верный способ быстрого и эффективного внедрения технического новшества и решения насущных нужд города. В других сферах эксплуатации городской недвижимости применялись также арендный (луга, рыночные весы, лесные дачи, водяная мукомольная мельница, торговые здания, аптека), хозяйственный (мощение улиц, скотобойня (1892 г.)), подрядный (освещение улиц керосином, заготовка и поставка материалов) способы²⁸.

Демографический профиль Казани характеризовался ростом численности населения. Если в 1830 г. в городе проживало 44 тыс. человек, в 1859 г. – 60,5 тыс., 1867 г. – 78,6 тыс., в 1884 г. – 140 тыс., 1894 г. – 134 тыс.²⁹ Как следствие урбанизационных процессов Казань разрасталась, увеличивалось жилищное строительство, появлялись новые кварталы. В конце XIX в. в Казани насчитывалось 25 площадей, 176 улиц и переулков (с общей длиной 99 верст 454 саженей), из них 135 находились в самом городе, остальные 41 – на пригородных слободах³⁰.

Город пополнялся переселенцами, первое поколение которых отнесилось к новому месту обитания через призму сельского потребительского менталитета, исходя из принципа «моя хата с краю», неуместного в условиях совместного общежития на ограниченной местности с высокой плотностью населения. Отсутствовала медико-санитарная культура. Отношение ко всему, что происходило за усадьбой, было безразличным. Считалось, что все имеющиеся проблемы вне усадьбы (значит, в городе) это – проблемы полиции, губернской и городской администраций.

Издержки в данной сфере были заложены в разделении полномочий между городской думой и губернской администрацией. В постановлениях городской думы декларировались ответственность домохозяев за устройство тротуаров из камня вдоль усадебного участка (с 1844 г.)³¹ и за уборку мостовых до середины улицы (на площадях участок до 4 саженей) с последующим вывозом нечистот в установленное место за городом (с 1872 г.). Обеспечение надзора за исполнением этих обязанностей было прерогативой не городской управы, а полиции. Думается, что такое предписание могло удержать жителей этих домов от выброса на улицу нечистот и бытовых отходов, но не полноценную уборку улицы и тротуаров. В 1888 г. Дума обязала жителей в центральной части³² уже иметь дворника или лицо, его заменяющее, по благоустройству своего участка, указан-

ных в постановлениях городского органа самоуправления³³. Как свидетельствуют источники, реальная очистка улиц от грязи и нечистот началась только после появления в 1889 г. «санитарного обоза» в составе 30 рабочих-ассенизаторов и 20 повозок с необходимым инвентарем, сливавших нечистоты в водоемы за городом. В 1891 г. с целью удешевления расходов на вывоз отходов эти работы были переданы в ведение Казанского исправительного отделения путем выдачи взаимообразно ссуды в сумме 6 тыс. руб. на организацию при арестантских ротах ассенизационного обоза для нужд города³⁴.

«Причину городского неустройства, – пишет Н.П.Загоскин, – относили тогда к недостатку поступающих в городскую кассу сумм... Ежегодный доход не мог удовлетворять существенных потребностей, город оставался, например, без чистой воды»³⁵.

Возможно, потребительский менталитет и бессилие перед решением возникающих вопросов сделали орган городского самоуправления не инициатором, а скорее исполнителем инициатив казанских губернаторов или столичных чиновников, инспектировавших Казанскую губернию.

Необратимость процессов загрязнения окружающей среды в Казани была отмечена еще в 1805 г., когда впервые официально был поставлен вопрос о необходимости обеспечения жителей чистой водой.

В 40-е гг. источниками воды для казанцев служили, помимо озера Кабан, реки Казанка и Волга, Банный пруд, Черное озеро, пруд на дворе кузницы, в также ключ на северной стороне Кремля, близ Тайницких или Никольских ворот и ключ в долине Казанки, в так называемом месте «немецкого гулянья»³⁶. В действительности, из-за дальности Волги (6 верст) и ее разлива в апреле, во время весеннего половодья вплоть до города, привоз воды отсюда для водовозов был не прибылен и затруднен. Источником воды в Адмиралтейской (низкий левый берег Казанки) и Игумновой (правый берег Казанки) слободах служили колодцы и болото, Ягодной (правый возвышенный берег Казанки) – колодцы и частью озеро, Козьей (на равнине правый берег Казанки, при болотах) – колодцы³⁷.

Следует отметить, вследствие превращения локальных водохранилищ в антисанитарные зоны была засыпана цепь «поганых озер» в центральной части города: в конце XVIII в. – Белое озеро, в 1845 г. – Банное озеро³⁸ и пруд на дворе кузницы, в 1890-е г. – Черное озеро³⁹.

Качество употребляемой воды как нельзя лучше раскрывает оценка француза Э.Турнерелли, преподавателя английского языка в университете, прожившего здесь в конце 1830-х гг. около двух лет. Иностранец делил ее на три категории: «просто плохая, очень плохая и совершенно плохая вода»⁴⁰.

В 1805-1850-х гг. были разработаны не менее 15 проектов, не реализованных по разным причинам, главным образом, из-за их дороговизны и отсутствия у города средств на их реализацию⁴¹. В дореформенный период проблема обеспечения чистой водой больше беспокоило столичные власти и начальников губернии, нежели городские купеческое и дворянское общества. Отмена крепостного права, обновление общественной жизни и либеральные реформы, бессилие горожан против пожаров, увеличение смертности и другие причины, подтолкнули казанцев к активным действиям. 1874 г. состоялось открытие водопровода, начавшего обеспечивать горожан чистой водой из ключей в бассейне реки Киндери у д.Пановки (в 18 верстах от города). Водопровод (32 версты) в объеме проектной мощности начал функционировать в 1876 г. и обошелся подрядчику на сумму 1349911 руб.32 коп.⁴² Чистая питьевая вода дошла до Адмиралтейской и Ягодной слобод, в конце столетия водопровод (35 верст) проложили до Суконной и Старо-Татарской слобод.

В 1891 г. одна десятая часть жителей провела в свой дом или двор водопровод⁴³. В связи с нехваткой воды в водопроводе, в 1892 г. городской думой был поставлен вопрос о создании специального водопровода для тушения пожаров и поливки (как в г.Самаре, где противопожарный водопровод действовал с 1887 г.), который так и не был решен. Вследствие бездействия властей жители забулачной и закабанной частей и городское хозяйство понесло большие убытки от опустошительных пожаров 1902 г.⁴⁴

Недостаток воды не позволял осуществлять поливку улиц. В случае, если бы в Казани имелась канализация, она не могла быть нормально функционировать без дополнительной воды для слива нечистот.

В 1890-е гг. казанское общество водоснабжения вынуждено было восполнить недостаток в воде путем устройства глубоких буровых скважин, т.е. за счет артезианских источников⁴⁵. В 1890–1893 гг. горожане пользовались в сутки в среднем 168137 ведрами воды, поступающей по водопроводу. Благода-

ря устройству артезианских колодцев, в начале XX в. поступление воды по водопроводу увеличилась почти в два раза. Часть жителей пользовалась бесплатными колодцами и водой из озера Кабан⁴⁶.

На ядовитость испарений от бытовых отходов на Булаке местные врачи обращали внимание общественности еще в 1807 г. Первый известный нам проект оздоровления Кабана и Булака был разработан в 1815 г.

Топографическое положение озера Нижний Кабан и протока Булак превратило их в места хранения нечистот. Промышленные и бытовые отходы предприятий, расположенных на Суконной слободе и в Закабанье, сливались в озеро Кабан. Кабан и Булак во второй половине XIX в. называли «отвратительной клоакой», тянущейся 1,5 версты по городу. В условиях отсутствия канализации чистилищем Казанской «Авгиевой конюшни» – Булака, Казанки, оврагов и мест вывоза и скопления за городом бытовых отходов и нечистот – выступала сама природа – весеннее половодье. Большая часть мусора и нечистот уплывала вниз по Волге.

Во время весеннего половодья шлюз у Нижнего Кабана был открытым и волжская вода через Булак вливалась в озеро. После закрытия шлюза стоящая вода в канале загнивала от стоков бань и жилых домов. Даже зимой теплая вода из бань не позволяла Булаку замерзнуть и испарения продолжали заражать воздух⁴⁷.

В условиях отсутствия канализации выход из ситуации виделся в устройстве поглощающих колодцев для жидких отходов, которых к 1905 г. в Казани насчитывалось до 3 тыс.⁴⁸

Одной из причин обострения экологического вопроса явился рост численности горожан, вызвавший бум жилищного строительства и увеличение в разы бытовых отходов. В силу сказанного в санитарно-эпидемиологическом отношении самым привлекательным временем года становилась зима, когда природа сама на время прятала от человеческого взора отходы его деятельности, холод уничтожал микробы на свалках, не поднималась пыль на городских улицах, не было грязи.

Между тем санитарное состояние города непосредственно влияло на смертность и распространение эпидемических болезней, таких как холера, тиф. Беспристрастные цифры об умерших во время холерных эпидемий наглядно свидетельствуют об экологическом состоянии городских районов.

Таблица № 1. Численность умерших во время холерных эпидемий в Казани в конце 1850-х – начале 1870-х гг.⁴⁹

Городские районы	Числ. умерших в 1847 г.	Числ. умерших в 1848 г.	Числ. умерших в 1853 г.	Числ. умерших в 1871 г.
Нагорная часть и улицы, расположенные на низком берегу реки Казанки	214	146	111	157
Низменная часть на юго-западе	859	823	230	162
Адмиралтейская, Ягодная, Игумная, Козья слободы	60	141	62	79

В 1847 г. численность умерших в Казани от холеры на тысячу жителей составила в среднем 28,3 человек, в 1848 г. – 27,7, 1853 г. – 9,3, в 1871 г. – 6,1 человек.

К концу столетия Казань относилась к группе российских городов с высоким уровнем смертности (30–40 человек на 1 тыс. населения). Не имея эффективных рычагов воздействия на законодательном уровне, невозможно было добиться принципиального изменения положения дел в этой области. К тому же разрешение проблемы требовало проведения целого комплекса мероприятий, связанных со значительными расходами. Боязнь эпидемий заставляла городские власти принимать меры по улучшению санитарного положения города⁵⁰.

Вывоз нечистот оставался одной из самых больных проблем губернского города. В первой половине XIX в. жидкие отходы от кожевенных заводов, расположенных среди жилых домов в городе и слободах, при отсутствии канализации, протекая все лето непрерывно, испарялись и заражали воздух⁵¹.

После формирования в 1889 г. обоза ассенизаторов способов вывоза нечистот стало два. 1) Способ удаления нечистот «санитарным обозом» за город был недостаточно эффективным. Часть нечистот оставалась в выгребных ямах. 2) Продолжался тради-

ционный выброс мусора, отходов в Булак, а также через водосточные трубы из бань и промышленных предприятий, отхожих мест частных домов⁵². В Кабан отходы спускались из близко расположенных хозяйств и промышленных заведений, на Казанку – из городских труб и промышленных предприятий. Любопытно, что в 1891 г. признав запрет спуска в реку использованных в производстве вод кожевенных предприятий Алафузовых, Прибыткова, Круглого, Пестова, Жулина, расположенных вдоль берегов Казанки, равнозначным закрытию предприятий, губернские власти признали возможным продолжение загрязнения окружающей среды в силу того, что «вода реки Казанки не употребляется жителями для питья и приготовления пищи, что заводы эти расположены на окраине города»⁵³ (!).

В 1875 г. был разработан проект устройства канализации по огромной по тем временам сумме 2,5 млн. руб. Вопрос устройства канализации повторно поднимался в 1889 г. городской санитарной комиссией, в 1892 г. – городским головой Дьяченко, в связи с планами устройства противопожарного водопровода. Был составлен эскизный проект канализации для центральной части города по раздельной системе. Для устройства канализационной сети длиной в 25 верст требовалось 500 тыс. руб. Городская дума ходатайствовала перед министром внутренних дел о выделении займа в 600 тыс. руб. Однако медицинский департамент Министерства отказал, аргументировав свое решение тем, что канализация распространяется лишь на часть города и ее устройство не станет решением проблемы вывоза городских доходов. Было рекомендовано устроить спуск отходов не в Казанку, а на поля орошения. В 1899 г. проект канализации на пневматической системе инженера А.Е.Малисса городская дума не стала приобретать⁵⁴. В результате университетский город вступил в XX в. со средневековыми коммуникациями.

Среди поволжских городов Казань выделялась множеством ведомственных больниц: в 1897 г. здесь насчитывалось 22 лечебных учреждения с 103 кроватями, в том числе 3 городских с 118 кроватями. Между тем для основной массы жителей, представленных крестьянами, получение стационарной медицинской помощи было проблематично. Александровская больница принадлежала мещанскому обществу, обслуживала мещан и цеховых, и практически не содержалась за счет города, хотя находилась в его ведении. В 1885 г. в Адмиралтейской слободе была открыта больница на 20 коек за счет городских средств.

На пожертвованные почетной гражданкой Казани О.С.Александровой-Гейнс 85 тыс. руб. специально для устройства в Забулачной части больницы на 25 коек стационарного и амбулаторного лечения для неимущих, было открыто в середине 1890-х г. медицинское учреждение, где в конце столетия появились гинекологическое отделение и детский приют. Несмотря на высокую детскую смертность и множество разговоров об этом, детская больница так и не была открыта⁵⁵.

Наглядным проявлением стремления городской думы по развитию социально-культурной и образовательной сфер следует отметить выделение в различные годы безвозмездно земли под различные высшие, средние и начальные профессиональные и другие типы учебных заведений, а также на различные объекты социального назначения (железнодорожный вокзал, кладбища и т.п.)⁵⁶.

Городские власти выделяли средства для выплаты стипендий бедным учащимся, единовременные пособия некоторым учебным заведениям (училище глухонемых и др.). При непосредственном участии городской думы были открыты реальное училище (1875 г.), промышленно-техническое училище (1897 г.) и ряд других учебных заведений. Помимо них, пореформенный город содержал за свой счет несколько русско-татарских и несколько десятков начальных народных училищ и др.

Представление о приоритетах в хозяйственной деятельности Казанской городской думы дает смета ее расходов. В конце 1880-х гг. более одной десятой части затрат приходилось: на воинский постой (11,1 %), городское общественное управление (10,6 %), пожарный обоз (10,4 %), на содержание Александровской и Адмиралтейской больниц и богадельни уходило 8,4 % бюджетных средств, на врачебную часть (санитарный дозор) – 2,5 %, полицейские учреждения – 9,2 %. На «наружное устройство» города тратилось 5,8 %, освещение улиц – 4,5 %, содержание городских имуществ – 9,6 %, публичной библиотеки – 0,3 %, кладбищ – 0,9 % и др.⁵⁷

Таким образом, хотя часть проблем, перешедших в наследство Казани XIX в. от посада средневекового периода, так и не удалось решить, с введением нового «Городового положения» 1870 г. произошли позитивные перемены в благоустройстве губернского города.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Велихов В. Опыт муниципальной программы. Материалы для академического курса и перспективных планов городского хозяйства. – М.; Л., 1926. – С. 23-40.

² ПЗС. – 1-е собр. – Т. XXII. – № 16188. – Пункт. 167.

³ Пинегин М.Н. Казань в прошлом и настоящем. – Казань: ООО «Образцовая типография», б.г. – С. 538-539.

⁴ Положение об устройстве доходов, расходов и полиции в губернском городе Казани, высочайше подтвержденное в 26-й день октября 1825 года. – Казань: губернская типогр., 1833. – С. 45, 49.

⁵ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Под ред. профессора Н.П. Загоскина. – Казань: ООО «Образцовая типография», б.г. – С. 260-261; Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. Казанское житье (XIX–XX века). – Казань: ООО «Образцовая типография», б.г. – С. 807.

⁶ Эдвард Турнерелли. Казань и ее жители. – Казань: б.м., б.г. – С. 248.

⁷ Постановления Казанской городской думы за декабрь 1874 и март 1875 года. – Казань, 1875. – С. 74-82.

⁸ Положение об устройстве доходов, расходов и полиции в губернском городе Казани, высочайше подтвержденное в 26-й день октября 1825 года. – Казань: губернская типогр., 1833. – С. 21, 23.

⁹ Положение об устройстве доходов, расходов и полиции в губернском городе Казани, высочайше подтвержденное в 26-й день октября 1825 года. – Казань: губернская типогр., 1833. – С. 16.

¹⁰ НА РТ, ф. ф. 1, оп. 1, д. 160, лл. 1-1 об.

¹¹ Казанские известия. 1812. – 20 апреля.

¹² НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 160, л. 1.

¹³ НАРТ, ф. 114, оп. 1, д. 1169, лл. 9-9 об.

¹⁴ Протоколы заседаний Казанской городской думы 1890–1891 гг. – Казань, 1891. – С. 492-503.

¹⁵ Заманова Г.Р. Городское самоуправление в Казани (1870–1904 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2002. – С. 134, 142.

¹⁶ История Казани. – Т. 1. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. – С. 212, 213.

¹⁷ Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. Казанское житье (XIX–XX века). – Казань: ООО «Образцовая типография», б.г. – С. 845.

¹⁸ НА РТ, ф. 114, оп. 1, д. 59, л. 1.

¹⁹ Казанские губернские ведомости. – 1845. – 12 февраля.

²⁰ Загидуллин И.К. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX веков // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – С. 5-71.

²¹ Постановления Казанской городской думы за март 1872 года. – Казань, 1872. – С. 277-280.

²² Протоколы заседаний казанской городской думы с 1 января по 1 мая 1892 года. – Казань, 1892. – С. 585-586.

²³ Отчет городской управы за 1884 г. – Казань, 1885. – С. 92.

²⁴ Положение об устройстве доходов, расходов и полиции в губернском городе Казани, высочайше подтвержденное в 26-й день октября 1825 года. – Казань: губернская типогр., 1833. – С. 47.

²⁵ НА РТ, ф. 114, оп. 1, д. 933, лл. 1-1 об.

²⁶ Казанский М.В. Путеводитель по Казани. – Казань, 1899. – С. 151-154.

²⁷ Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. Казанское житье (XIX–XX века). – Казань: ООО «Образцовая типография», б.г. – С. 852-853.

²⁸ Заманова Г.Р. Указ. соч. – С. 144-147.

²⁹ Загидуллин И.К. Перелистывая страницы истории Казани // История Казани в документах и материалах. XIX век. – Кн. 1. Промышленность, торговля, финансы. – Казань: Магариф, 2005. – С. 662.

³⁰ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Под ред. профессора Н.П. Загоскина. – Казань: ООО «Образцовая типография», б.г. – С. 625-626.

³¹ Казанские губернские ведомости. 1844. – 5 июня.

³² От Булака до Казанки, от Кремля до Арского поля. До Суконной слободы и 1-й горы.

³³ Обязательные постановления для жителей гор. Казани. – Казань, 1888. – С. 18-19.

³⁴ Протоколы заседаний Казанской городской думы с 1 января по 1 мая 1892 года. – Казань, 1892. – С. 519-522.

³⁵ Загоскин Н.П. Спутник по Казани. – Казань, 1895. – С. 540-541.

³⁶ Штукенберг А. Извлечение из записки Нешеля об артезианских колодцах в Казани. – Казань: ун-тет. типогр., 1893. – С. 6.

³⁷ Приложение. Сведения о местонахождении и источниках водоснабжения сел и деревень Казанской губернии. Б.м., б.г. – С. 2.

³⁸ Загоскин Н.П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах. Изд. подготовили Н.В. Фигнер и В.И. Шишкин. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 29; Пинегин М.Н. Казань в прошлом и настоящем. – Казань: ООО «Образцовая типография», б.г. – С. 544-545.

³⁹ Штукенберг А. Извлечение из записки Нешеля об артезианских колодцах в Казани. – Казань: ун-тет. типогр., 1893. – С. 6; Отчет Казанской городской управы за 1891 год. – Казань: Типогр. и литогр. В.М. Ключникова, 1891. – С. 361-362.

⁴⁰ Эдвард Турнерелли. Казань и ее жители. – Казань: б.г. – С. 253.

⁴¹ Ленартович Варвара. Краткий исторический очерк вопроса о водопроводе в г. Казани. – Казань: Лито-типогр. К.А. Тилли, 1882. – С. 1-25.

⁴² Шамурин И. Казанский водопровод. – Казань: типогр. ун-та, 1883. – С. 4, 5.

⁴³ Казанский М.В. Путеводитель по Казани. – Казань, 1899. – С. 151-152.

⁴⁴ Иванов А. К вопросу об устройстве в Казани особого противопожарного водопровода. Казань, 1909. – С. 1-3.

⁴⁵ Техническое описание Казанского водопровода с приложением 62

снимков. Сост. управляющий Казанским водопроводом инженер-технолог барон Типольт. – Казань: Типо-литогр. т/д «В.Еремеев и А.Шашабрин», 1913. – С.8-15.

⁴⁶ Пояснительная записка к эскизу канализации г.Казани, составленная гражданским инженером Н.Чижовым. – Казань, б.г. – С.3.

⁴⁷ Михайлов. К вопросу об уничтожении Булака. – Казань: губерн. типогр., 1902. – С.1.

⁴⁸ Бронников В. О поглощающихся колодцах в Казани. – Казань: Электрическая типогр. Л.П.Антонова. б.г. – С.1.

⁴⁹ Приложение (см. сноску 37). – С.1-3.

⁵⁰ Заманова Г.Р. Указ. соч. – С.152.

⁵¹ Лангель. Краткое медико-физическое и топографическое обозрение Казанской губернии и города Казани – Б.м, б.г. – С.52-53.

⁵² В Казанскую городскую думу. Доклад комиссии о городских водостоках. Мая 1дня 1886 г. – Казань, б.г. – С.1-11.

⁵³ НА РТ, ф.2, оп.5, д.2680, лл.80-82.

⁵⁴ Доклад проф. А.К.Енша о работах по оздоровлению Казани, сделанный городской канализационной комиссии 26 июня 1917 г. – Казань, 1917. – С.6-7.

⁵⁵ Заманова Г.Р. Указ. соч. – С.157-160.

⁵⁶ Там же. – С.121-122.

⁵⁷ НА РТ, ф.114, оп.1, д.1267, лл.21об.-22; Приволжские города и селения в Казанской губернии. – Казань, 1892. – С.161-163.

Ильнур Миргалеев

Улус Джучи в системе международных отношений: к постановке вопроса

Написание истории Золотой Орды и ее международных связей предполагает учет национальных, геополитических и экономических интересов Улуса Джучи.

Первым делом нужно определить статус взаимоотношений татарской власти с русскими княжествами, вернее с русским улусом. Эти отношения не являются показателем внешней политики золотоордынского государства, они характеризуют отношение сюзерена с вассалом, так как русские княжества были составной частью Улуса Джучи.

В трудах, посвященных истории Джучиева улуса в какой-то мере поднятый нами вопрос рассматривается, но они недостаточны для определения места Золотой Орды в мировой геополитике средневековья. Эти вопросы привлекли внимание уже первых исследователей Золотой Орды¹. Некоторые стороны данного вопроса исследованы достаточно хорошо и по отдельным аспектам обозначен основной круг проблем. Особенно важно отметить работы по истории дипломатических отношений Золотой Орды с мамлюкским Египтом².

Для определения места Улуса Джучи в системе международных отношений на наш взгляд данную тему необходимо раскрывать через освещение таких важных вопросов как:

– Монгольские завоевания и создание чингизидских государственных образований; установление нового международного порядка.

– Становление Улуса Джучи как независимого государства и его роль во взаимоотношениях чингизидских государств; курултай 1269 года.

– Международная деятельность золотоордынского государства в период его могущества.

– Межгосударственные коалиции в мировой геополитике и национальные интересы Улуса Джучи в международных системах.

– Роль и место Золотой Орды в международной жизни второй половины XIV – начала XV века. Программные выступления джучидов в новой геополитической обстановке конца XIV – начала XV веков.

Очень важно рассмотреть международную жизнь золотоордынского государства в период его становления. Здесь сразу возникает вопрос об образовании Золотой Орды, так как проблема оформления Джучиева улуса еще не решена полностью. По нашему мнению, становление золотоордынского государства происходило в три этапа.

Первый этап начинается с 1207 года и заканчивается 1241 годом. В 1207 году после завоевания так называемых, лесных народов, Чингиз-хан выделил удел своему старшему сыну Джучи³. Первоначальная территория Улуса Джучи находилась между Селенгой и Енисеем. Джучи активно участвовал в монгольских завоеваниях, не забывая и о расширении собственного удела. В своих улусах сыновья Чингиз-хана не от кого не зависели, но они должны были участвовать в завоеваниях своего отца. Эти улусы чингизовичей были как государства в государстве.

Джучи погиб в 1227 году, оставив большое потомство, во главе которых встал его сын Бату. Ему и было поручено завоевание земель на западе, которое, как известно, закончилась в 1241 году. Из-за начала вражды джучидов с правящим домом Угедея, Бату-хан активно начинает укрепляться на завоеванных территориях. Поэтому второй период в становлении ордынского государства мы начинаем с 1242 года и заканчиваем 1259 годом.

С 1242 года Бату начинает укреплять свое государство. За очень короткое время формируются все основные институты власти, которые абсолютно не зависели от всемонгольского хана, так как, Бату не признавал Гуюка. Только в 1251 году, когда, с помощью Бату, ханом стал Менгу, Бату-хан признал над собой власть Великого монгольского хана, которая все же была номинальной. После смерти Менгу-хана в 1259 году за трон великого хана началась борьба между Арик Бугой и Хубилаем. Последний создал империю Юань в Китае. Берке отказался его признать и Улус Джучи де-факто стал независимым.

Третий период охватывает 1260–1269 года. Это время окончательного распада Монгольской империи и признания независимости чингизидских государств. Период заканчивается последним всемонгольским курултаем, где улусы официально признали независимость друг друга. Этот курултай был направлен против посягательств со стороны империи Юань. После этого события произошло оформление четырех крупнейших государственных образований чингизидов, которые в последующим

определяли геополитическую ситуацию в мире. Это государства Джучиев улус, Улус Хулагу, Чагатай и империя Юань.

Золотая Орда появилась в результате завоеваний. Поэтому, говоря о международных связях Джучиева улуса, нужно учесть, что в начальный период становления ордынского государства, его участие в мировой геополитике определялось военным фактором. Поэтому отношения джучидов с другими государствами до 1242 года носят чисто военный характер.

Поскольку джучиды свои завоевания вели в западном направлении, то первыми «партнерами» их внешней политики можно назвать те государства, которые не вошли в состав Улуса Джучи. Это – балканские государства, Византия, Венгрия, Польша и германские государства. Здесь государство джучидов выступает как агрессор, завоеватель.

С 1242 по 1269 года Золотая Орда ведет активную внешнюю политику. Вместо Запада, который перестает интересоваться джучидское правительство, на первый план выходят восточные и южные направления. Золотая Орда активно участвует во внутримонгольском вопросе, где главным был вопрос о разделе наследства Чингиз-хана, со всеми своими аспектами. Естественно, это было очень важно для джучидов. Новообразованные монгольские улусы были самыми сильными государствами в мире. Джучиды не могли сразу объявить о своей независимости. Это нужно было оформить юридически с обоюдными признаниями. Золотая Орда не могла в одиночку противостоять ни центру, ни другим монгольским улусам. Поэтому до 1259 года золотоордынское правительство активно сотрудничает с центральной властью в Каракоруме.

Приоритетным направлением во внешней политике джучидов было стремление иметь как можно больше влияния на верховного хана. Так как, именно верховный монгольский хан был индикатором изменений в мировой геополитике. А с 1259 по 1269 год золотоордынское правительство главным приоритетом во внешней политике видела в юридическом оформлении своей власти и официального признания своей независимости. Главным направлением во внешней политики Золотой Орды в этот период также оставались монгольские государства.

Военная мощь позволяла джучидам диктовать свои условия внешнему миру. По территории Золотой Орды проходили важнейшие торговые маршруты, связывающие Восток и Запад. В сферу военных, политико-экономических и культурных связей

и интересов татарских правителей оказались вовлечены многие народы Евразии.

Естественно, в этот выделенный нами третий период и далее происходит налаживание связей и со старым миром – с европейскими государствами, с Византией, даже со Скандинавскими странами⁴. Но это направление за весь период существования золотоордынского государства никогда не было определяющим. Запад для татарской внешней политики всегда был второстепенным. В международных связях Золотой Орды в ее начальный период были важны два направления, которые сохраняли свою актуальность во всех этапах истории Золотой Орды. Первое – это монгольские государства, а второе – держава мамлюков с центром в Египте.

Сыновья Джучи и Тули в 1251 году совместно участвовали в возведении на трон Менгу-хана, однако вскоре после завоевания Багдада и образования государства хулагуидов ситуация изменилась, противоречия между ними перешли в открытую вражду, поскольку Хулагу стал ханом и тех стран, которые раньше принадлежали Бату-хану. Ал-Омари пишет, что Золотая Орда имела политическое влияние над странами Передней Азии, что область Хамадан принадлежал Бату и что с этими странами у них имелись договора⁵. Поэтому джучиды и противились новому походу, особенно завоеванию Багдада.

По отношению к монгольским государствам, начиная с хана Берке, проводится агрессивная политика. Империя Юань не признается, а улус Чагатай и ильханы испытали на себе завоевательную политику джучидов. Когда власть в Улусе Джучи перешла к Берке-хану, Хулагу стал действовать независимо от него. В дальнейшем, хулагуиды становятся главными противниками в золотоордынской внешней политике.

Еще в 20–30-е годы XIII века монголы воевали в Закавказье и Северном Иране. Многие правители присягнули им на верность. После этого началось завоевание Малой Азии. В 1243 году монголы разгромили Сельджукский султанат и вторглись в Сирию⁶. Сельджуки, Киликийская Армения и Трапезундская империя стали зависимыми от монголов⁷.

В 1240–1250-е годы многие государства Закавказья находились в вассальной зависимости от Монгольской империи, однако эта зависимость была еще окончательно неопределенной. Кто будет управлять этими территориями? Наместники джучидов или прямое управление из Каракорума. По сути, здесь вариантов

может быть только два. Это или центральная власть в Каракоруме или Улус Джучи. Известно, что Бату-хан давал жалованные грамоты и ярлыки султанам Рума, Сирии и других стран Малой Азии⁸. В 40-е годы XIII века в зависимость от монголов попали и грузинские правители. При этом делами в Грузии ведали как великие ханы, так и ханы Улуса Джучи. По завещанию Чингиз-хана джучидам должны были принадлежать все земли Дешти-Кыпчака «от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара», «вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади»⁹. Ал-Омари сообщал, что по завещанию Чингиз-хана к Улусу Джучи должны были быть присоединены Арран, Тебриз, Хамадан и Мерага. Он указал, что Дербент и Баку с областью Ширван входят в состав Улуса Джучи¹⁰.

Политическое влияние и связи джучидов в Закавказье, Иране и Малой Азии в период единства империи были значительными, что признавалось и в Каракоруме. Бату был наиболее авторитетным и старшим в роде чингизидов. А Менгу-хан являлся его ставленником¹¹. Он еще при жизни Бату-хана назначил Хулагу предводителем похода «в страны земли Иранской»¹². Однако начался этот поход только после смерти Бату-хана, скорее всего, из-за того, что теперь договоренностям о разделе территорий или о совместном их управлении можно было не придерживаться.

Как известно, на всемонгольском курултае 1251 года было решено завершить завоевание багдадского халифата, где в это время правил халиф ал-Мустасим. Для похода было собрано войско от всех улусов, в том числе и из Улуса Джучи: из расчета по два воина из каждых десяти¹³. Завоевание Ирана длилось два года, а в 1258 году был завоеван Багдад, а халиф казнен. Но дальнейшее продвижение монголов на запад остановили мамлюки, разбив их в 1260 году при Айн-Джалуте.

На завоеванных территориях Хулагу основал новое государство, столицей которого вначале был город Марага, а затем – Тебриз. Хубилай-хан, желая спровоцировать его на борьбу с джучидами, в 1263 году признал Хулагу «государем от реки Аму до крайних пределов Сирии и Египта»¹⁴. Военное противостояние татар и ильханов продолжалось на протяжении ста лет, практически до гибели хулагуидского государства.

После того, как взаимоотношения между Берке-ханом и Хулагу ухудшились, часть войск Улуса Джучи ушла к египетским мамлюкам, а часть вернулась в Дешти-Кыпчак.

С этого времени мамлюки и становятся главными союзниками татар во внешней политике. Все эти направления внешнеполитического характера были заложены во времена правления хана Берке. Еще когда Золотая Орда не стала независимым государством, налаживаются дружественные отношения с Египтом, которые продолжались до конца XIV века. Они обменивались посольствами и в целях «защиты ислама» объявляли войны против хулагуидов, которые достаточно долгое время не принимали ислам, оставаясь язычниками и при этом покровительствуя христианам.

Мы считаем, что причин сближения Золотой Орды с мамлюками было несколько. Прежде всего это вражда Хулагу с Берке-ханом. Арабский историк аз-Зехеби сообщает, что «одной из главных причин возникновения войны, происшедшей между ним (ханом Берке – *И.М.*) и Хулаку, было умерщвление (последним) халифа»¹⁵.

Вторая причина, которая также отмечается многими исследователями, это то, что мамлюки были выходцами из Дешти-Кыпчака и поэтому хотели иметь тесные связи со своей прежней родиной. Третья причина складывается из целого комплекса факторов. Берке-хан был мусульманином и в Улусе Джучи опирался на мусульманское духовенство и купечество. При нем, основную часть армии составляли тюркские племена, в основном кыпчаки. Джучидов, не будь они активными государственностроителями, ждала бы другая участь.

Во-первых, остальные чингизидские роды были настроены враждебно к потомкам Джучи. После смерти Менгу-хана джучиды не смогли ладить ни с одним домом чингизовичей. Этим и объясняется их агрессивная политика по отношению к этим улусам.

Во-вторых, джучиды и пришлые с ними монголы были весьма малочисленны среди тюрков Дешти-Кыпчака. А ведь джучиды пришли сюда как завоеватели. Поэтому они должны были пойти на определенные уступки автохтонному населению и стать ее представителями в международной политике, выражая социально-экономические и политико-культурные интересы уже местной географической зоны.

В-третьих, мамлюки добились реставрации Аббасидского халифата, уничтоженного в результате завоеваний Хулагу. Как известно, против завоевания территории халифата и в дальнейшем казни халифа, активно выступал Берке.

Нам представляется, что Берке-хан хотел, чтобы халиф мусульман жил в его государстве. Но последний багдадский халиф ал-Мустасим был казнен. В это время великим ханом был Менгу, и Хулагу действовал от его имени. У Берке не было возможности противостоять Хулагу. После смерти Менгу-хана джучидам пришлось участвовать во внутримонгольских распрях, а в это время, в 1260 году мамлюки успели восстановить Аббасидский халифат.

Мусульманин Берке, естественно, признал нового халифа. Но и мамлюки не остались в долгу. Тюркская династия мамлюков номинально признало над собой власть джучидов¹⁶, благодаря чему, Хулагу, юридически не имел права их завоевывать. В хутбах, произносимых в мечетях Мекки, Медины и в других городах Аравии, Египта и Сирии, произносились имена халифа, мамлюкского султана и татарского хана. Благодаря этому джучиды становятся ведущей силой в исламском мире. Естественно, это было результатом договоренностей и диктовывалось международными реалиями. Такие серьезные политические акты были не просто волеизъявлениями на длительный срок, а были обусловлены геополитической ситуацией, сложившейся после монгольских завоеваний.

С 60-х годов XIII века наладились дипломатические сношения джучидов с Византией. Византийские императоры в XIII веке неоднократно посылали подарки золотоордынским ханам, очень значительные и сравнимые с данью¹⁷. Развивалось сотрудничество и с итальянскими купцами. С 1260-х годов начинается их активная торговая деятельность на территории Золотой Орды.

Но смута 60–70-х годов XIV века в Улусе Джучи и гибель всех остальных чингизидских государств приводит к тому, что Золотая Орда теряет свое место в системе международных отношений. Вследствие почти 20 летнего отсутствия золотоордынского государства, на международной арене ее потери были налицо. Это потеря собственных территорий, союзников, васалов-сателлитов и, конечно же, зоны интересов, где до этого чувствовалось присутствие экономической и политической мощи татарского государства.

Программные выступления джучидов в новой геополитической обстановке конца XIV – начала XV веков и были нацелены на восстановление международного авторитета государства. Токтамыш возродил международные связи Золотой Орды с восточноевропейскими странами. Также были установлены тесные

дружественные связи с Османской империей и мамлюками¹⁸.

Но на пути восстановления былого величия – главной идеологии в программе джучидов – встали новые реалии, а именно Империя Тимура. Политика Токтамыш-хана, направленная на восстановление международного статуса Золотой Орды встретила противодействие со стороны Тимуровской империи, так как могущественный и единый Улус Джучи был препятствием в реализации экспансионистской политики Тамерлана.

Начиная с 1385 года внешняя политика Золотой Орды была сосредоточена на борьбе против Аксак Тимура. Причиной противостояния Токтамыша с Аксак Тимуром была завоевательная политика последнего, ликвидировавшая буферные государственные объединения и, тем самым, приведшая к образованию сплошной границы. Теперь, все южные и юго-восточные рубежи золотоордынского государства соприкасались с территорией новообразованного и очень агрессивного Мавераннахрского государства.

Татары, османы и мамлюки пытались, как-то координировать свои действия против активной экспансионистской политики Тамерлана. Речь шла о создании антитимуровского союза с участием этих великих держав¹⁹. Но, именно в момент переговоров Тимур напал на Золотую Орду. Как известно, из-за разрушительного похода 1395 года татары были вытеснены из активной международной политики.

Рассмотренные нами направления золотоордынской внешней политики, в основе своей были заложены в период хана Берке и оставались приоритетными до конца XIV века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hammer-Purgstall von. Geschichte Der Goldenen Horde in kiptschak, Das ist: Der Mongolen in Russland. Pesth.: C.A. Hartlebens Verlag. 1840; Тизенгаузен В.Г. «Посольства». Рукопись. Папка I, II // Архив востоковедов. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. Ф. № 52. Оп. 1. Д. 31.

² Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). – М.: Наука, 1966; Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. – М.: Изд-во вост. лит.-ры, 1962.

³ Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. / Перев. С.А.Козина. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 144-145.

⁴ Шаскольский И.П. Сведения об истории Руси X–XIV вв. в исландских анналах // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXV. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1994. С. 231-239.

⁵ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.: тип. ИАН, 1884. С. 246 (далее СМИЗО).

⁶ Галстян А.Г. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1970. С. 158-166.

⁷ Васильев А.А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 202-203; Галстян А.Г. Завоевание Армении монгольскими войсками. С. 166-167.

⁸ СМИЗО. Т. II. – М.; Л., Изд-во АН СССР, 1941. С. 22.

⁹ Там же. С. 204.

¹⁰ СМИЗО. Т. I. С. 236, 244.

¹¹ СМИЗО. Т. II. С. 73-74.

¹² Там же. С. 67.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ СМИЗО. Т. I. С. 205.

¹⁶ Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о восточной и центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Под ред. А.С.Тверитиновой. – М.: Наука, 1964. С. 29.

¹⁷ Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки. Т. I. – СПб., 1862. С. 165, 319.

¹⁸ Kurat A.N. IV-XVIII yuzyillarda karadeniz kuzeyindeki turk kavimleri ve devletleri. – Ankara: Murat kitabevi yayinlari, 1992. S.350-353; Halasi Kun. Philologica III. Kazan turkzesine ait dil yadigarlari. – Ankara, 1949. S.609-610; Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. С.15; Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом XIII–XIV вв. С. 93.

¹⁹ Более подробно см.: Миргалеев И.М. Проблема антитимуровского союза Золотой Орды, Османской империи и мамлюков в арабской и турецкой историографии // Материалы VII межвузовской научно-практической конференции (27–28 апреля 2006 г.). Ч. 2. Казань: Академия управления «ТИСБИ», 2006. С. 50-53.

Демографический профиль Казани XIX века

Казань в XIX веке по числу жителей входила в число крупнейших городов России. По этому показателю она уступала лишь Москве, Петербургу, Одессе, Киеву и разделяла 5–6 место с Саратовом. В 1804 году здесь проживало 25649 чел., в 1858 – 60589 чел., в 1897 – 129858 чел, т.е. число казанцев каждые 50 лет удваивалось.

Для демографии Казани этого периода характерен ряд черт и особенностей, тесно связанных между собой.

Во-первых, мужчин в числе казанцев было больше, чем женщин. Так, в 1830–1858 годах на 100 мужчин в среднем приходилось 87,65 женщин.

Во-вторых, в общей массе горожан преобладало пришлое население. Например, в 1897 году из 129959 казанцев, ответивших на анкеты переписи, уроженцами города были 45879 чел., или 35,3% , из уездов Казанской губернии прибыли 52367 чел., то есть 40,3%, из других губерний России, в основном из Вятской, Пермской, Нижегородской, Саратовской, Самарской, Костромской и Уфимской, – 31427 чел., что составляет 24,2%, и 296 чел. (0,2%) – подданные других государств.

Названные особенности определяются рядом условий, основным из которых можно считать экономический фактор. Казань, имея достаточно развитое промышленное производство, нуждалась в свободной мужской рабочей силе; как центр торговли она предоставляла и сезонную, и постоянную работу, опять же в основном мужчинам, для занятия мелкой торговлей, извозом, бурлачеством, грузовыми работами, обеспечивала сбыт на базарах города продукции крестьянских хозяйств и промыслов. В Казани, как центре военного округа, на постое стояло значительное число войск. В казанских мектебах и медресе, гимназиях, в Духовной семинарии и Академии, в Казанском университете и Ветеринарном институте обучались юноши из регионов Поволжья, Урала и Сибири. Не случайно по переписи 1897 года наибольшее количество мужчин среди других возрастных групп составляли юноши от 10 до 29 лет, и это можно считать третьей чертой и демографической особенностью Казани.

Несмотря на быстрый рост населения города, демографическая обстановка в Казани складывалась крайне неблагоприятно: смертность среди казанцев преобладала над рождаемостью. Если взять, например, 1830–1858 годы, то на 100 родившихся казанцев в среднем приходилось 111 умерших. И это не только эпидемии, например, холеры, уносившие тысячи жизней. Отрицательную роль играли и проблемы Казани, связанные с загрязнением источников питьевой воды, нездоровая природная среда в низменной болотистой части города – местах наибольшего расселения казанцев, их скученность, частые пожары. К этому нужно добавить и то, что крестьяне, приехавшие на заработок в город, селились здесь одни, оставляя семьи в деревне, и пополнение крестьянской семьи не входило в статистику Казани, а вот смертность пришлого населения, если учесть общее число крестьян-отходников среди горожан, значительно ухудшала ее показатели.

Следовательно, увеличение казанцев шло не за счет повышения темпов рождаемости, а благодаря приливу выходцев из уездов Казанской губернии и других регионов России, и это еще одна характерная черта демографии Казани.

Казань – город многонациональный, что является важнейшей составляющей ее демографической характеристики. Русские в 1890 году составляли 83,2% горожан, татары 11,4% от числа ее жителей. В Казани жили поляки – 1,3%, евреи – 1,7%, чуваша, марийцы, удмурты, мордва, вместе составлявшие 0,2%, немцы, армяне и представители других народов. Преобладание русских вызвано не только историей развития города после 1552 года, но и направлением миграционных потоков, когда и в XIX веке из других губерний России в поисках заработка в Казань переезжало, в основном, русское население.

Что же касается данных о вероисповедании казанцев, то, например, в 1897 году православных было 94186 чел. (72,5% от числа жителей Казани), придерживающихся различных направлений старообрядчества – 2920 чел. (2,3%), мусульман 28348 чел. (21,8%), католиков – 1760 чел. (1,4%), протестантов 1201 чел. (1%), иудеев – 1467 чел. (1,1%) и др.

Все население считалось подданными Российской империи, мужчины с 20 лет присягали на верность императору. Подданные Российской империи со второй половины XVIII века делились на четыре сословия («состояния»): дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Каждое сословие обла-

дало, закрепленными в законе и передаваемыми по наследству, правами и обязанностями. Для сословной организации была характерна иерархия, выражающаяся в неравенстве положений сословий и их привилегий.

К высшим, привилегированным сословиям, относились дворянство и духовенство, к низшим, непривилегированным – городское сословие и «сельские обыватели» – крестьянство.

Социальный статус жены определялся статусом мужа. По закону уравнение супругов в сословных правах осуществлялось лишь в случае, когда жена принадлежала к более низкому сословию по сравнению с мужем. Муж сообщал ей свои права и преимущества, жена не могла сделать это для своего мужа, происходившего из более низкого сословия. После смерти супруга или развода приобретенные другим супругом права сохранялись за ним.

При Петре I завершилось становление дворянства, которое пополнялось выходцами из других слоев общества. Данный процесс был обусловлен законом о порядке государственной службы и продвижением по служебной лестнице в соответствии с личными указами царя.

Табель о рангах (1722 г.) объявляла порядок прохождения чиновниками службы по трем видам: военная (армейская и морская), штатская и придворная. Устанавливалось 14 рангов (классов, классов чинов), высшим являлся 1-й класс. Введение Табели о рангах привело к разделению российского дворянства на две группы: дворянство потомственное и личное. Права потомственного дворянства чиновники получали по достижении первоначально 8 класса, а на военной службе – первого обер-офицерского чина. Позднее были повышены чины, дававшие потомственное дворянство. По Манифесту о вольности дворянства 1762 года это сословие получило освобождение от обязательной военной и гражданской государственной службы, введенной Петром I; дворян не могли подвергать телесным наказаниям, они освобождались от рекрутской повинности, личных податей, имели право обращаться с личной жалобой непосредственно к правительству. Жалованная дворянству грамота 1785 года подтвердила «вольности» дворянства, данные ему в 1762 году, и установила более широкий круг личных привилегий, ввела дворянское самоуправление. Личные дворяне, как правило, были беспоместными, не имели крепостных, но обладали теми же правами, что и потомственные. Их наследники выбывали их дворянского

сословия и получали статус «обер-офицерских детей», а с 1832 года – потомственных почетных граждан.

В 1858 году из 3069 дворян, поселившихся в Казани, потомственных было 1138, личных – 1931 чел. В 1900 году число дворян, проживающих в Казани, понизилось в 1,6 раза, составляя 1891 чел., при этом количество потомственных и личных дворян уравнилось (по 2169 человек). И в начале, и в конце XIX века дворянство в общем числе казанцев составляло чуть более 5%.

С 1785 года в губерниях периодически собирался орган самоуправления дворянского общества, то есть всех потомственных дворян данной губернии. Они собирались на съезды раз в три года в декабре – январе, сроком на 15 дней для решения общественных дел и выбора должностных лиц и сословных учреждений. На них не допускались лица с ограниченной правоспособностью (пребывание под следствием, судом и т.д.) либо исключенные из общества за проступки, не соответствовавшие понятиям о дворянской чести. Для присутствия на Дворянском собрании было необходимо быть включенными в родословные дворянскую книгу или Бархатную книгу дворянских родов, которые велись в каждой губернии Депутатским дворянским собранием. Они делились на 6 частей: роды, пожалованные потомственным дворянством монархами; роды, приобретшие дворянство на гражданской службе или через пожалование орденами; роды, приобретшие дворянство на военной службе; иностранные дворянские роды, признанные в России; титулованные роды; роды, существовавшие за сто лет до издания Жалованной грамоты дворянству 1785 г. (так называемое столбовое дворянство). Юридическое различие между родами было только в учебном ведомстве: в Пажеский корпус, Александровский лицей и училище правоведения зачислялись лишь дети лиц, внесенные в 5-ю и 6-ю части родословных книг.

Кроме включения в родословные дворянские книги губернии для участия в Дворянском собрании нужно было владеть в ней недвижимостью, иметь чин либо российский орден, или окончить высшее или среднее учебное заведение, либо прослужить три года по выборам. Правом голоса обладали дворяне с 25 лет, имевшие чин и 100 душ или доход с деревни от 100 рублей. В 1831 году имущественный ценз был повышен.

Основная масса помещиков Казанской губернии относилась к среднепоместному и мелкопоместному дворянству. В начале XIX века лишь 3,5% дворян губернии имела 500 и более крепо-

стных душ: Молоствовы, Геркены, Желтухины, Баратаевы, Сахаровы, Панаевы, Зубовы, Булыгины, Болховские и другие, те, кто входил в казанское высшее общество.

Владельцы земель в нескольких губерниях, внесенные в местные родословные книги, пользовались правом голоса во всех этих губерниях. Мелкопоместные дворяне участвовали в выборах через уполномоченных, собираясь в группы так, чтобы в сумме их совокупное имущество удовлетворяло цензовым требованиям; каждая такая группа имела один голос.

Участие в выборах было неперенным; его игнорирование могло привести к исключению из дворянского общества. Избранными могли быть все дворяне, имевшие право присутствия в дворянском собрании. Служба по выборам была обязательной и безвозмездной.

Дворянское собрание имело право ходатайствовать перед властями, вплоть до императора, о своих нуждах, могло владеть имуществами, брать подряды и поставки, открывать школы и пансионы, избирать предводителей дворянства, почетных попечителей гимназий, депутатов и секретарей дворянского собрания, заседателей дворянской опеки, членов отделений Дворянского банка, а до реформ 1860–1870-х гг. избирать также заседателей верховного земского и совестного судов, уездных судей и заседателей, земских исправников и заседателей нижних земских судов.

В 1784 году права российского дворянства получили татарские князья и мурзы, к которым относились, например, Замановы, Богдановы, Яшевы, Колчурины. Но воспользоваться вновь обретенными правами многие из них не смогли: одни потому, что не сумели документально подтвердить свое «благородное происхождение», другие, как, например, Замановы, по роду занятий входили в купеческое сословие. Получив право на покупку земли и владение крепостными крестьянами, татарские дворяне встретили сопротивление русских чиновников, и это право было не реализовано. Перепись 1897 года зафиксировала среди жителей в Казани потомственных татарских дворян 89 человек, включая 43 мужчин, 46 женщин.

К середине XIX века значительно расширились источники получения дворянства: пожалование государем, получение ордена и высшего образования, ученой степени, продвижение по службе. По личному указу Екатерины II в потомственное дворянство были возведены владельцы Казанской суконной ману-

фактуры Осокины, а в начале XX века – московские промышленники, связанные с Казанью, братья Крестовниковы. За особые заслуги в области благотворительности личное дворянство во второй половине XIX века получили Ибрагим Юнусов, П.В.Щетинкин.

Именно дворянство занимало все ответственные должности в губернской и уездной администрации, получая право на досрочное продвижение по ступеням государственной службы, согласно Табели о рангах. Но этот путь восхождения на чиновничий Олимп был практически закрыт для татар. В 1830-е годы в органах управления и суда Казанской губернии служили всего 18 татар, в большинстве своем укоренившиеся в среде русских: Д.В.Тенишев, П.А. и Н.А.Колчурины, С.М.Яушев, И.С.Хальфин и другие. В 1897 году число татар, занятых в администрации, суде и полиции Казани, возросло до 172, включая 1 женщину. В то же время армия чиновников Казани составляла 1683 человека, то есть татары в органах управления составляли 10,2%.

С принадлежностью к кругу чиновников был связан ряд прав (на получение личного или потомственного почетного гражданства или дворянства, титулование, положенное количество почтовых лошадей, награждение орденами) и обязанностей, а также неперенное ношение форменной одежды и знаков различия по строгим правилам.

В Казани в 1858 году жило 812 лиц духовного звания, в том числе православное духовенство, включая 17 пастырей единоверческой старообрядческой церкви, насчитывало 678 чел., мусульманское – 128 чел., лютеранское духовенство включало 5 чел., римско-католическое – 1 чел. В 1900 году в городе проживало 1280 лиц духовного звания, из них 1122 чел. – православное духовенство, 153 – мусульманское, 2 – католическое и 3 – лютеранское. Увеличение лиц духовного звания связано, в том числе, и с общим ростом численности казанцев. Однако в привилегированное сословие входило лишь православное духовенство, служители официально признанной в России государственной религии. Рядовое духовенство зависело от администрации, и было плохо обеспечено.

Городское податное сословие в XIX веке было представлено именитыми гражданами, а с 1832 года почетными гражданами (потомственными и личными), купцами, мещанами и цеховыми. Работные люди в начале столетия в отдельное сословие не выделялись, и составляли низы городского населения.

По сведениям 1839 года рабочих, занятых на производствах Казани, было 2323 чел., а в 1897 году пролетариев и полупролетариев в Казани проживало 65405 чел., что составило 50,3% от числа всех горожан.

Именитые граждане – сословная группа городского населения, существовавшая в России в 1785–1832 годах, включала лиц свободных профессий (до 1807 года) и верхушку купечества: оптовых торговцев и банкиров с объявленным капиталом более 100 тысяч, предпринимателей с капиталом свыше 50 тысяч, отличившихся на «градской службе». Именитые граждане освобождались от телесных наказаний, имели право содержать фабрики и следовать в образе жизни дворянам. В 1808 году именитых граждан в Казани насчитывалось шесть человек. Все они были купцами: первой гильдии – И.А.Кобелев, П.Д.Смирнов, В.В.Евреинев, второй – О.С.Петров, А.И.Квасников, третьей – П.Д.Курбатов

В 1832 г. в Российской империи ввели новую привилегированную категорию сословия «городских обывателей» – почетные граждане. Она включала потомственных и личных почетных граждан. Почетными потомственными гражданами становились дети личных дворян и православных духовных лиц, окончивших Духовную академию или семинарию. Но это положение не распространялось на детей мусульманского духовенства и тех, кто получил высшее духовное мусульманское образование. Кроме того, потомственными почетными гражданами являлись лица свободных профессий, имевшие ученую степень, а также те, кого наградили одним из российских орденов. К этой категории причислялись и купцы, независимо от вероисповедания, которым было присвоено звание коммерции и мануфактур советника, а также купцы, состоявшие без перерыва в первой гильдии 10 или во второй – 20 лет, и если за этот срок их не объявили «несостоятельными» и они не были «опорочены» судебным приговором. Личное почетное гражданство получали дети рядового православного духовенства, лица, окончившие университет или другое высшее учебное заведение, чиновники 14–10 классов. Почетным гражданам даровалась свобода от подушного оклада, рекрутской повинности, телесного наказания в случае преступления. Они участвовали в выборах независимо от наличия недвижимости, избирались на городские общественные должности, но не ниже тех, на которые вступали купцы первых двух гильдий.

В 1833 году первыми в Казани в потомственное почетное гражданство в Казани вместе с семьями были возведены П.И.Котелов и Л.Ф.Крупеников, а из татар – К.-Г.А.Арсаев. В 1839 году в Казани проживало 63 потомственных и личных почетных граждан, в 1897 году – 2107 чел., в 1900 году – 2955 чел., за 60 лет их число увеличилось в 46,6 раза. К этой сословной группе относились такие старинные купеческие фамилии, как Юнусовы, Арсаевы, Заусайловы, Казаковы, Плоховы, Унженины, Апанаевы, Алафузовы, Александровы, Азимовы и другие.

Купечество в России, законодательно оформившись в 1775 году, просуществовало до 1917 года и, в зависимости от имущественного положения, делилось на гильдии. Как податное сословие купцы выплачивали сословные подати, несли земские и городские повинности. Но это торгово-промышленное сословие пользовалось личными и хозяйственными привилегиями: до 1898 года оно имело преимущественное право на занятие предпринимательством; члены первых двух гильдий освобождались от телесных наказаний; все купцы не призывались на рекрутскую службу, а использовались в качестве ополченцев; при выплате, определенной законом платы, их дома освобождались от постоя; купечество имело сословные органы самоуправления. В 1804 году в Казани жило 1397 лиц купеческого звания, в 1858 году их число возросло до 1762 чел., а в 1900 году купцов вместе с членами их семей в Казани проживало 2064 чел. Татары составляли примерно от 1/5 до 1/4 гильдейских купцов.

Большинство горожан относилось к мещанскому податному сословию, которое законодательно оформилось в 1775 году из бывших посадских людей – ремесленников, мелких торговцев и домовладельцев. Принадлежность к нему была наследственной. Мещане до 1866 года платили подушную подать, обеспечивали постройкой войск, ремонт дорог, подвергались телесным наказаниям, несли рекрутскую и другие натуральные повинности. Мещане занимались мелочной торговлей, ремеслами, службой приказчиками, сидельцами и др. Из них рекрутировались низшие государственные служащие, небогатое купечество, наемные работники.

Мещане Казани составляли мещанское общество с выборной управой, старостой, были подсудны магистрату. В зависимости от вероисповедания, тесно связанном с национальностью, мещане входили либо в русское, либо в татарское мещанское общество. Последнее подчинялось Казанской Татарской ратуше.

Городские ремесленники объединялись в цехи для обеспечения за членами монополии на производство и реализацию изделий. Полноправными членами цехов были мастера, имевшие мастерские и орудия труда, работавшие с помощью подмастерьев и учеников. Срок ученичества был установлен в 7 лет, пребывание в подмастерьях не менее 2-х лет. Присвоение звания мастера требовало выполнения определенного квалификационного задания.

По данным 7 ревизии в Казани жило 1524, а по сведениям 8 ревизии – 1979 цеховых. В 1858 году их численность достигла 5545 чел., а в 1900 году – 7742 чел. В середине XIX века в Казани существовали хлебный (выпечка хлебобулочных изделий), серебряный, сапожный, столярный, кузнечный цехи, имелась ремесленная управа во главе с головой и цеховая управа во главе со старостами, избираемыми по цехам.

На ремесленных сходах цехи избирали цеховые или ремесленные управы в составе старшины и двух товарищей, цеховых старшин, заведовавших сословными делами: раскладкой податей, сбором подушной подати, проведением рекрутских наборов. Ремесленная управа оценивала мастерство ремесленников, давала и отнимала учеников, обладая дисциплинарной властью, записывала в цехи и исключала из них, оказывала попечительство детям и вдовам ремесленников, налагала взыскания и рассматривала жалобы на некачественно выполненную работу и др. Цехи в Казани подчинялись магистрату, позднее городской думе. Избранный управой ремесленный голова входил в ее состав. Цеховое устройство в России, введенное в 1722 году, просуществовало до 1917 года.

Особенностью социальной структуры Казани до начала 20-х годов XIX века являлось выделение в особую социальную группу служилых торговых татар, которые занимались мелочным торгом, содержали постоянные дворы и харчевни, сдавали в наем жилье и складские помещения, занимались извозом, владели мелкими ремесленными производствами, не входя в цеховую организацию города. В 1804 году в Казани проживало 1831 служилых торговых татар. Закон 1824 года, запретив занятие торговлей любым сословиям, кроме купечества, предоставил служилым торговым татарам право записываться либо в гильдейское купечество, либо в мещанство, пополнив ряды этих сословий представителями коренного населения Казани.

Значительную прослойку казанцев составляли крестьяне, пришедшие на заработки в город. Особенностью Казанской губернии является преобладание государственных крестьян, в состав которых входили представители всех народов Поволжья, но большинство составляли татары, чуваша и русские. В 1835 году государственные крестьяне в губернии составляли 80,2%, владельческие – 17,3%, удельные – 2,5% от общего числа крестьян. Они пополняли ряды городского торгового люда, нанимались бурлаками и грузчиками, использовались в качестве прислуги, дешевой наемной силы для выполнения, главным образом, неквалифицированной работы, подряжались на любую поденную работу, занимались извозом. В числе горожан крестьяне составляли значительную долю. Так, в 1839 году в городе проживало 12896 крестьян или 29,4% городского населения. В число крестьян входило 6006 вольноотпущенных, 3534 государственных и удельных, 2768 крепостных крестьян и дворовых и 588 прочих крестьян, статус которых не был указан. В 1858 году крестьяне в числе горожан занимали 47% (67613 чел.), а в 1897 году – 52,8% (67245 чел.), то есть более половины жителей Казани составляли крестьяне.

В течение всего XIX века население Казани неуклонно увеличивалось, усложнялся его социальный состав. Город смешивал веками устоявшиеся сословия, втягивая их в сферу капиталистической деятельности. После реформы 1861 года продолжается процесс формирования классов капиталистического общества: буржуазии, как общественного класса собственников капитала, получающих доходы в результате торгово-промышленной, кредитно-финансовой и другой предпринимательской деятельности, и наемных работников, в среде которых формируется промышленный пролетариат. Казань отличалась рядом только ей присущих социально-демографических характеристик и главной особенностью структуры населения, являлся её многонациональный состав, с преобладанием русских и татар. В целом же город в указанный период переживал социально-демографические процессы, характерные для крупного губернского центра, выполнявшего обширные административные, торгово-промышленные и культурные функции.

Источники сведений о деятельности сибирской ветви династии Шибанидов во второй половине XV – начале XVI века

В освещении истории татарских государств Западной Сибири нередко искажаются исторические процессы. Многие историки не обращали внимания на историю Ишимского ханства. Отдельные историки писали, что Сибирское ханство является отпрыском Золотой Орды, тем самым обходили историю Тюменского ханства. Как известно, правителями Ишимского ханства и Тюменского ханства до правления Ибака были представители Тайбугинской династии.

В 1460–1480 годы ханом в Чимги Туре был тайбугин Мар. Период правления Мара в Тюменском ханстве не были спокойными. Стремясь занять земли Тюменского ханства и овладеть престолом в Чимги Туре, одновременно ожесточенно боролись три силы: хан Синей Орды шибанид Ибак, занявший бывшие южные улусы Тюменского ханства и правивший в Кызыл Туре, ногайские мурзы и правители орды кочевых узбеков – потомки Абульхайра. Среди них самыми опасными для тайбугинов были давно стремившиеся к тюменскому престолу шибаниды.

С целью смягчения напряженной ситуации Мар решил на междинастический брак и женился на сестре Ибака. Однако это не спасло его. Создавшиеся после 60-х годов XV в. отношения между Московским Великим княжеством и тюркскими государствами облегчили Ибаку путь на тюменский престол.

Нельзя забывать о том, что ногайская аристократия не относилась к чингизидам. Они могли быть беками или биями, или даже беклярбеками какого-то хана. Поэтому ногайская аристократия всегда выбирала хана, желающего иметь при себе беклярбека из ногаев. Например, мангыт Гази был бием Кучук-Мухаммеда, Науруз – бием Улуг-Мухаммеда, Ваккас – беклярбеком Абу-л-Хайра¹. (Гази, Науруз и Ваккас – внуки Идегея).

В конце 1460 – начале 1470-х годов мангыты признали над собой власть Ибака, правившего в Синей Орде. В начале 1480-х годов они помогли Ибаку занять престол более богатого и обширного Тюменского ханства. Ногайские правители – сыновья Ваккаса – братья Муса и Ямгурчи одновременно ста-

ли беклярбеками Ибака. Ибак стал ханом не только Тюменского ханства, но и правителем Ногайской Орды. В русских источниках, кроме Сибирских летописей, Ибак зовется «царем ногайским»². Ногаи входили в состав Тюменского ханства номинально, исходя из политических соображений. Сотрудничество правителей было скреплено женитьбой Ибака на дочери Ваккаса. Дальновидный и хитрый Ибак, располагавший многочисленными войсками ногаев, держал Мусу и Ямгурчу на расстоянии, главным беклярбеком и командующим войсками он назначил своего брата Мамука³.

Таким образом, с помощью ногайцев Ибак пошел войной на Тюмень и занял столицу ханства. Убив Мара, он стал ханом Тюменского ханства, проявил себя активным деятелем тюркского мира. Он был первым из шибанидов в Тюменском ханстве. Свою деятельность в Тюменском ханстве Ибак начал с расширения его территории за счет включения степных районов по Среднему Тоболу и междуречья Тобола и Ишима. Судя по событиям, тайбугины, несмотря на поражение и убийства их хана Мара, по-видимому, сумели сохранить за собой татарские улусы, расположенные по Нижнему Тоболу и Среднему Иртышу. В районы, оставшиеся под властью тайбугинов, бежали сыновья Мара Адер и Ебалак⁴. Это означало, что борьба между тайбугинами и шибанидами будет продолжаться.

Если историю татарских ханов Западной Сибири до Ибака можно проследить в основном по Сибирским летописям, то, начиная с правления Ибака в Чимги Туре, некоторые события международного плана следует анализировать с учетом и других русских источников. Начиная с Ибака, перечень сибирских ханов шибанской и тайбугинской династий приводится в царской грамоте Федора Ивановича хану Кучуму в 1597 г.⁵ В Сибирских летописях Ибак называется не Тюменским, а Казанским ханом.

Сохранились исторические документы, характеризующие Ибака. Год начала правления Ибака не известен, но в русских летописях его имя упоминается с 1481 г.

В 1481 г. ногайские мурзы Муса и Ямгурчи предприняли поход против Ахмада, возвращавшегося с берегов Угры после безрезультатного для него «Угринского стояния», где активно действовал тюменский хан Ибак. В результате нападения в районе Белой Вежи Ахмад был Ибаком убит. Впервые в русских летописях как правитель шибанской династии в Западной Си-

бири Ибак появляется на страницах русских летописей при описании событий 1481 г., связанных со «стоянием на реке Угре». В Холмогорской летописи повествуется о том, по возвращении «царя Ахмута» из «Заволжья» «Иванчя, ногайский князь», который разграбив его Орду, «полон» привез за Волгу. Хан Ахмат и дети-царевичи были убиты⁶. Ногайские отряды начали грабить Большую Орду, Ибак некоторое время находился в Сарае и ушел в Чимги Туру с трофеями.

В Иосафовской летописи при упоминании этих событий отмечается «царь Ивак ногайский», упоминается, что убил Ахмата не сам Ивак, а «шурин его ногайский мырза Ямгурчий»⁷. Эти же сведения дословно передаются и в Патриаршей или Никоновской летописи⁸.

Более детально эти события излагаются в Архангелогородском летописце, в которой Ивак назван уже не ногайским, а «Шибанским» царем⁹.

В Устюжском летописном своде отмечается: «... царь Ивак Шибанский... мурзу, да Ямгурчей мурзу, а с ним пять десять тысяч казаков... И стоя Ивак 5 дней на Ахматове Орде и поиде прочь, а ордабазар с собою поведе в Тюмень»¹⁰. Ибак через своего посла Чумгуру сообщил «государю всея Руси» Ивану III о своей победе над Ахмадом. Это было первым шагом в дипломатических отношениях между Москвой и Тюменью. Источники сообщают, что Ибак, почувствовав угрозу со стороны Москвы, предпринял новые шаги по установлению с ней дипломатических отношений. В 1481 г. он отправил в Москву посольство во главе с Чумгурой, который вел переговоры с Иваном III об установлении торговых отношений. Спустя два года Ибак предложил русскому царю заключить договор о дружбе и союзе¹¹.

Почему же в сибирских летописях Ибак назван казанским ханом? Можно предположить, что первоначальное правление Ибака в Кызыл Туре и активное участие его в военных действиях против казанских ханов, тесное общение в Чимги Туре с представителями восточной партии Казани послужили тому причиной.

В период правления Ибака Тюменское ханство значительно укрепилось, оно имело достаточные силы и признание для участия в международных делах тюркских государств. Разносторонние международные связи укреплялись посредством заключения междинастических браков.

Тайбугины не примирились с потерей престола: в 1495 г. Ибак был убит тайбугином Мухаммедом (Махметом) – потомком убитого Ибаком Мара. Восстановилась династия Тайбуги. Одержавший победу Мухаммед (Махмет), по-видимому, не совсем уверенно чувствовал себя в Чимги Туре и поэтому перенес столицу государства на берег Иртыша, в 25 верстах южнее от устья Тобола. Новая столица называлась Искером, Кашлыком, или Сибирью. Свое государство со столицей в Искере татары называли «Себер йорты» – («Сибирский юрт»)¹². Таким образом, с приходом к власти Махмета произошло не только смена одного хана другим, но и правящих династий – восстановилась власть тайбугинов.

После переноса столицы и образования Сибирского юрта (Сибирского ханства) территория последнего расширилась. Тюменское ханство не прекратило существования, но уже занимало небольшую территорию. Ремезовская летопись сообщает, что в Чимги Туре сидел свой хан и властвовал над татарами в бассейне Туры. Оно было подвластным Сибирскому ханству. После гибели Ибака наследником оставался Мамук. Шибаниды, после долгих лет упорной борьбы за престол захватившие власть в Тюменском ханстве, не примирились со своим поражением и продолжили активные действия против тайбугинов, стремясь возродить Тюменское ханство в прежних границах¹³.

С помощью военной мощи Ногайской Орды и шибанидов оппозиция в Казани решила освободиться от русского вмешательства в дела ханства и от хана Мухаммед-Эмина, ставленника Москвы, восстановить независимость Казанского ханства. По установившейся золотоордынской традиции ханом мог быть лишь чингизид. Такого кандидата среди лидеров восточной партии Казани, по-видимому, не оказалось. Шибанид Мамук усердно стремился завладеть казанским престолом, так как после убийства Ибака и образования Сибирского ханства тюменские шибаниды остались без престола. Они властвовали на небольшой территории бывшего Тюменского ханства. Таким образом, совпали интересы восточной партии Казани, тюменских шибанидов и ногайских феодалов, особенно сторонников беклярбека Ямгурчи. На казанский престол решили посадить шибанида, тюменского хана Мамука. А второй ногайский беклярбек Муса, не выступая открыто, стремился не действовать против Ивана III.

Тюменские шибаниды, вероятно, предполагали занять казанский престол и совместно с объединенными силами восточной партии Казани и Ногайской Орды воссоединить Казанское ханство с Тюменским. По приглашению восточной партии весной 1495 г. тюменский хан Мамук с многочисленным войском, состоящим из тюменских татар и ногайцев, двинулся на Казань. Однако из Нижнего Новгорода на помощь Мухаммед-Эмину пришли русские войска и заняли Казань. Узнав об этом, Мамук приостановил движение к Казани, и русские войска, полагая, что опасность миновала, повернули обратно. Воспользовавшись моментом, тюменское войско вошло в Казань. Без всякого сопротивления Мамук занял город и был провозглашен казанским ханом. Народ потерял доверие к Мухаммед-Эмину, и последний бежал в пределы Русского государства. Иван III в своей грамоте в Крым писал по поводу этого события: «Мухаммед-Аминь, не поверяя своим людям, к нам приехал, и мы ему в своей земле города подавали и дружбу свою учинили»¹⁴.

Царствование Мамука в Казани было недолгим. Представители промосковской партии Казани обратились за помощью к Ивану III. Весной 1497 г. новый кандидат Москвы на казанский престол брат Мухаммед-Эмина – Абдул-Латиф при помощи русских войск предпринял поход на Казань. В это самое время представители московской партии начали провокационные действия в столице ханства, началось изгнание сторонников восточной партии.

Решительные меры Мамука по укреплению порядков в Казани не понравились одному из лидеров восточной партии – Кель Ахмеду. Своими узурпаторскими амбициями он увлек членов правительства, преследовавших корыстные цели. Ему удалось создать сильную оппозицию против Мамука, пока тот не был арестован ханом. Однако многие сторонники восточной партии во главе с Урак мурзой остались верными Мамуку.

Мамук и сам допустил немало субъективных ошибок, пытаясь руководить Казанским государством авторитарными, деспотическими методами, присущими среднеазиатским правителям. Система управления государством в Тюменском и Казанском ханствах значительно отличалась. В Казани действовали бюрократические порядки, члены правительства пользовались значительными привилегиями. Мамук действовал прямолинейно, по своему усмотрению. Все это отрицательно повлияло на его репутацию.

Осенью 1495 г. Мамук организовал поход против Арских удельных князей, по-видимому, не подчинившихся ему. Поход был неудачным, Мамука не пустили в город Арча. В то же время противники хана, руководимые Кель Ахмедом совместно с лидерами московской партии, организовали государственный переворот, закрыли городские ворота, тем самым перекрыв Мамуку обратный путь в Казань. В город вошли русские войска. Мамук был вынужден вернуться в Чимги Туру. Есть не подтвержденные сведения о его смерти по пути в Чимги Туру или в Чимги Туре. В сентябре 1498 г. Иван III отправил в Казань русские отряды во главе с воеводами С.И.Ряполовским и Ф.И.Бельским для борьбы с Ногайской Ордой и Тюменским ханством и обороны Казани от посягательств шибанидов¹⁵.

В 1499 г. восточная партия попыталась восстановить власть шибанидов в Казани и посадить на престол Тюменского царевича Агалака, но русские войска предотвратили занятие им ханского трона. В 1499 г. казанский хан Абдул-Латиф написал в Москву: «... на меня идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ними Урак, князь князей» (казанских – Г.Ф.). В 1500 г. ногайско-тюменские отряды во главе с Ямгурчей и Мусой обступили Казань, но город выдержал трехнедельную осаду. С помощью Москвы попытка занятия престола была отражена¹⁶.

После Мамука правителем Тюмени был Кулук-Салтан, в 1505 г. и 1508 г. он выступил в поход против русских, занявших прикамские земли Казанского ханства, совершил нападение на Чердынь и Усолье Камское. Занять Чердынь Кулуку не удалось, однако русские были вынуждены отступить, оставив занятую ими территорию, относящую к Казанскому ханству¹⁷. После Кулука летописи ничего не сообщают о каком-либо хане в Чимги Туре. По-видимому, правлением Кулука завершилась власть шибанидов в Тюменском ханстве. Усилившиеся тайбугины вытеснили их, и территория этого ханства осталась в полном подчинении Сибирского юрта.

Устремления сибирских шибанидов на Казань также нашли отражение в русских летописях: в Иосафовской, Патриаршей или Никоновской и Холмогорской. Сведения об этих событиях отражены в Разрядной книге¹⁸.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в русских летописях нашли отражение наиболее крупные внешнеполитические события, связанные с деятельностью западносибирских шибанидов во второй половине XV – начале XVI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – С.94.

² Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т.28 / Отв. ред. М.Н.Тихомиров. – М. – Л., 1963. – С.315; Патриаршая или Никоновская летопись / Ред. С.Платонов. – СПб., 1901. – С.20, 23. (ПСРЛ. Т.12); Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. – М., 1984. – С.25.

³ Трепавлов В.П. История Ногайской Орды. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – С.114.

⁴ Оксенов А. Сибирское царство до эпохи Ермака. – Томск, 1888. – С.7.

⁵ Небольсин П.И. Покорение Сибири // Отечественные записки. – СПб., 1848. Т. 60. – С.33–36.

⁶ Полное собрание русских летописей. Т.33. – Л., 1977. – С.124.

⁷ Иосафовская летопись. – М., 1967. – С.122.

⁸ Молявина Е.Ю. К вопросу о необходимости анализа и сопоставления летописных известий о сибирских шибанидах (2 пол. XV – нач. XVI в.) / IX Сулеймановские чтения. – Тюмень, 2006. – С.67.

⁹ ПСРЛ. Т.37. Устюжские и Вологодские летописи. – Л., 1282. – С.5-10.

¹⁰ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). – М.-Л., 1950. – С.94; РГАДА. Ф.127.

¹¹ Акты исторические. Т.I. – СПб., 1841. – С.336, док. № 289.

¹² Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М. Рогожина. – М., 1984. – С.50; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царицах. Кн. II. – СПб., 1864. – С.394.

¹³ Сибирские летописи. Издание Императорской археографической комиссии. – СПб., 1907. – С.317.

¹⁴ Дипломатические отношения Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т.I. // Сборник русского исторического общества. Т.41. – СПб., 1884. – С.240.

¹⁵ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1991. – С.54.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). – М.-Л., 1950. – С.102.

¹⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. – М., 1966. – С.27.

Ильшат Файзрахманов

Организация лесозаготовительных работ в России по «Положению...» 1817 года

Система заготовок корабельного леса постепенно сложилась при Петре I и просуществовала почти без изменений полтора столетия после него, вплоть до отмены крепостного права. Основопологающим документом этой системы был указ о лашманах 1718 года, который в последующем дополнялся новыми актами¹. А принятое спустя сто лет «Положение о лашманах и их повинностях по заготовлению и хранению корабельных лесов» от 25 августа 1817 года детально регламентировало организационные мероприятия лесозаготовок².

Термин «лашман» Петр I заимствовал из немецкого языка. На русский язык его можно перевести как «человек, занимающийся обрубкой, obtёсыванием, обделкой дерева». Лашманы обязаны были производить работы в корабельных лесах в порядке феодальной повинности. По «Положению...» 1817 года за несение лашманской повинности население соответствующих деревень освобождалось от службы в армии. Вместо рекрутов они «поставляли на государственную службу» 200 «показателей», то есть 200 человек, которые, пройдя определенную подготовку, зачислялись на службу в вальдмейстерскую контору Адмиралтейства и занимались отысканием деревьев, годных для кораблестроения. Во время лесозаготовок они затем показывали рубщикам, какие именно деревья нужно рубить. Избрание на постоянную службу в качестве «показателя» производилось правлением лесного округа из тех лашманов, которые проработали на лесозаготовках не менее 2–3-х сезонов «и замечены были способными в познании качеств и обделки лесов в корабельные части». В дополнение к этому лашманские сёла обязаны были поставлять также плотников второго и третьего класса³.

Лашманы должны были заготавливать корабельные деревья «сколько когда потребуется по нарядам, заниматься рубкой, обделкой, вывозкой из лесов к пристаням и на поляны» дубовые деревья, а также заготавливать мачтовые сосны, штуки (деревянные заготовки) для артиллерии и строительный лес для адмиралтейских построек⁴.

Непосредственно на лесозаготовительные работы лашманские селения обязаны были выставлять в среднем в год по 8 тыс. работников, мужчин в возрасте от 18 до 55 лет, в том числе около 2,5 тыс. пешими в качестве рубщиков деревьев, а остальных конными, на вывозку. Направляли крестьян на лашманские работы поочередно, по спискам, хранившимся в волостном правлении. Из числа направляемых волостное правление избирало сотников и десятников, которые отвечали за то, чтобы все направленные прибыли на работы в назначенные места. Во время лесозаготовок сотник исполнял работу буравчика, а десятник – долотчика, кроме того, и тот и другой наблюдали за работой своих подчинённых⁵.

Как же был организован производственный процесс заготовок корабельного леса? Весной в леса направлялись партии (группы) «приищиков и заготовщиков». Их правление лесного округа снабжало особыми картами лесов и инструкциями. Они должны были «приискывать и отличать со всевозможным тщанием и верностью... приспевшие деревья» и «доставлять замечания, в каком состоянии находится лес для будущих заготовлений». Окончить эту работу партии «приищиков» должны были в июле, чтобы оставалось достаточно времени для составления разрядки на выделение нужного количества лашманов и других подготовительных мероприятий. В инструкциях «приищикам» указывалось, что нужно искать для вырубki большемерные деревья, однако не оголять места вырубok, «делать вырубку уравнительно, чтобы не было вреда от ветролома и от стужи». В этом отношении рекомендовалось особенно беречь опушки лесов.

Пешие лашманы должны были иметь зимнюю одежду, обувь, топоры и достаточное продовольствие, конные работники сверх этого должны были иметь лошадей и исправную упряжь⁶. Начинали рубку корабельного леса осенью, когда в деревьях кончалось сокодвижение, и заканчивали до наступления глубоких снегов, «чтобы не оставлять высоких пней». Поэтому пешие лашманы должны были начинать работы 1 октября, если не пожелают сделать это раньше в связи с погодными условиями, проработать 60 дней, не считая праздничных и выходных, и закончить валку деревьев к 8 декабря. Работали они партиями по 12 человек. Каждая партия делилась на три артели (по четыре человека). К партии прикреплялся один «показатель» из числа «приищиков». Контроль над качеством работ и качеством

вырубаемых деревьев осуществлял корабельный мастер или один из его помощников, которые находились в штате правления лесного округа и периодически объезжали все лесосеки. С 10 декабря к работам приступали конные лашманы, которые вывозили заготовленную древесину к пристаням на реках и на особо выделенные лесные поляны для первичной обработки. Они работали по 20 марта, если весенняя распутица не наступала раньше указанного срока⁷.

Возили лес по зимним дорогам, которые назывались «сабанными». Петровский указ предусматривал, чтобы вывозка производилась по кратчайшему расстоянию, поэтому сабанные дороги прокладывали прямыми, как струна, не считаясь не с посевами на крестьянских полях, ни с местоположением других дорог и окрестных селений. Запрягали в одну упряжку несколько лошадей и рысью гнали их к ближайшей пристани. Остановить такой «сабан» на полпути считалось недопустимым. Полозья саней сразу же примерзали, и чтобы потом «сабан» тронуть с места, требовалась дополнительно ещё такая же упряжка. Поэтому за версту впереди «сабана» ехал верховой лашман, которого называли «шишкой», и предупреждал всех встречных, чтобы уступили дорогу. Этому предупреждению вынужден был подчиниться всякий проезжий, любого чина и звания, иначе лошади с корабельным бревном могли разнести в щепки его повозку.

Срубленное дерево ещё раз тщательно осматривали, нет ли каких-либо повреждений, дупел, гнили, искривлений ствола, не замеченных ранее. Особое производственное подразделение лесозаготовителей, которое называлось фаутной частью, определяло, куда можно использовать это дерево, на другую корабельную часть, меньших размеров, для нужд артиллерии или пустить на продажу в качестве строительного леса.

Для первичной распиловки заготавливаемого леса правление лесного округа должно было устраивать на полянах лесопильные ямы, а близ пристаней – пильные мельницы. Сучья и вершины, оставшиеся на месте вырубki, отдавали бесплатно казенным крестьянам окрестных деревень, но вывозить их крестьяне должны были под присмотром лесного начальства, «дабы не было злоупотреблений и вреда для корабельных лесов»⁸.

После окончания лесозаготовительных работ корабельный мастер сдавал заготовленный корабельный лес и другую продукцию доверенному чиновнику Адмиралтейства. При этом

древесина проходила ещё один контроль на качество. Корабельный лес доставлялся по рекам и озёрам в судах, при этом его обязаны были укрывать так, чтобы он не мог «дремать». Хранить корабельный лес в ожидании отправки полагалось на толстых поперечных подкладах, чтобы его свободно обдувал ветер, в сарае или под прочным навесом. Все эти меры должны были способствовать сохранению древесины.

Таким образом, «Положение...» 1817 года стало официальным узаконением сложившейся практики ведения лесозаготовительных работ в России и определяло обязанности всех лашман вплоть до упразднения лашманской повинности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) / Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. 5. №3149.

² «Положение о лашманах и их повинностях по заготовлению и хранению корабельных лесов» от 25 августа 1817 года. – Б.м., Б.и., Б.г. – 12 с.

³ Там же. §7. – С.4.

⁴ Там же. §4. – С.3.

⁵ Там же. §30. – С.7.

⁶ Там же. §22. – С.6.

⁷ Там же. §31. – С.7.

⁸ Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. – СПб.: [б.и.], 1903 (Типография Стасюлевича). – С.582.

Найла Хамитбаева

Волжско-Камское судоходство и сельское хозяйство Среднего Поволжья в эпоху капитализма (1861–1900 гг.)

Обширная сеть водных путей Волжско-Камского бассейна, простирающаяся от Балтийского до Каспийского моря, от Уральских гор до центра Европейской России, охватывая большую территорию, оказывала огромное влияние на социально-экономическое развитие края. Особенно значительна была эта роль в период капитализма. Развивающийся промышленный капитализм, расширение внутреннего рынка не могли удовлетвориться имевшимися в стране транспортными средствами. Революция в способах производства промышленности сделала необходимой «революцию» и в способах и средствах транспорта. Промышленный переворот вызвал к жизни новые, соответствующие условия капиталистического производства, средства транспорта.

Пароходы на Волге появились уже во втором десятилетии XIX в. Рост волжского пароходства привел к постепенному вытеснению непаровых судов и сокращению числа бурлаков. Внедрение паровой техники происходило при ожесточенном сопротивлении владельцев непаровых судов. Однако конкуренция между старыми видами тяги и пароходством складывалась отнюдь не в пользу первых. Один из исследователей писал: «Что касается затем бурлачества на Волге, то теперь нет о нем и помину и 1865 г., можно сказать, был последним годом его существования, когда вследствие незначительного количества грузов, фрахтовые цены на пароходы до того понизились, что дальнейшая борьба между пароходами и бурлачеством оказалась последнему не под силу и множество «путинных», не довольствуясь малою платою, побросали суда на дороге и удалились по домам. Обстоятельство это, конечно, не могло не подорвать кредита этого способа передвижения в глазах грузоотправителей»¹. О победе нового вида тяги свидетельствуют следующие факты. Так, например, в 1866 году из всего количества товаров, привезенных по Волге в Рыбинск, 85% было доставлено паровой тягой². В отчетах начальников дистанций цены на перевозку грузов непаровыми судами большей частью перестали указываться, так как товары перевозились на пароходах.

В 50–60-е годы количество пароходов, курсировавших по Волге, непрерывно растет. Если в 1852 году их было всего 30 с общей мощностью в 3760 л.с., то уже в 1869 г. их насчитывалось 423 с общей мощностью в 33725 л.с., т.е. количество пароходов увеличилось в 14 раз, а мощность почти в 9 раз³.

Характерной чертой развития волжского пароходства является то, что оно происходило за счет отечественных капиталов. Главная роль в строительстве волжских пароходов принадлежала механической промышленности самого Поволжья. Успех пароходостроительной промышленности обеспечили следующие факторы. Во-первых, постоянно растущий спрос на пароходы; во-вторых, удобное географическое положение этих предприятий, имеющих возможность легко получать сырье и сбывать готовую продукцию; в-третьих, обеспечение необходимого количества рабочих.

В начале 60-х годов прошлого века в Волжском бассейне плавало более двухсот пароходов, из которых большинство принадлежало акционерным обществам, товариществам и компаниям, а остальные были собственностью отдельных лиц.

Первое пароходное общество, которое заказало пароходы в России, было акционерное общество «Меркурий», затем стали заказывать пароходы на отечественных предприятиях общества «Дружина» и «Самолет».

Выполнение заказов часто поручалось владельцам заводов, являвшихся одновременно крупными держателями акций пароходных компаний. Почти все владельцы заводов, строивших пароходы (Шиловы, Нобель, Бенардаки, Мальцов и др.), были акционерами пароходных обществ и оказывали определенное влияние на распределение заказов по строительству пароходов. Однако успешному развитию пароходостроительной промышленности мешали сохранявшиеся крепостные порядки, отсутствие квалифицированных кадров.

Отмена крепостного права создала более благоприятные условия для развития пароходостроительных предприятий, хотя пережитки феодализма накладывали отпечаток на характер и темпы ее развития. Пережитки крепостничества проявлялись в таком важном вопросе, как снабжение пароходостроительных предприятий сырьем. Тормозящее влияние на развитие пароходостроительной промышленности оказывало также и известное недоверие части буржуазии и дворянства к возможностям отечественной промышленности. Но эти и некоторые другие

препятствия могли только задержать процесс развития пароходостроительной промышленности, но не остановить его. Хозяйство страны, предьявляя постоянно растущий спрос на усовершенствование путей сообщения, приводит ко все большему увеличению количества пароходов.

Грузовое пароходное движение к началу 60-х годов было распространено уже по всему Волжско-Камскому бассейну, а пассажирское существовало только по самой Волге от Твери до Астрахани, где плавали пароходы обществ «Самолет», «Польза», «Дружина», «Общество по Волге»⁴.

В 1860–1869 годы строительство новых пароходов происходило менее интенсивно и вновь было построено не более ста паровых судов⁵. Но эти годы знаменательны тем, что в это время выступил на сцену новый класс предпринимателей в пароходном деле. Это были освобожденные от крепостной зависимости крестьяне. Естественно, что первыми из крестьян занялись пароходным делом бывшие «судовщики», т.е. владельцы расшив, всю жизнь занимавшиеся судовым делом, бывшие сами и строителями своих судов, и их лоцманами-судоводителями. В 1861 году вышел на Волгу первый крестьянский пароход «Крестьян товарищ», построенный компанией из бывших расшивовладельцев Н.Лапшина, П.Колотушкина и братьев Дегтяревых⁶.

В эти годы пароходные корпуса строились из дерева, т.к. это обходилось в 4-5 раз дешевле железных. Правда они и служили в 3-4 раза меньше, чем железные, и имели целый ряд крупных недостатков, таких как незащищенность при пожарах, более значительный вес судна и т.д. Только с удешевлением железа не стало смысла строить деревянные пароходные корпуса, и они стали постепенно исчезать. Тем не менее, по переписи 1885 года в Волжском бассейне было зарегистрировано 140 пароходов в деревянных корпусах, при общем количестве 1047 пароходов, плававших в то время по Волге⁷.

В 60-х годах организуются срочно-буксирные линии для доставки особо ценных товаров. Срочно-буксирные отправления выполнялись буксирными пароходами с одной легкой баржей по установленному расписанию. Управление срочно-буксирных линий заметно оживило работу пароходства и привлекло к нему новые грузы, которые ранее в значительной мере шли по железным дорогам.

На некоторых срочно-буксирных пароходах начали перевозиться и пассажиры, для которых стали устраиваться специаль-

ные пассажирские помещения. Так на Волге появился новый тип паровых судов, который получил название товарно-пассажирских.

В эти же годы возник еще один тип паровых судов, представлявших из себя дальнейшее усовершенствование кабестанных судов, вызванных к жизни особыми условиями судоходства в некоторых районах Волги. Назывались они туерами или цепными пароходами, приводились в движение паровой машиной и двигались по толстой цепи, проложенной по дну реки⁸. Использовались эти суда в верховьях Волги и на ее притоках Шексне и Свири, на которых было сильное течение и обилие порогов. Туера «при средней мощности до 40-45 номинальных сил, могли вести за собой воз в 5-6 судов с грузом до 120 тыс. пудов»⁹. Особенного развития туерное пароходство достигло в 80-е годы, когда с улучшением Мариинской системы, поток грузов в Петербург увеличился до 40 и более млн. пудов.

Продолжалось строительство новых буксиров. В 1866–1867 гг. было построено 30 буксирных пароходов, в 1868 году – 25, в 1869 г. – 50¹⁰.

Аналогичным образом шло развитие на Волге пассажирского пароходства. В конце 50-х годов до Астрахани ходил только один пассажирский пароход общества «Дружина» и все перевозки пассажиров совершались или на палубах буксирных пароходов, или на особых баржах. В 1862 году на всей Волге и Каме работали уже 42 пассажирских парохода, а к 1865 году количество пассажирских пароходов на Волге насчитывалось до 120¹¹. Общее же количество пароходов, плавающих в Волжском бассейне к началу 70-х годов исчислялось в «423 парохода, общей мощностью в 33725 номинальных сил, – из них буксирных 289 пароходов мощностью в 25613 сил, пассажирских 70 пароходов в 4389 сил, буксирно-пассажирских 24 парохода в 2315 сил, кабестанных 17 пароходов в 782 силы и завозенных 28 в 626 сил»¹².

Кризисы и потрясения, свойственные капиталистическому развитию, отразились и на развитии волжского судоходства. Первые же кризисы 1873–1876 и 1881–1882 годов больно ударили и по волжскому судоходству. На Волге вдвое упали цены на провоз грузов и пассажиров. Некоторые пароходчики и крупные общества разорились. Необходимо было найти выход из создавшегося положения. И такой выход был найден в обновлении и усовершенствовании всего речного флота, с применением в нем всех новейших достижений, а главное с изменением само-

го типа паровых судов, чтобы сочетать в них возможность одно-временной максимальной перевозки и грузов и пассажиров. В этих целях необходимо было добиться наибольшей грузоподъемности судов при наименьшей их осадке и наибольшей скорости хода при высших удобствах для пассажиров.

В 1871 году на Волге появился первый пароход нового типа, как тогда говорили «американского» типа. Он был построен на Сормовском заводе талантливыми инженерами А.Г.Некрасовым и Окуневым, Пароход, построенный ими, был в железном корпусе, двухэтажный, с двумя разновальными машинами системы компаунд, общей мощностью в 250 индикаторных сил, поднимавший неслыханное до того времени для пассажирского парохода количество груза – до 30 с лишним тысяч пудов¹³. Название «Переворот» вполне соответствовало действительности, так как он совершил подлинный переворот в области пассажирского и товарно-пассажирского пароходостроения, доказав целесообразность безопасного для плавания устройства двухдечных надпалубных построек. В 1872 году вышли на Волгу еще два подобных парохода, увеличив общее количество пароходов плававших в Волжском бассейне.

По данным И.Ф.Борковского в навигацию 1871 года на Волге плавало: а) буксирных пароходов 318 общей мощностью в номинальных силах 29925; б) товарно-пассажирских 3 в 600 сил; в) пассажирских 60 в 4030 сил; г) перевозных 10 в 300 сил; д) заведений при кабестанах 20 в 583 силы. Всего 411 пароходов в 35438 сил. Из 318 буксирных пароходов 30 были на срочно-буксирных линиях, плавая с одной легкой баржей грузоподъемностью до 30 тысяч пудов. Всеми буксирными пароходами, полагая в среднем около 1000 пудов груза на одну силу, можно было бы двинуть против течения до 30 миллионов пудов со скоростью до 70 верст в сутки. Кроме них, в 1871 году работало на Волге 17 кабестанов с общей мощностью 790 сил. Ими можно было против течения перевести до 8 миллионов пудов со скоростью до 40 верст в сутки. На буксировке также работали еще 3 коноводки, общей мощностью до 200 сил, они могли поднять сразу 2 миллиона пудов со скоростью 25 верст в сутки¹⁴.

В 80-е годы XIX в. водные перевозки значительно сократились. Между тем грузооборот Волги возрастал, достигнув в 1864 году 270 миллионов пудов¹⁵, и настойчиво требовал увеличения грузоподъемности судов. Возрастала также и поток пассажиров. Все это заставило многих судовладельцев переделывать свои од-

нопалубные пароходы в двухпалубные. Но такие пароходы давали большую осадку, что являлось серьезным препятствием для успешной работы судов при недостаточной глубине.

Появляется новый тип – плоскодонные пароходы – паузки, с двигательными колесами, расположенными сзади судна, за кормой, для устранения трения о борт. В целях большей легкости и дешевизны эти суда строили всецело из дерева. Зимой 1881–1882 гг. был построен в Нижнем Новгороде первый пароход этого типа «Амазонка». Это было большое трехэтажное судно, плоскодонное и очень легкое, грузоподъемностью в 24000 пудов груза и 400 пассажиров, со скоростью хода (вниз по течению) в 18-19 верст¹⁶. В период 1883–1887 годов были построены еще 6 пароходов этого же типа.

Однако паровые суда заднеколесного типа, с успехом заменив собой пароходы и баржи срочно-буксирных линий 60-70-х годов, не могли удовлетворить крупные волжские фирмы, стремившиеся перестроить свою деятельность преимущественно на пассажирских перевозках и на быстроте движения судов.

В 80-х годах начало перестраивать свой флот общество «Самолет». Были построены пассажирские пароходы «Пушкин», «Лермонтов», «Тургенев» и др. с машинами двойного расширения, соединившие быстроту хода и большое изящество отделки (со всеми удобствами для пассажиров), со значительной грузоподъемностью от 20 до 24 тыс. пудов¹⁷.

Развитию грузооборота и успехам волжского судоходства способствовало появление на Волге в 80-е годы нефти и ее продуктов. В волжском флоте нефть впервые была широко применена в 1884 году обществом «Кавказ и Меркурий», а в 1900 году 93% волжского транспорта (парового) уже работало на нефтетопливе. Статистические данные показывают, что «потребление паровыми судами дров весьма значительно сократилось в бассейне Волги (почти на 86%)...»¹⁸.

С нефтяными перевозками связано такое серьезное достижение, как развитие строительства железных баржей. В 80-х годах они строились систематически.

В связи с наливной перевозкой нефтяных продуктов на Волге появляется несколько новых названий грузовых судов, характеризовавших назначение судов. Это были нефтянки, керосинки, нефтекачки.

Таким образом, в 80-е годы состав волжского флота рос непрерывно. По переписи, проведенной Министерством путей сообщ-

щения в 1900 году, состав волжского флота в 1884 году насчитывал 665 судов, средней мощностью одного судна в 72 силы. В 1890 году он возрос уже до 1015 судов¹⁹, увеличившись за пять лет на 52%, при некотором понижении средней мощности судов.

Восьмидесятые годы надолго определили дальнейшее направление работы волжского пароходства, по существу уже не изменявшееся до самого момента национализации флота. Это направление характеризовалось наиболее интенсивным развитием работы пассажирских и товаро-пассажирских паровых судов и, наоборот, ослаблением роли буксирных пароходов.

Такое явление было вызвано отчасти ростом волжского грузооборота, естественно потребовавшим и более быстрого обмена товаров, главным же образом, расширением железнодорожной сети и обострением конкуренции водных путей с железными дорогами. Уже к концу 80-х годов целый ряд железнодорожных линий подошел вплотную к Волге, конкурируя с судоходством за грузы, а начавшееся в 90-х годах объединение мелких железнодорожных предприятий в крупные общества еще более укрепили позицию железных дорог.

90-е годы отличались засухами, эпидемиями холеры. Все это отрицательно сказалось на работе волжского судоходства. Некоторые общества и компании разорились. Так, например, разорилось одно из крупнейших пароходных предприятий на Волге – пароходство А.Зевке. На опыте фирмы Зевке пароходства убеждались в том, что выходом из создавшегося положения является дальнейшее усовершенствование флота, чтобы улучшить его работу и удешевить эксплуатацию судов. Этой потребности отвечали и технические успехи судостроения, которые получили заметное развитие еще с конца 80-х годов.

Вводимые усовершенствования касались всех составных частей судов, начиная с корпусов и кончая машинами.

Улучшение судовых корпусов шло как по линии продолжающегося облегчения их веса путем применения более тонких, но прочных сортов железа и «специально разработанной системы продольных и поперечных креплений с тщательным удалением всех их «нейтральных» мест, так и улучшением самой конструкции корпусов, с уменьшением излишней остроты носовых и кормовых очертаний»²⁰. Результатом этих усовершенствований явилось значительное увеличение грузоподъемности судов при сохранении сравнительно небольшой осадки. Улучшение двигательных аппаратов шло вначале по линии

уменьшения их веса, а затем усовершенствования самой конструкции и расположения аппаратов на судне.

Большие качественные изменения произошли и в судовых котлах. Изменилась их форма из неуклюжей коробчатой в легкую и компактную цилиндрической формы. Появились водотрубные котлы, означающие значительный шаг вперед в смысле легкости по сравнению с жаротрубными.

Усовершенствования коснулись и некоторых деталей судовых механизмов, например двигательных паровых колес.

Введение всех указанных улучшений, подняло волжский флот на такую высоту, которая нередко превосходила лучшие судовые образцы Западной Европы.

Таким образом, увеличение мощности паровых судов шло в тесной связи как с общим развитием волжского судоходства, так и с улучшением самой техники судостроения.

Общий состав волжского флота в 90-е гг. продолжал возрастать. Если к 1884 году его паровая группа выражалась в 665 судов, то к 1900 году она достигла 1718 судов²¹, увеличившись на 159%. Вместе с количественным увеличением росло и качество строившихся судов, начиная с материала постройки: так из 1718 паровых 1392²² (81%) было железных и стальных и только 326 (19%) деревянных.

С развитием парового судостроения деятельность широко развернулась в Поволжье, появился целый ряд специальных заводов и мастерских различной величины и оборудования по постройке, сборке и ремонту железных судов, в частности, паровых и их отдельных частей; кроме того, железным судостроением занялись и механические заводы, возникшие ранее. По официальным данным Министерства путей сообщения в 1865–1869 годах в Волжском бассейне было построено в общем 26562 судна, из них собственно на Волге было выстроено 629 судов или 36,3% от общего числа, причем 108 из них было железных (16 паровых и 92 баржи). Количество деревянных судов, построенных в это пятилетие собственно на Волге, равно 9521²³.

Места постройки деревянных судов находились, главным образом, в Верхнем Поволжье, около Пужеча, Городца, Нижнего Новгорода и на притоках Волги: рр. Мологе, Шексне, Унже, Ветлуге, много судов строилось на Каме и ее притоках.

С развитием промышленной революции возник спрос на продукцию нового качества для нужд сухопутного и речного сооб-

щения. На удовлетворение потребностей речного транспорта была направлена производственная деятельность Сормовского завода, основанного в 1849 году по инициативе отставного поручика Д.Е.Бенардаки. С начала своего существования завод функционировал как железоделательное и паровостроительное предприятие и был основан со специальной целью постройки паровых машин и котлов. В числе промышленных предприятий Нижегородской губернии в 60-е годы XIX в. Сормовский завод занимал видное место. Уже в первые десятилетия после отмены крепостного права – техника судостроения шагнула вперед, достигнув особенно высокого уровня в 90-е годы. В это время были построены 4 больших железных товаро-пассажирских паровых судов со всеми новейшими достижениями и техническими усовершенствованиями, такие как «Петр Чайковский» и другие. Всего же в 1892–1896 годы было построено 14 паровых судов, 17 машин для судов со средним числом номинальных сил в одной машине 110 и 25 котлов для паровых судов²⁴.

Своим быстрым ростом паровый завод «Дружина», созданный в 1852 году в Костроме, был обязан развитию капиталистических отношений в Поволжье. Костромской паровостроительный завод был типичным предприятием, выросшим в период промышленного переворота. Его изделия пользовались большим спросом.

В 1857 году в Нижнем Новгороде был основан завод бр.Колчиных, позднее Курбатов. Наивысшей производительности завод достиг в 90-е годы, когда его оборот выражался в 500–625 тысяч рублей, было выстроено в 1892–1896 годы 17 паровых судов, 25 машин со средним числом 57 номинальных сил в машине и 44 паровых котла²⁵. Уже к середине 90-х годов заводом было выпущено более 100 паровых судов и столько же паровых машин различных систем.

Механический отдел для постройки буксирных и пассажирских паровых судов был открыт в 1890 году на заводе Яковлевых в д. Молитовке Балахнинского уезда, где в период с 1892–1896-х годов заводом было построено 21 судно, 7 машин со средним числом 35 номинальных сил в машине и 32 паровых котла²⁶.

14 паровых судов, 17 паровых машин в 75 сил в среднем и 30 паровых котлов²⁷ было выпущено в 1892–1896 годы механическим заводом Журавлевых, который был основан в 1865 году. «Журавлевские постройки» были широко известны на Волге и ценились очень высоко.

Оживленную деятельность во второй половине 90-х годов развил механический завод в Звениговском затоне, когда общество «Дружина» решило перестроить свои устаревшие пароходы на более усовершенствованные. Перестройка прошла удачно и завод решил строить новые суда, которые выходили мелководными и экономными по трате топлива, почему и раскупались у завода весьма охотно.

Завод общества «Кавказ и Меркурий» в Спасском затоне сначала существовал как ремонтные мастерские. Затем, по мере увеличения флота общества, мастерские расширились и постепенно превратились в механический завод. Помимо ремонтных работ здесь стала производиться сборка и отделка пароходов, корпуса и машины которых заказывались за границей. Большим достоинством пароходов, построенных заводом в Спасском затоне, являлась их значительная грузоподъемность при сравнительно малой осадке, а недостатком – некоторая дороговизна²⁸. На Всероссийской выставке 1896 года в Нижнем Новгороде общество «Кавказ и Меркурий» получило за свою судостроительную деятельность высшую награду – государственный герб.

Механический завод Журавлевых в Самаре, основанный в 1876 году, с течением времени превратился в крупное предприятие, с числом рабочих до 500 человек²⁹. С 1892 года по 1896 год заводом было построено 12 пароходов, 14 машин со средним числом 54 номинальных сил и 15 пароходных котлов³⁰. До 1900 года заводом было построено 34 буксирных парохода, наиболее мощные из них: «Н.Журавлев» в 170 сил, «П.Орехов» в 175 сил, «Горбатов» в 100 сил³¹ и др.

Казенные заказы по постройке паровых машин и судов выполнялись во второй половине XIX века Мотовилихинским казенным заводом, расположенном близ Перьми.

Развиваясь, судоходство оказывало влияние почти на все стороны жизни, в том числе и на сельское хозяйство. Это влияние проявлялось прежде всего в усилении размеров отходничества в сельскохозяйственные районы Среднего и Нижнего Поволжья. Пароходы позволяли сравнительно быстро и дешево перебрасывать значительное количество отходников. Непрерывно росло число крестьян, прибывавших пароходами на заработки в Самарскую губернию. Так, например, если в 1865 году в Самару прибыло до трех тысяч сельскохозяйственных рабочих, то в 1870 году их было уже свыше пяти тысяч³², в 1897

году, не смотря на неурожайный год, только в трех уездах Самарской губернии – Новоузенском, Николаевском и Бузулукском – было зарегистрировано свыше семи тысяч пришлых рабочих³³. В урожайные же годы в Самарскую губернию в 90-х годах стягивалось до 270 тысяч пришлого населения из разных губерний³⁴. Это были, главным образом, косари, жнецы и жницы. Пристани, например такие, как Балаковская, Екатериненштадская и другие служили, как и базарные села и города пунктами временного стечения пришлого рабочего люда. Крестьяне заполняли все свободные места на пристанях, ожидая, пока их наймут на работу. Если места на пристани не хватало, они располагались прямо под открытым небом.

Результаты обследования 1035 рабочих, прибывших в уезды Новоузенский, Николаевский и Бузулукский Самарской губернии, которое было проведено М.М.Гран, показаны в ниже следующей таблице.

Таблица 1. Способы передвижения рабочих от постоянного местожительства до пункта найма или района работы³⁵

Способ передвижения	Новоузенский уезд		Николаевский уезд		Бузулукский уезд		В общем	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
пешком	258	55,6	92	16,8	3	–	353	34,1
подводой	41	8,8	429	78,5	16	–	486	46,9
жел. дор.	15	3,2	6	–	–	–	21	2,0
пароходом	60	12,9	1	–	–	–	61	5,8
на барже	3	–	–	–	–	–	3	–
на плоту	6	–	–	–	–	–	6	–
на беляне	4	–	–	–	–	–	4	–
смешано	77	16,5	18	3,2	6	–	101	9,7

Из этой таблицы видно, что преобладающими были два способа передвижения – конный и пеший. Однако конный путь был исключительной привилегией рабочих Николаевского уезда, которые являлись в основном жителями своего же (Николаевского) уезда. Для главной же массы пришлых рабочих, являвшихся представителями других губерний, – главным способом передвижения в пути оставался пеший, длительный, тяжелый изнуряющий путь. На втором месте стоит водный путь пере-

движения, 5,8% от общего числа обследованных использовали такой способ передвижения, как пароход. К тому же необходимо учитывать различие в географическом положении, например, таких уездов, как Новоузенский, расположенный непосредственно по течению Волги и Бузулукский, отстоящий от нее на достаточном расстоянии. Таким образом, из некоторых губерний удобнее было использовать другой способ передвижения для того, чтобы добраться в Бузулукский уезд. Это обстоятельство хорошо видно и из выше приведенной таблицы – 12,9% пришлых рабочих избрали средством передвижения в Новоузенский уезд – пароход. В погоне за более легким способом передвижения, а иногда с целью подработать в пути, отправляющиеся на работу пользовались баржей, плотом, беляной. Это обстоятельство подтверждает, каким тяжелым был путь для большинства из тех, кто вынужден был покинуть родные места, семью и уходить в поисках заработка. Обычная продолжительность пути была равна 6-10 дням, а часто и больше. Так, для подавляющего большинства рабочих, пришедших из других губерний в Новоузенский уезд десятидневный путь являлся преобладающим. М.М.Гран отмечал, что «число таких рабочих равно 46,5%, следующей по величине группой являлись рабочие с шестидневным путем, путь в 8-10 дней выпадает на долю 18,9% рабочих»³⁶.

М.М.Гран пришел к выводу, что в Самарскую губернию шло население в основном из губерний: Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Казанской, Вятской, Уфимской, частью Астраханской и Оренбургской³⁷. Шли сюда в поисках работы в одиночку, шли и целыми семьями. Подростки из этих семей, работая наравне со взрослыми, считались полу-рабочими, или выполняли обязанности нянек для детей младшего возраста. Были случаи ухода на заработки целых деревень. Так, Е.П.Бусыгин приводит пример ухода на всю зиму красильщиков Бугульминского уезда Самарской губернии, которые возвращались домой ненадолго лишь к «петрову дню»³⁸.

Кроме крестьян, которых было большинство, сюда, в южные уезды Самарской губернии шли мещане, чернорабочие, ремесленники, городская прислуга.

Из анализа, проведенного М.М.Гран видно, что основную группу пришлых рабочих, составляли русские 76,9% из 1035 (общего числа) обследованных рабочих, затем татары – 5,7%, мордва – 4,4%, чуваша – 0,2%³⁹.

Как свидетельствует тот же М.М.Гран, физическое состояние, подорванное еще при выходе из дому в поисках работы, тяжесть пути «без защиты от стихийности природы», скудное питание в пути, однообразная пища на пунктах найма и на работах, продолжительная и тяжелая работа, «снова отсутствие защиты от тяжелого зноя солнца, от дождя, ливня или буйного ветра, артельная жизнь, артельное питание, полная беспомощность в случае болезни – вот те моменты и условия, при которых неизбежно должна складываться жизнь пришлого рабочего...»⁴⁰. Рабочие привозятся на поля. Здесь те, кто имеет раскладывает палатку, неимущие, которых обычно большинство, располагаются под открытым небом. Каких-либо хозяйских построек, палаток и навесов для укрытия рабочих от дождя или зноя в послеобеденное время не имеется. Работы начинаются с восходом солнца, а часто намного раньше, кончаются с закатом. Так как расстояние от стана обычно бывает немалым, рабочие забирают с собой хлеб, бочата или чайники с водой в поле. Питание рабочих по описанию врача Казаринова, обследовавшего Новоузенский уезд, состоит: «на завтрак – черный хлеб с водой, на обед каша, кашка и черный хлеб, на полдник – черный хлеб с водой, на ужин каша, черный хлеб и так изо дня в день, на всех работах, с весны до осени...»⁴¹. Особенно утомительна, считает Казаринов, была молотья на паровых молотилках, «где к тому же приказчиками не дается послеобеденного отдыха рабочим»⁴². Работа эта, пишет автор, «требует особого внимания и часто сопровождается крупными травматическими повреждениями»⁴³. Описывая возвращающиеся группы рабочих, Казаринов пишет: «Бледные измученные лица, вялые движения (ведь сколько среди них хронических маляриков, дизентериков и т.д.) – это бросается в глаза при общем взгляде на возвращающиеся группы рабочих и среди них встречаются зачастую настоящие тени рабочих... дома ничего, везется домой ничего, а впереди суровая зима с ее суровыми жизненными потребностями и платежами»⁴⁴.

Пароходство, как справедливо отметил Л.Н.Фурер, сыграло определенную роль в освоении Заволжских степей, где применялся наемный труд и новая сельскохозяйственная техника. Все это подрывало систему феодальных производственных отношений в сельском хозяйстве. Развитие пароходства способствовало заселению окраин, которое начинается довольно интенсивно в 60-х годах XIX в. Переселенцы переправлялись на па-

роходах на новые земли, пароходы же обеспечивали и удобный сбыт сельскохозяйственной продукции. Волжское судоходство, содействуя заселению окраин и их освоению, создавало условия для дальнейшего собственного развития, обеспечивая себя грузами для перевозки. Пароходство не только облегчало сбыт готовой продукции и доставку сырья, но вызывало к жизни различные виды промыслов, непосредственно обслуживающих волжский транспорт, и оказывало влияние на их развитие. Существовали различные промыслы по оснастке судов. В ряде районов Волги, под влиянием развития судоходства, распространился пеньково-канатный промысел. Например, в Казанской губернии выделялось до 3000 пудов снасти и смоляной пакли⁴⁵. Получил дальнейшее развитие рогожный промысел, так как при перевозке хлеба и других грузов требовалось большое количество рогож и кулей, а рост перевозок на Волге создавал благоприятные условия для развития этого промысла. Условия работы рогожников, по описанию современников, были чрезвычайно тяжелыми. Работа продолжалась не менее 16 часов в пыльном, душном помещении. Очень часто рогожник, нуждаясь постоянно в деньгах, продавал свой товар на базаре за бесценок или отдавал его богатому соседу. Постепенно самостоятельный ремесленник превращался в рабочего, работающего на богатого рогожника.

Предъявляя спрос на лес, волжское судоходство, способствовало развитию лесопромышленности. По подсчетам И.Борковского, волжские пароходы уничтожали до 18000 десятин леса в год⁴⁶. Большое количество леса шло на постройку различных непаровых судов, которые обычно плавали только одну навигацию, а затем шли на дрова.

В Казанской и других губерниях Поволжья широко была развита добыча смолы и дегтя, широко использовавшиеся в судостроении.

Заметное влияние оказало волжское судоходство на развитие железодельной промышленности, особенно кузнечно-го промысла. Для нужд судоходства выковывались якоря, гвозди и др. изделия. Здесь, как и в других промыслах, скупщики поставляли железо и скупали готовую продукцию. Хозяева и скупщики принимали готовую продукцию кузнецов по цене, которая была значительно меньше базарной.

Развитие волжского судоходства не только способствовало возникновению самых разнообразных промыслов, но привело к

созданию целой отрасли промышленности фабрично-заводского типа, пароходостроительной промышленности. Нужды развивающегося пароходства дали толчок строительству пароходоборочных и пароходоремонтных предприятий, а затем превращению их в пароходостроительные заводы. Помимо судостроительных и механических заводов о которых упоминалось выше, возник целый ряд мелких судоремонтных мастерских, которые содержались в основном различными пароходными предприятиями, а частью ведомством путей сообщения для нужд казенного судового каравана. Так, хорошо оборудованные мастерские общества «Самолет» находились в г. Тверь; в Сокольском затоне – мастерские Волжско-Унженского пароходства; в Паратском или Кабачищенском затоне – мастерские Казанского округа путей сообщения; в Криушенском затоне, недалеко от г. Симбирска, – мастерские «Общества по Волге»; в Черном затоне, в 52 верстах ниже Сызрани, – мастерские общества «Нептун» и т.д.⁴⁷ Кадры судорабочих поставляли волжские села. В некоторых из них для большей части населения работа по обслуживанию волжских перевозок являлась основным источником существования. В затонах и мастерских крестьяне выполняли различные работы, дававшие им дополнительный заработок.

Развитие пароходства внесло коренное изменение в рабочее дело на Волге. Повлияв на сокращение общего числа судорабочих, оно поставило перед необходимостью известного отбора рабочей силы. Необходимость в квалифицированных работниках приводила к созданию отряда постоянных судорабочих и служащих, которые годами работали на одном и том же предприятии, возвращались каждую весну на одно и то же судно. Огромное большинство служащих, составляли крестьяне. И.А.Шубин приводит следующие данные: из всех 37510 зарегистрированных служащих, крестьян было 33138 человек или 88,34%, следующей группой шли мещане – 3452 человека или 9,2%⁴⁸.

Труд судорабочего был не из легких. В течении 200 дней навигации они не знали никаких праздников, не знали отдыха, А между, тем работа их требовала постоянного напряжения. Верхняя команда работала в основном под открытым небом, независимо от погоды, не различая ни дня, ни ночи. Рабочий день на буксирных пароходах и баржах начинался в 3-4 часа утра и заканчивался в 10-11 часов вечера. Кроме того, ночами не только во время хода судна, но и на стоянках приходилось нести поочередно ночную вахту. Нижняя, машинная команда

работала в закрытом помещении, лишенном дневного освещения, полного вредных выделений от машин и котловых топок.

При чисто кабальных условиях найма, тяжелый труд судовых служащих и рабочих оплачивался, как описывает И.А.Шубин, весьма недостаточно.

Особую группу рабочих в судоходстве составляли грузчики, которые не были в полной мере только судоходными служащими, т.к. в большинстве случаев содержались не самими судоходными предприятиями, а особыми подрядчиками, или же работали на артельных началах, обслуживая и другие предприятия. Тем не менее, их работа была тесным образом связана с судоходством.

В поисках навигационной работы, грузчики приходили в разные прибрежные пункты Поволжья иногда из очень отдаленных мест. Их насчитывалось не менее 30-35 тысяч человек⁴⁹. В основном это были крестьяне, имевшие малые земельные наделы и не могущие прокормить свои семьи. По национальности профессиональные грузчики были главным образом русские, но в некоторых пунктах, таких как Казань, более или менее значительную часть составляли татары, а в Астрахани – персы.

Продолжительность рабочего дня грузчиков была не нормированной, приходилось работать и днем и ночью, особенно на промежуточных пристанях. Нормальный рабочий день грузчиков был не менее 14 часов (с 5 часов утра до 7 часов вечера), но чаще всего им приходилось работать по 16-17 часов, с одним часовым обедом, переноса в течении дня обычно до 200-300 пудов, а в дни напряженной работы до 700-800 и более пудов⁵⁰. Естественно, что такой тяжелый и изнурительный труд разрушал организм грузчиков преждевременно, и редко кто мог продолжать свою работу после 40 лет. Описывая жизнь грузчиков И.А.Шубин приводит слова сельского старосты одного села Нижегородской губернии, жители которого занимались грузовыми работами по волжским пристаням: «Не много из наших крестьян проработает на грузке и до 40 лет – кто надорвется, кого зашибет, да и так похварывают часто. Ну, а уж если бог грехам потерпит, то куда же он годится после 15-20 лет такой работы? Бывало, что брали из жалости таких-то бывших грузчиков в пастухи общественные, да нет, нельзя: уж очень ногами слабы бывают. Одно им занятие остается – питаться христовым именем»⁵¹.

Роль судоходства в развитии рыночных связей Поволжья весьма значительна. Особое место в перевозке принадлежало

хлебу. Хлебная торговля велась в больших масштабах и была хорошо организована. Хлеб отправлялся, главным образом, с пристаней Самарской, Саратовской, Симбирской и Казанской губерний. Существенную роль играли перевозки сала, соли, лесных товаров, металлов и строительных материалов. Судоходство связывало Поволжье с Уралом, Оренбургским краем, Петербургом, оказывало большое влияние на торговлю Нижегородской ярмарки. Вообще же «мы можем сказать, что по Волге, средним числом, движется товаров, не менее как на 300 млн. руб., а вместе с притоками – не менее как на 500 млн. руб., не считая ценности леса и лесных материалов... Что касается всего Волжского бассейна, то количество товаров, движущихся по нему, в среднем, только на 16% меньше количества товаров, движущихся по всем остальным водным путям России; но зато ценность первых, относительно ценности последних, почти в три раза больше»⁵².

Развитие пароходства привело к значительному расширению сферы рыночных связей. Пароходы позволили перевозить в большом объеме различные скоропортящиеся продукты, такие как мясо, рыбу, фрукты, масло, т.е. те товары, которые ранее, из-за длительности транспортировки не могли доставляться в крупные пункты сбыта, теперь стали быстро доходить до потребителя. Как отмечал Л.Н.Фурер, современники писали: «В Саратове, Самаре, Симбирске труднее достать хорошей рыбы, чем в Москве, и ни в коем случае не дешевле. Легкие пароходы ежедневно провозят мимо нас огромные чаны и тары с прекрасною свежою и малосоленною рыбой. В самой Астрахани нельзя купить на рынке, как в Москве или Нижнем, куска осетрины. Из Самары вывозят ежегодно миллионы самой лучшей пшеницы. Между тем, в Самаре нет порядочной пшеницы (крупчатой) муки»⁵³.

Исследователи хлебной торговли пришли к выводу, что в хлебной торговле произошли некоторые географические изменения. Паровые суда на Волге повысили значение дешевого низового хлеба, который раньше в Петербург доставлялся за две навигации. Упало значение хлеба с пристаней Верхней Волги (Лысково, Воротынец и других), который прежде на непаровых судах доходил к Петербургу за одно лето. Пароходы стали в одну навигацию доставлять в Петербург дешевый Самарский, Камский, Балаковский хлеб. Оттуда волжский хлеб шел в Англию (свыше одной трети всего экспортируемого хлеба), в германские города, Голландию, Данию, Швецию, Норвегию⁵⁴.

Пароходство прочно связало Поволжье с мировым рынком, усилило зависимость от него. Например, в 1865 году в Поволжье был неурожай, в ряде сел крестьяне умирали от голода, однако экспорт зерновых хлебов за границу из Петербурга, ввиду спроса на него, значительно увеличился⁵⁵.

Определенная роль принадлежала пароходству в ликвидации местной и национальной замкнутости, в установлении всесторонней связи и всесторонней зависимости наций друг от друга. Использование широко разветвленной сети внутренних водных путей, при высокой стоимости перевозки гужевым транспортом, представляло большие возможности для хозяйственных и торговых связей, для развития сообщения между различными районами страны, а также для развития внешней торговли. «Судоходство на Волге, – писал Н.Боголюбов, – так же велико, как и сама река. Принимая в себя Оку, омывающую берега 8-ми губерний на протяжении 1400 верст и Каму длиною в 1500 верст, проходящую через 4 губернии, она служит средоточием разнородных богатств нашего государства в виде ископаемых, земледельческих и животных предметов, собираемых на обширных площадях 21 губернии и свозимых преимущественно в Петербург, Балтийский порт, Ревель, Астрахань, а также на Дон чрез перевал между Царицыном и Калачем. Отсюда становится понятным, то громадное судоходное движение, которое на Волге вверх и вниз ее течения»⁵⁶. Товары, обрабатываемые по Волжскому бассейну, писал И.Ф.Борковский, очень разнообразны и «имеют около 300 разных званий»⁵⁷. В 60-е годы грузооборот Волги не превышал 180 миллионов пудов⁵⁸, а к 1871 году «общая масса товаров, обрабатываемых на Волжско-Мариинском пути – не считая лесных произведений, сплавляемых в плотах и гонках – составляют груз... 300 млн. пудов, ценностью... 200 млн. рублей»⁵⁹. Основная масса перевозимых товаров – лесные материалы 120 млн. пудов или 39,2%, хлеб – 90000 тыс. пудов или 29,4%, строительные материалы 30000 тыс. пудов или 9,8%, соль – 14000 тыс. пудов или 4,6%, металлы – 12000 тыс. пудов или 4,0% и т.д. Хлеб давали пристани, лежащие по Волге ниже Нижнего Новгорода, по рекам Суре и Каме с протоками, причем «пшеничный хлеб, обращающийся в количестве 35000 тыс. пудов на сумму 31500 тыс. рублей» давали преимущественно Саратовские и Самарские пристани, а «ржаной с приварочными хлебами в количестве 45000 тыс. пуд. на сумму 27000 тыс. руб. и овес около 10000 тыс. пудов на сумму 5000 тыс. рублей» отправлялись преимущественно

но с пристаней, лежащих к северо-западу от Самары и из Камского бассейна. Из всего этого количества хлеба на взводное движение, т.е. на северо-запад к Петербургу идет 86 миллионов пудов или 96% на сумму 60650 тыс. рублей, а на спускное движение, т.е. по направлению к Астрахани идет 4 миллиона пудов или 4% на сумму 2850 тыс. рублей⁶⁰.

Почти половина хлеба, идущего вверх по Волге, т.е. к северо-западу, достигало Петербурга и часть его шла за границу, а другая половина потреблялась в губерниях, которые лежали по Волге выше Нижнего Новгорода.

Льняное семя давали пристани Камского, Окского и Волховского бассейна.

Общее количество металлов, которое обращалось по Волжскому пути, составляло 12 миллионов пудов, из которых железа было 10 миллионов пудов, металлических изделий – 10 миллионов пудов, ценностью 4 миллиона 600 тысяч рублей, рельсов – 1 миллион пудов на сумму 1600 тысяч рублей⁶¹. Распределение металлов и изделий из них таково: металлы (сырье) поступали на Волгу с Камского бассейна, большая часть которых (8500 тыс. пудов на сумму 12750 тыс. рублей) достигла Петербурга, а остальные 1500 тыс. пудов ценностью 2250 тыс. рублей направлялись вниз по Волге, частью оставаясь на крупных пристанях⁶². Металлические же изделия отправлялись преимущественно из Нижнего Новгорода, с пристаней реки Шексны, а также из Петербурга. Почти все эти изделия шли в Самару, Саратов, Астрахань и на Дон. Рельсы шли из Петербурга и частью из Камского бассейна.

«Соль идет частью с низовьев Волги из Владимировки, куда она доставляется с Эльтонского и Баскунчакского озер, или с Камы, где ее добывают в старинных Усольских варницах...»⁶³, незначительная часть ее шла из Петербурга, в основном иностранная. В направлении к Петербургу движется 13700 тыс. пудов или 98% ценностью в 6850 тыс. рублей, а вниз по Волге – только 300 тыс. пудов или 2% на сумму 150 тыс. рублей⁶⁴. Главными потребителями соли, кроме попутных пристаней, являлись Саратовский район, бассейн реки Оки, Нижегородская губерния и Верхняя Волга.

Сало давали местности, лежащие около Саратова, Самары, в Камском бассейне, все оно направлялось вверх по Волге и доходило до Петербурга.

Лес и лесные материалы давали, естественно, верховья Вол-

ги, Камский бассейн, Окский бассейн, а также другие притоки Волги, местности, очень богатые лесом. Из общего количества «лесных произведений (кроме плотов и гонок) направляется вверх по Волге 95000 тыс. пудов или 80% на сумму 6060 тыс. рублей, а вниз по Волге или к юго-востоку – 25000 тыс. пудов или 20% ценностью 1500 тыс. рублей»⁶⁵. Главная масса этих товаров потреблялась Петербургом и в степной полосе Нижней Волги, а также частью переправлялась на Дон.

Таким образом, из общей массы товаров, обращающихся на Волге включая Мариинскую систему, направлялось к Петербургу 262900 тыс. пудов или 86% на сумму 147405 тыс. рублей или 73%, а вниз по Волге 43100 тыс. пудов или 14% ценностью 54330 тыс. руб. или 27%⁶⁶. Как видно из этих данных, товары, которые шли вниз по Волге гораздо ценнее, чем, идущие вверх по Волге, т.к. средняя стоимость пуда, идущего вниз равнялась 1 руб. 26 коп., а во втором направлении – 56 коп.

Из таблицы⁶⁷, которую дает И.Ф.Борковский, и в которой расписана сумма отправленных и прибывших товаров к различным пристаням Волжско-Мариинского пути видно, что общий оборот их составлял 403400 тыс. рублей, что на пристанях, лежащих ниже Нижнего Новгорода, ценность отправок выше ценности прибытия, а выше Нижнего Новгорода – наоборот, начинается ряд пристаней, на которых привоз превышает вывоз. Таким образом, Нижний служил как бы гранью между двумя, резко отличающимися между собой, группами Волжского бассейна из которых одна (ниже Нижнего) имеет активный характер, а другая (выше Нижнего) – пассивный. Из этой же таблицы видно, что самое большое количество грузов перевозится между Петербургом и Ладогой, между Нижним и Казанью, а самое меньшее – между Царицыным и Астраханью. В дальнейшем, грузооборот Волги постоянно увеличивался, «... в 1896 г., на Всероссийском торгово-промышленном съезде в Н.Новгороде, грузооборот Волжского бассейна представлялся в 2 миллиарда рублей...»⁶⁸.

Большая роль судоходства сказалась и на развитии городов, как важнейших волжских пристаней. Особенно сильно влияние судоходства сказалось на г. Рыбинске. К концу 60-х годов на его пристанях, тянувшихся на расстоянии 7 верст, стояло до 2 тысяч различных судов⁶⁹. В городе находились конторы пароходных акционерных обществ, велась широкая торговля. Судоходство давало заработок значительной части населения. Один из современников отмечал: «... у рыбинских жителей, за

исключением торговли, только два ремесла: летом – шитье рогож в слюцы для покрытия судов; зимой – ломка старых подчалков, коломенок, ладей и т.д.»⁷⁰. После закрытия навигации деловая активность резко снижалась. Как отмечал Л.Н.Фурер, современники писали: «Торговля в Рыбинске начинается с открытия и продолжается по время закрытия навигации, затем на последнее время года купечество отправляется в места своего жительства и потому собраний в биржевом зале не бывает»⁷¹. Население города, насчитывавшее 11 тысяч человек, в летнее время увеличивалось до 100 тысяч⁷².

И.Ф.Борковский в таблице о прибытии грузов к Рыбинску в 1866 году, подчеркивает ее значение как хлебной пристани⁷³. Из этой таблицы видно, что на взводное движение к Рыбинску приходится 92% всех товаров, а на сплавное от Рыбинска – только 8%, что из числа товаров, идущих снизу к Рыбинску, хлеб составляет 83%, а на остальные товары, т.е. сало, соль, железо и прочее приходится только 17%. Понятно, что волжский путь с низовых пристаней до Рыбинска, по отношению к хлебной промышленности, имел огромное значение. Этот водный путь, развитие транспорта на нем, сильно повлияли на усиление и развитие производительности в плодородных губерниях низового Поволжья, и на оживление торговли, которая для низовых губерний увеличила сбыт, а для северных установила скорость и дешевизну получаемого хлеба.

В дальнейшем, с увеличением и механизацией волжского транспорта, увеличивался и грузооборот рыбинской пристани. В 1884 году всех грузов к Рыбинску подошло с низовых пристаней 92 млн. пудов, с верховьев Волги 3,7 млн. пудов, а ушло от Рыбинска вниз по Волге 7,2 млн. пудов и вверх по Волге 9,2 млн. пудов груза⁷⁴. Но вместе с тем, с развитием буксирного пароходства, а также с постройкой Рыбинско-Бологоевской железной дороги, Рыбинск потерял свое исключительное значение, так как «хлеб с низовых пристаней, доставляется теперь до Петербурга в одну навигацию, вместо прежних двух. Вообще, Рыбинск, в настоящее время в отношении транзитного движения хлеба, скорее может назваться перегрузочным пунктом, чем складочным, потому что в нем, в течении всей навигации, происходит перевалка хлеба из огромных низовых судов в мелкие верховые, а теперь еще, и в вагоны Рыбинско-Бологоевской железной дороги»⁷⁵. После Рыбинска, доминирующее положение в волжской торговле переходит к Нижнему Новгороду.

Еще в начале 50-х годов у Нижнего Новгорода, на реках Волге и Оке не было обозначенной пристани, а суда при погрузке пользовались десятисаженным береговым пространством. С развитием пароходства облик города меняется. «Здесь по берегу насчитываются более 20 дебаркадеров, у которых устанавливаются пароходы,... они занимают до трех и более верст пространства»⁷⁶. Здесь же строятся многочисленные конторы пароходных обществ, склады и так далее. Нижний Новгород стал играть роль важнейшего торгового центра всего Волжско-го бассейна. Исключительна была роль Нижнего в хлебной торговле, особенно в ярмарочное время, когда он выполнял роль распределяющего центра. По официальным сведениям, ценность годовой массы подвозимого хлеба колебалась между 2 и 3 миллионами рублей⁷⁷. Преобладающими хлебами в этой торговле являлись пшеница и рожь. Часть подвозимого к Нижнему Новгороду хлеба тотчас же в нем продавалась, другая оставалась в его постоянных складах, для распределения в течение года, а третья проходила мимо, преимущественно водным путем.

По сведениям Нижегородского статистического комитета, в навигацию 1871 года к Нижегородской пристани было подвезено 11253403 пуда, отправлено – 3485594 пуда⁷⁸. Самое горячее время в Нижнем падало на июнь, июль, август месяцы, совпадающие с ярмарочным временем. С пристаней Самарской, Саратовской, Хвалынской, Баронской, Балаковской подвозились преимущественно рожь, пшеница, пшено и ячмень; с Симбирской, Казанской и Камской пристаней, которые притягивали хлеб из Вятской, Пермской и Уфимской губерний – ржаная мука, рожь, овес, гречневая крупа, горох и льняное семя. Главные склады хлеба находились, кроме городских, на правом берегу Волги и левом берегу Оки – в деревнях Молитовке и Борзовке.

Важной волжской хлебной пристанью, лежащей чуть вверх от Нижнего, в пределах нижегородского Поволжья, можно назвать село Городец Балахинского уезда. В этой местности производят столько хлеба, что его хватает местному населению лишь до декабря, – писал А.С.Гациский, – но зато он ведет крупную торговлю низовым хлебом, вследствие чего даже употребляется оборот «городецкий» хлеб, то есть хлеб, вывозимый с городецких базаров и из амбаров городецких купцов⁷⁹. Низовые хлеба подвозились к Городцу почти со всех камских и волжских пристаней; рожь преимущественно со Спасской, Казанской и Чебоксарской, пшеница – с Самарской, Покровской и

Екатериновской. Всего подвозилось хлеба к Городцу в течение года до 1300 тыс. пудов⁸⁰, главная же масса подвоза падала на время навигации. В дальнейшем, по мере развития капитализма в Поволжье, Нижний Новгород приобретает все большее значение как важнейшая пристань. В 1884 году к нижегородским пристаням подошло с низовых пристаней 128,3 миллиона пудов груза, а с верховых пристаней – 9,4 миллиона пудов, ушло же из Нижнего вниз по Волге 13,7 миллиона пудов, а по направлению к Петербургу – 98,2 миллиона пудов груза⁸¹.

Одной из важнейших волжских пристаней также считалась Казань. «В Казань и на пристани Казанской губернии, в числе которых главнейшие – Чистополь, Мамадыш, Чебоксары, Спасск, Тетюши, Козьмодемьянск и Мариинский посад свозится ежегодно из Казанской и смежных с нею губерний до 22 миллионов пудов хлеба»⁸². Поэтому Казань составляла один из центров хлебных операций петербургских торговцев, а также место заготовки хлеба для войска. Кроме хлебных грузов, скапливающихся на пристанях Казанской губернии, «считается до 2 млн. пудов одного льняного семени», затем кож, сала, щетины, шерсти, спирта и других товаров – 2 миллиона пудов⁸³. Кроме того из Казани в Мензелинск на ярмарку шло бакалейных, бумажных и галантерейных товаров более 600 тысяч пудов⁸⁴. Оттуда, обратно идет сало, кожи, металлических изделий до 400 тысяч пудов⁸⁵.

Всего же в навигацию 1884 года к казанской пристани подошло грузов с низовых пристаней 74,4 млн. пудов, с верховых – 23,1 млн. пуда, а ушло вниз по течению 38,7 млн. пудов, вверх же 118,3 млн. пудов⁸⁶.

Важнейшее значение в допаровой период имела пристань Лысково в Нижегородской губернии. «Значение Лысково заключается в его хлебной пристани, к которой в течение зимы подвозится хлеб, не только из более плодородных местностей Нижегородской губернии, но и из разных пунктов Казанской, Симбирской и Пензенской губерний»⁸⁷. Но с развитием буксирного пароходства его роль резко снижается. В прежнее время, когда главные массы волжских грузов двигались с помощью бурлацкой силы, низовой хлеб шел до Петербурга два лета и, следовательно, купцы имели больше причин приезжать в Лысково для закупки зимой здесь хлеба, который с открытием навигации доходил на парусных судах до Петербурга в течение одного лета. С развитием пароходства в пореформенный период, пароходы успевали привезти к Петербургу низовой хлеб

(Камский, Самарский, Балаковский) в одно лето, следовательно, купцы получили возможность делать свои покупки в низовых губерниях, помимо Лыскова.

Значительное влияние оказало пароходство на развитие Царицына. В начале 50-х годов в нем было всего 4500 жителей, на пристани грузилось не более 12 судов, преимущественно хлебом, на сумму 14270 рублей⁸⁸. Развитие пароходства и постройка Волжско-Донской железной дороги привели к быстрому росту города. Сумма разгружаемых товаров в середине 60-х годов уже достигает 109472 рублей⁸⁹.

Крупными пристанями на Волге также считались Ярославль, Васильсурск, к которому в навигацию 1884 года подошло грузов с низовых пристаней 123,3 млн. пудов, с верховых – 14,3 млн. пудов, а ушло же вниз 14,3 млн. пудов и вверх к Петербургу – 127,2 млн. пудов груза⁹⁰, Козьмодемьянск, Самара и другие.

В меньшей степени влияние судоходства определило рост других городов, но для всех населенных пунктов Поволжья оно играло важную роль. Судоходство привело к значительному росту мелких селений, которые превращаются в пристани и занимают значительную роль в жизни многих прилегающих районов, так как являются для них пунктами сбыта сельскохозяйственной продукции и получения необходимых товаров. Не меньшую роль играло пароходство для Богородска, Чистополя, Елабуги, Тетюш, Балакова и других пристаней Волги и Камы.

Таким образом, под влиянием капитализма в пореформенный период происходили коренные перемены в волжском транспорте. Здесь завершился промышленный переворот, который означал окончательную победу парового, механизированного транспорта над паровым. По существу, это была настоящая промышленная революция в волжском судоходстве. Возросшие потребности страны в речных перевозках в пореформенный период вызвали интенсивное развитие отечественного судостроения. Новое время, проникнутое духом буржуазного предпринимательства, способствовало появлению в Волжском бассейне крупных заводов и верфей по строительству паровых судов новейшего типа. На этих заводах работали замечательные мастера своего дела, прославившие своим талантом отечественное судостроение, не уступавшее по своему качеству и уровню зарубежному флоту. Развитие судоходства привело к формированию значительного отряда судорабочих, которые составляли часть рабочего класса России. Развитие судоходства оказало влияние

на усиление размеров отходничества в сельскохозяйственные районы. Для современников связь между развитием пароходства и ростом отходничества была вполне очевидной. Отходничество же, как известно, – это одна из характерных особенностей развивающихся в деревне капиталистических отношений.

Освоение заволжских степей, где применялся наемный труд и новая сельскохозяйственная техника – подрывало систему феодальных отношений в сельском хозяйстве. И в этом освоении была доля влияния судоходства, осуществлявшего связь земледельческих окраин с промышленным центром. Пароходы обеспечивали удобный сбыт сельскохозяйственных продуктов. Содействуя заселению окраин и их освоению, волжское судоходство создавало условия для своего дальнейшего развития.

Пароходство способствовало специализации отдельных сельскохозяйственных районов Поволжья. Ярославская, Костромская и др. губернии, получая дешевый хлеб из Самары, Саратовской губернии, заменяли посевы хлебов овощами, техническими культурами. Зато степные районы Поволжья превращаются в крупные районы торгового зернового хозяйства. Постепенно происходит общественное разделение труда не только между промышленностью и сельским хозяйством, но и внутри самого сельского хозяйства.

Волжское судоходство сыграло крупную роль в развитии внутреннего рынка как в Волжском бассейне, так и Европейской России в целом. Это развитие шло в русле капиталистической эволюции страны, способствуя проникновению буржуазных отношений во многие сферы народного хозяйства (промышленность, сельское хозяйство, торговлю). Особенно значительной роль Волжского судоходства была в развитии внутреннего рынка в тех поволжских районах, которые не были еще подключены к железнодорожной сети. В свою очередь интенсивное развитие внутреннего рынка и волжского судоходства способствовало росту значения крупных пристаней на Волге, которые превратились в период капитализма, в значительные пункты развития торговли в Европейской России. Эти пристани оказывали огромное влияние на деятельность поволжских базаров и ярмарок, притягивая к себе значительную массу всевозможных товаров, которые затем развозились во многие отдаленные районы страны. Здесь находился цвет волжского купечества, бурный размах деятельности которого в основном был связан с развитием волжского судоходства.

Таким образом, как видно, Волга и ее судоходство в период капитализма играли огромную роль в социально-экономической жизни страны, оказывая большое влияние на многие сферы народного хозяйства как Волжского бассейна, так и Европейской России в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борковский И. Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. // Труды экспедиции, снаряженной Императорским вольным экономическим и Русским географическим обществом для исследования хлебной торговли и производительности в России. – Т.IV. – Вып.2. – СПб., 1874. – С.15.

² Борковский И.Ф. Пути и способы перевозки грузов с низовых пристаней р.Волги к С.-Петербургу. // Труды экспедиции... – Т.1. – СПб., 1870. – С.5-6.

³ Фурер Л.Н. К истории развития волжского пароходства // История СССР. – 1959. – № 2, март-апрель. – С.154.

⁴ Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. – М.: Транспечать, 1927. – С.433.

⁵ Там же. – С.461.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С.463.

⁸ Архангельский С.И. Очерки по истории промышленного пролетариата Н.Новгорода и Нижегородской области XVII–XIX в. – Горький, 1950. – С.115.

⁹ Шубин И.А. Указ. соч. – С.467.

¹⁰ Там же. – С.473.

¹¹ Там же. – С.475.

¹² Материалы для статистики речного судоходства в Европейской России. – Ч. 1. – СПб., 1872. – С.239.

¹³ Шубин И.А. Указ. соч. – С.491.

¹⁴ Борковский И.Ф. Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. // Труды экспедиции... Т.IV. – Вып.2. – СПб., 1874. – С.12–14.

¹⁵ Шубин И.А. Указ. соч. – С.516.

¹⁶ Там же. – С.520.

¹⁷ Там же. – С.536.

¹⁸ Речной флот (паровой и непаровой) по переписи 1900 года. – СПб., 1902. – С.19.

¹⁹ Там же. – С.2.

²⁰ Шубин И.А. Указ. соч. – С.596.

²¹ Речной флот (паровой и непаровой) по переписи 1900 г. – С.2.

²² Шубин И.А. Указ. соч. – С.637.

²³ Материалы для статистики речного судоходства в Европейской России. – Ч. 1. – СПб., 1872. – С.200-201.

²⁴ Речной флот (паровой и непаровой) по переписи 1895 г. – СПб.,

1898. – С.24.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Шубин И.А. Указ. соч. – С.823.

²⁹ Там же. – С.824.

³⁰ См.: Речной флот... по переписи 1895 г. – С.24.

³¹ Шубин И.А. Указ. соч. – С.824.

³² Фурер Л.Н. Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье (середина XIX века). – Казань, 1959. – С.4.

³³ Опыт предварительного исследования и санитарного надзора за пришлыми рабочими в Самарской губернии. – Самара, 1898. – С.14.

³⁴ Там же. – С.1.

³⁵ Там же. – С.23.

³⁶ Там же. – С.24.

³⁷ Там же. – С.1–2.

³⁸ Там же. – ы3С.22.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. – С.3.

⁴¹ Там же. – С.8.

⁴² Там же. – С.10.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Фурер Л.Н. Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье. – С.8.

⁴⁶ Борковский И. Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. – СПб., 1874. – С.22.

⁴⁷ Шубин И.А. Указ. соч. – С.838-840.

⁴⁸ Шубин И.А. Указ. соч. – С.757.

⁴⁹ Никитин А.Ф. Очерк санитарно-экономического положения грузчиков на Волге. – СПб., 1904. – С.28.

⁵⁰ Там же. – С.75.

⁵¹ Шубин И.А. Указ. соч. – С.801.

⁵² Богуславский Н.А. Волга как путь сообщения. – СПб, 1887. – С.11.

⁵³ Фурер Л.Н. Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье. – С.32.

⁵⁴ Рудаковский Н. Сведения о хлебной торговле С.-Петербурга. // Морской сборник. – 1866. – № 11. – С.79-80.

⁵⁵ Рудановский Н. Сведения о хлебной торговле С.-Петербурга. – С.79.

⁵⁶ Боголюбов Н. История корабля. – Т.II. – М., 1880. – С.639.

⁵⁷ Борковский И.Ф. Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. // Труды экспедиции... – Т.4. – Вып.2. – СПб., 1874. – С.1.

⁵⁸ Шубин И.А. Указ. соч. – С.637.

⁵⁹ Борковский И.Ф. Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. // Труды. – Т.4. – Вып.2. – СПб., 1874. – С.1.

- ⁶⁰ Там же. – С.2.
- ⁶¹ Борковский И.Ф. Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. // Труды... – Т.4. – Вып.2. – СПб., 1874. – С.2.
- ⁶² Там же. – С.3.
- ⁶³ Верхнее Поволжье от Ярославля до Н.Новгорода и волжское судоходство. – СПб., 1913. – С.46.
- ⁶⁴ Борковский И.Ф. Торговое движение... – С.4.
- ⁶⁵ Там же. – С.4.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. – С.5–6.
- ⁶⁸ Верхнее Поволжье от Ярославля до Н.Новгорода и волжское судоходство. – СПб., 1915. – С.49.
- ⁶⁹ Овсянников Н.Н. Отношение Верхней части Поволжья к Нижегородской ярмарке. // Нижегородский сборник. – Т.2. – Н.Новгород, 1869. – С.408.
- ⁷⁰ Прокофьев М. Судоходство и пароходство по рекам Волге, Оке, Каме, Шексне и Свири. – СПб., 1870. – С.43.
- ⁷¹ Фурер Л.Н. Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье. – С.34.
- ⁷² Овсянников Н.И. Отношение Верхней части Поволжья к Нижегородской ярмарке. – С.408.
- ⁷³ См.: Борковский И.Ф. Пути и способы перевозки грузов с низовых пристаней р.Волги к С. Петербургу. // Труды... – Т.1. – СПб., 1870. – С.11.
- ⁷⁴ Борковский И.Ф. Исследование хлебной торговли в Верхне-Волжском бассейне. // Труды... – Т.2. – СПб., 1872. – С.42.
- ⁷⁵ Боголюбов Н. Указ. соч. – С.652.
- ⁷⁶ Борковский И.Ф. Исследование хлебной торговли в Верхне-Волжском бассейне // Труды... – Т.2. – СПб., 1872. – С.42–56.
- ⁷⁷ Гациский А.С. Материалы для изучения хлебной производительности и хлебной торговли Нижегородской губернии. // Нижегородский сборник. – Т.5. – 1875. – С.48.
- ⁷⁸ Там же. – С.49.
- ⁷⁹ Там же. – С.50.
- ⁸⁰ Там же. – С.53.
- ⁸¹ Богуславский Н.А. Указ. соч. – С.153.
- ⁸² Овсянников Н.Н. Об отношении сибирского транзита к нижегородской ярмарке // Нижегородский сборник. – Т.4. – Н.Новгород, 1871. – С.71.
- ⁸³ Там же. – С.77.
- ⁸⁴ Там же. – С.38.
- ⁸⁵ Овсянников Н.Н. Указ. соч. – С.79.
- ⁸⁶ Богуславский Н.А. Указ. соч. – С.152.
- ⁸⁷ Гациский А.С. Указ. соч. – С.60.
- ⁸⁸ Фурер Л.Н. Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье. – С.35.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Богуславский Н.А. Указ. соч. – С.152.

Сведения об авторах

Алишев Саям Хатипович – д.и.н., гл.н.с. отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (ИИ АН РТ).

Арсланова Алсу Айратовна – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Багаутдинова Халида Зиннатовна – н.с. отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Байбулатова Лилия Фаритовна – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Галимуллин Данил Шамилович – аспирант отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Галлям Рашит Габдельфартович – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Загидуллин Ильдус Котдусович – д.и.н., заведующий отделом средневековой истории ИИ АН РТ.

Миргалеев Ильнур Мидхатович – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Свердлова Людмила Михайловна – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Файзрахманов Габдельбар Лутфиевич – д.и.н., в.н.с. отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Файзрахманов Ильшат Завдатович – м.н.с. отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Хамитбаева Найла Сахабидиновна – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории ИИ АН РТ.

Содержание

Салям Алишев. Труды татарских духовных лиц по истории татарского народа	3
Алсу Арсланова. Минхадж ад-Дин Джузджани и его труд «Табакат-и Насири»	8
Халидэ Баһаветдинова. Ямаширмә авылы тарихыннан	19
Лилия Байбулатова. «Богатство обязывает... » (Из истории благотворительных обществ и учреждений Казани в XIX в.)	26
Данил Галимуллин. Некоторые особенности золотоордынской керамики в трудах Г.А.Федорова-Давыдова	38
Рашид Галлям. Дозорная книга Казанского уезда 1599 г. Н.Обухова как источник	42
Ильдус Загидуллин. Городское хозяйство и вопросы благоустройства Казани в XIX веке	47
Ильнур Миргалеев. Улус Джучи в системе международных отношений: к постановке вопроса.....	63
Людмила Свердлова. Демографический профиль Казани XIX века	72
Габдельбар Файзрахманов. Источники сведений о деятельности сибирской ветви династии Шибанидов во второй половине XV – начале XVI века	82
Ильшат Файзрахманов. Организация лесозаготовительных работ в России по «Положению...» 1817 года.....	89
Найла Хамитбаева. Волжско-Камское судоходство и сельское хозяйство Среднего Поволжья в эпоху капитализма (1861–1900 гг.)	93
Сведения об авторах	121

**Материалы Итоговой конференции
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ
за 2006 год по отделу средневековой истории**

Научное издание

Оригинал макет – Л.М.Зигангареева
Усл.печ.л. 7,75 Тираж 150 экз.
Подписано в печать 01.02.2008 г.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г.Казань, Кремль, подъезд 5
тел. 292-95-68, 292-18-09